

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь



Москва 2020

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертез (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *Т.В. Григорьева*

Верстка *В.А. Козак*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»
и частных пожертвований.*

Содержание

№ 4(80) 2020

Тема номера

- Вызовы для лидерства в эпоху восстановления после кризиса COVID-19*
Фрэнсис М. О'Доннелл 5
- «Новый» правовой нигилизм*
Олеся Захарова 11

Вызовы и угрозы

- Строим мир, в котором хотим жить: союз жизненных сил в мире хрупкости*
Урсула фон дер Ляйен 16
- Человечеству нужно демократическое представительство*
Андреас Буммель 31
- Зачем миру новый общественный договор?*
Антониу Гутерриш 35

Точка зрения

- Американские беспорядки*
Иван Курилла 40
- О сущности гибридных войн*
Андрей Курапов 44
- О Конституции*
Илья Афанасьев, Мария Потехина, Галина Филимонова,
Александр Фукс, Дмитрий Москвин, Александр Малахов 49

Гражданское общество

- Единственный европеец*
Андрей Колесников 70
- Лев Толстой. Забыть прошлое:
художественный вымысел или историческая истина*
Александр Согомонов 74

Наш анонс

*Сенокосов Ю.П. В поисках утраченного универсализма:
О Школе гражданского просвещения* 98

Книги

Таинственный мир, или Богатые русские как они есть 104
Андрей Захаров

Контрапункт 107
Владимир Рыжков

Nota bene

Кант был антифашистом 119
Михаэль Вольфф

*Вызовы для лидерства в эпоху восстановления после кризиса COVID-19**

Исторический кризис

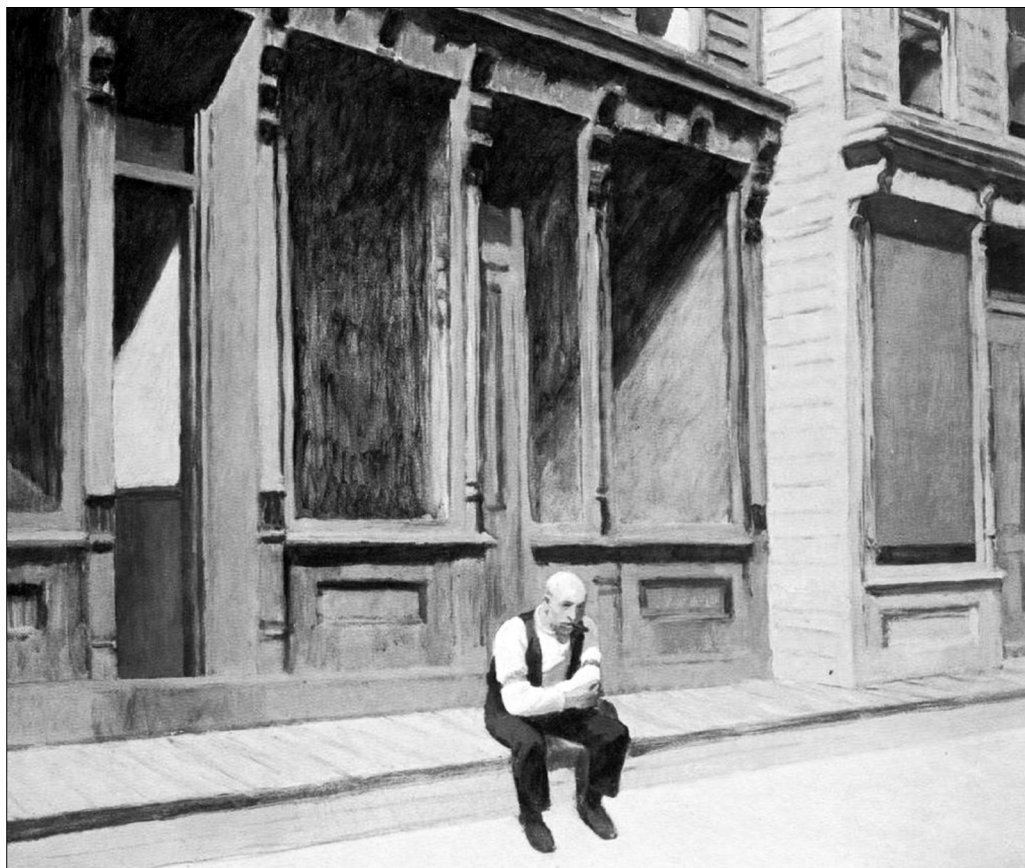
Кризис COVID-19 принес глубочайший и беспрецедентный упадок благосостояния, коснувшийся практически каждого на планете. К сентябрю мы приблизились к отметке в 25 000 000 зараженных и 835 000 летальных исходов, причем количество заражений возросло более чем в 10 раз за последние три месяца. При этом, согласно оценкам американского Центра по контролю и профилактике заболеваний, реальное количество случаев может быть в 13 раз выше. А лидеры некоторых стран (например, Ирана) полагают, что реальные цифры могут превышать заявленные в сотни раз. Если же учитывать количество «преждевременных смертей» и оценки Центра по контролю и профилактике заболеваний, можно предполагать, что количество погибших уже исчисляется миллионами, и вирус представляет собой самую страшную угрозу для здоровья людей за всю историю человечества. Вероятно, погибнут еще миллионы, прежде чем мы вообще сможем говорить о «мире после COVID-19».

По оценкам Международного валютного фонда рецессия мирового ВВП составит в 2020 году 5% с вероятностью восстановления в 2021-м, но даже при этом условии ВВП останется на 7% ниже допандемических оценок. Организация экономического сотрудничества и развития давала еще более мрачный прогноз (на 6% ниже), но она исходила из вероятности обойти вторую волну заражения, ожидавшуюся следующей зимой, притом что многие страны оказа-



*Фрэнсис М. О'Доннелл,
ирландский дипломат*

** Статья написана на основе презентации автора в онлайн-дискуссии, организованной генеральным секретарем международного центра Nizami Ganjavi Ровшаном Мурадовым, 24 июля 2020 г.*



Эдвард Хоппер. Воскресенье. 1926

лись в эпицентре второй волны уже в середине лета. ВОЗ считает, что все это — одна глобальная нарастающая волна. Уже сейчас мы можем наблюдать, что глобальный ВВП второго квартала упал на 10% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В некоторых западных странах в настоящее время наблюдается двузначное снижение ВВП. В то время как большую часть экономик ожидает гарантированная рецессия, Китай, в силу раннего выхода из карантина, может показать рост ВВП на 1%. Ожидается, что экономика Индии сократится как минимум на 5%, а экономики некоторых стран Латинской Америки, таких

как Мексика и Бразилия, могут сжаться до 10% и более. В этих условиях оценка сокращения экономик африканских стран на 2% выглядит нереально оптимистичной.

Согласно данным Международной организации труда (МОТ), потери рабочих мест по всему миру составили уже порядка 400 миллионов, и это по сравнению с 25 миллионами всего три месяца назад. К этим цифрам необходимо добавить еще 2 миллиарда людей из неформального сектора, где существенно сократились источники средств к существованию, что привело к серьезному обнищанию, фактически угрожающему жизни людей. Не будем также забывать,

что около 1,8 миллиарда человек живут в зонах, подверженных влиянию изменения климата и связанных с ним рисками, и 2,7 миллиарда в 132 странах находятся за чертой бедности. Все это говорит о критической необходимости введения минимального базового дохода. Конференция ООН по торговле и развитию опасается, что прямые иностранные инвестиции сократятся на 30–40%. В конце марта МВФ отметил, что уже 83 миллиарда долларов были изъяты донорами из оборота экономик развивающихся стран с начала пандемии — это исторически самая большая потеря, сопоставимая с экономическим насилием в постколониальных странах, что особенно иронично контрастирует с объемом нового гранта ЕС для Италии.

Мы видим, как COVID-19 искореняет саму идею экономической глобализации. Глобальные производственные сети страдают от самых масштабных потрясений за всю историю. Сегодняшний кризис демонстрирует, насколько глобально взаимосвязаны производство товаров и услуг и торговля, и это особенно видно на фоне попытки стран повысить устойчивость к внешним воздействиям за счет уменьшения этой зависимости.

Серьезные сокращения наблюдаются в сфере туризма, общественного питания, авиаперевозок и других услуг. Торговля все больше перемещается в Интернет в ущерб сектору уличной розничной торговли, напрямую зависящему от резкого снижения посещаемости. Плотность населения городов теряет свою привлекательность в новую эпоху социального дистанцирования. Последствия этого будут не только экономические и социальные, но и цивилизационные — человеческое поведение и межличностное

доверие, не говоря уже о восприятии близости, подвергаются серьезному системному потрясению. Предположения последних лет о тектонических сдвигах в геополитике и экономике были опровергнуты масштабными неопределенностями, растущим недоверием к мультилатерализму и агрессивным международным соперничеством, которое рискует в любой момент перейти от враждебности к открытому конфликту. Невидимая гибридная война, просочившаяся в цифровые, финансовые и промышленные отношения, в настоящее время стала обычным явлением, использующим закрытые сети и активы организованной преступности.

Резкое падение национальных налоговых поступлений в результате сокращения экономической активности во всем мире в период колоссального бюджетно-налогового стимулирования сетей социальной защиты окажет глубокое воздействие на будущую способность правительств поддерживать предоставление услуг, что потенциально может подорвать усилия по восстановлению экономики в посткризисный период. Эта тенденция еще больше ослабляет роль правительств, но существует ли вообще решение проблемы бюджетно-финансовой сферы? Есть ли свет в конце этого туннеля?

Какой же выход

1. Не бойтесь затрат на выход из кризиса
2. Делайте умные займы
3. Переходите к зеленой экономике
4. Спасайте планету

Во-первых, *не бойтесь затрат на выход из кризиса*. Нам необходимо

значительное увеличение бюджетных стимулов и государственных расходов для непосредственного реагирования на COVID-19, включая активизацию и реформирование системы общественного здравоохранения, предупредительное производство средств индивидуальной защиты с возможностью создания запаса и наращивание потенциала в обеспечении средств к существованию, например за счет введения всеобщего базового дохода или общественных работ для восстановления окружающей среды. Правительствам следует решительно поддержать инвестиции в здравоохранение, стимулировать малый и средний бизнес и воздержаться от повышения налогов. При любой бюджетно-финансовой корректировке следует избегать дефляционных сокращений расходов и работать над уменьшением неравенства. Увеличение государственных расходов должно укрепить экономическую роль государства, но не должно привести при этом к усилению массового слежения. В восстановлении нуждается не только экономика. Демократия должна оздоровиться, чтобы избавиться от растущей тенденции к автократии.

Во-вторых, *необходимы умные займы*. Те страны, которые имеют свой потенциал заимствования, должны воспользоваться им в полной мере, предпочтительно на региональном взаимовыгодном уровне, как это только что сделал Европейский союз. Самое очевидное решение — меры бюджетно-налогового стимулирования и восстановления. Мы должны ценить тот факт, что реальные процентные ставки еще никогда не были столь низкими. Для стран с развитой экономикой это стало более чем 30-летним снижением в рамках

долгосрочной тенденции с начала 1980-х годов. При низких процентных ставках по государственному долгу это позволяет правительствам брать кредиты до тех пор, пока надбавка за риск остается низкой. Если речь идет о долгосрочном проекте увеличения государственных расходов, то после восстановления международные инвесторы едва ли станут поднимать надбавку за риск. Процентные ставки, как процент от налога, нужно удерживать на максимально низком уровне по отношению к проценту от ВВП. Для более бедных стран необходимо рассмотреть вариант списания долга или по крайней мере пересмотр сроков его погашения.

В-третьих, *необходим переход к зеленой экономике*. Продолжительная заморозка производительности, снижение энергопотребления и, как следствие, загрязнения окружающей среды привели к ситуации, которая представляет собой идеальную возможность для перехода к зеленому типу экономики. Опыт, который мы только что получили, показывает, что декарбонизация внезапно оказалась достижимой целью к 2050 году. Очевидно, что страны могут переориентировать производство электроэнергии с ископаемых видов топлива на возобновляемые источники энергии, это только вопрос политического решения. Затраты на переход на возобновляемые источники в настоящее время являются совершенно доступными, что делает декарбонизацию финансово и экологически привлекательной. Во многих случаях достигается сетевой паритет, то есть затраты выравниваются, независимо от того, являются ли виды топлива ископаемыми или возобновляемыми. Хотя с резким падением цен на нефть

в кризисный период это не является аргументом в пользу отсрочки обращения вспять антропогенного воздействия на изменение климата. Так, по оценкам Джеффа Сакса, значительная декарбонизация, например более 80% к 2050 году, будет стоить 1% мирового ВВП или меньше.

Четвертое: *спасайте планету*. Докризисный дефицит финансирования, необходимого для достижения целей устойчивого развития, составлял 2,5 триллиона долларов США. Еще недавно эта сумма звучала нереалистично, но, как мы видим в ретроспективе, она была вполне достижима, если учесть, что только в 2019 году, по оценкам Всемирного банка, глобальный ВВП составил около 88 триллионов долларов США, поэтому план потратить 2,8% от нашего годового глобального благосостояния на спасение человечества не должен нас больше шокировать. 2,5 триллиона долларов это разумная сумма даже в сравнении с тем, что было потрачено в рамках фискального стимулирования (порядка 11 триллионов долларов), и это до недавнего пакета ЕС в размере 2 триллионов долларов.

Не стоит забывать, что 17 целей в области устойчивого развития включают в том числе и вопросы *прав человека, основных свобод, участия в политической жизни, подотчетного институционального строительства и наращивания потенциала*. Задачи, поставленные в рамках цели 16 — Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях, — имеют особенно важное

значение для гражданского просвещения, прав человека и надлежащего управления. Именно здесь появляется возможность обратить вспять процесс эрозии демократии, в том числе в развивающихся странах, поскольку мы прежде всего можем позволить себе поддерживать и расширять официальную помощь в целях развития (ОПР) сверх целевого показателя доноров в 0,7% ВВП.

Вызовы для лидерства

Надлежащее руководство должно отвечать *высочайшим этическим стандартам, а это значит, что необходимым условием для лидера становится чувство долга и ответственности за других; стратегическое видение, способность к конструктивной мобилизации; инклюзивность; беспристрастность; порядочность; транспарентность*.

Но ключевую роль играет не только надлежащее управление, но и процветающее гражданское общество, разнообразные и независимые средства массовой информации и независимая судебная система. Активное участие граждан и средств массовой информации в этом процессе имеет важнейшее значение: для обеспечения подотчетности власти, как в государственном, так и в частном секторах, в соответствии со стандартами добросовестности, транспарентности, защиты прав человека, предотвращения приватизации власти государством «нормативного захвата» (ангажированности регулирующих органов) со стороны корыстных политических, корпоративных и организованных преступных кругов.

Лидеры должны быть гарантами обязательств, под которыми подписались их правительства в рамках Конвенции ООН против коррупции, должны противостоять пагубному влиянию организованной преступности и коррупции в правительстве и экономике. Глобальные корпорации также должны соблюдать стандарты этики, надлежащего управления, прав человека, гендерного равенства, охраны окружающей среды, социальной ответственности и подотчетности перед обществом. Только совместными усилиями лидеры, их страны, общества и корпорации могут добиться успеха в решении глобальных проблем.

Мультилатерализм также нуждается в решительных мерах, направленных на укрепление своих позиций по предотвращению конфликтов и снижению расходов «на безопасность». Страны, как и сама Организация Объединенных Наций, страдают от нехватки ресурсов ООН и многосторонних институтов. Но и сама ООН не меньше нуждается в реформах, так как ситуация, в которой только узкий круг, представляющий Совет Безопасности, имеет право вето, в то время как более крупные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не имеют такой силы, не может считаться полностью демократической. Также в пересмотре нуждаются отношения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи, которые отражают некое сверхболь-

шинство государств и населения, должны иметь большую легитимность и вес, а также соответствующие инструменты их исполнения. Ни одна страна не должна иметь права вето ни в Совете Безопасности ООН, ни в Генеральной Ассамблее ООН. Таким образом, мы можем наделить резолюции Совета Безопасности ООН большей силой.

Нравственность, добросовестность, ум и мудрость мировых лидеров никогда еще не были столь важны с момента основания Организации Объединенных Наций 75 лет назад. Но высший эшелон власти должен быть прозрачным и подотчетным в рамках демократических процедур. Учитывая высокую скорость, с которой меняется мир, экологические, цифровые, технологические, экономические, социальные или глобальные институты и национальные правительства тоже должны реагировать и быстрее и эффективнее, чтобы выполнять свои международные обязательства и обязанности, вытекающие из глобальных договоров — будь то действия по предотвращению климатической катастрофы или борьба с коррупцией и nepotизмом и, безусловно, действия по предотвращению дальнейшего распространения пандемии. Восстановление после кризиса COVID-19 делает выполнение всех перечисленных задач еще более неотложным.

*Перевод с английского
Инны Березкиной*

«Новый» правовой нигилизм*



Олеся Захарова
политолог

Проведенная Путиным «спецоперация» по внесению поправок в Конституцию в обход законной процедуры многих поразила крайней степенью пренебрежительности к нормам права. Даже к тем, которые сама власть и принимала. Мало кто из экспертов мог спрогнозировать, что события будут развиваться именно таким путем и с такой стремительностью.

При этом общая философия реформы Конституции РФ была озвучена и опубликована председателем Конституционного суда РФ (КС РФ) и главным философом текущего режима Валерием Зорькиным еще в мае 2019 года. В своей концепции он прямо призывает отказаться от принципа верховенства права, что означает и отказ от идеи правового государства. То есть государства, в котором власть подчиняется закону, а сам закон должен соответствовать стандартам уважения достоинства личности и соблюдения прав человека. Для обоснования своей позиции он использует привычную для путинского режима риторику угроз. Согласно Зорькину, демократия и право в их современном понимании уже давно находятся в кризисе и мешают спасению России от окружающих ее вызовов.

Единственным способом противостояния этому кризису Зорькин считает «расшатывание догматов» и «преодоление устоявшихся стереотипов» в праве. По его мнению, это поможет нам перейти от права постмодерна (то есть современного права) к «метамодернистскому» подходу осмысления права, автором которого является сам Зорькин.

* *Ridl*. 31.07.2020 // www.ridl.io/ru/novyj-pravovoj-nigilizm.



Обложка Конституции РСФСР 1918 года

Среди негативных характеристик современного права глава КС называет «двойные стандарты», «отрицание иерархии, иронию и сарказм». Особое внимание он уделяет свободе слова и мнений. Большим недостатком Зорькин считает то, что «все мнения имеют право на существование» и «одинаково правильны и неправильны». В этом Зорькин видит отсутствие «базовых правовых понятий — истинности, объективности и справедливости».

Согласно предложенной им концепции, должно быть чье-то одно мнение, которое является истинным и объективным. И такое «правильное» мнение, обязательное для всех, должно устанавливать государство.

Фактически Зорькин концептуализирует текущую российскую политику. В последние

годы значительная часть законов, принимаемых Госдумой, направлена на установление границ того, о чем может (или не может) думать и говорить российский гражданин. К их числу относятся законы «о запрете пропаганды нетрадиционных отношений», об оскорблении чувств верующих, о высказываниях о государстве и органах власти, о фейковых новостях, об оскорблении общественной нравственности и многие другие. Венцом этой борьбы за чистоту мыслей россиян стало внесение в Конституцию поправок об исторической правде и охране памяти предков.

Зорькин критикует основные классические подходы к праву — позитивизм и естественное право (юснатурализм). Позитивизм, главный принцип которого заключается в четком соблюдении норм законов, — якобы слишком строгий, а юснатурализм (то есть признание за человеком естественных прав, которые принадлежат ему от рождения и никем не могут быть отняты, даже государством) явно ведет к «ничем не ограниченной толерантности», которую глава КС приравнивает к хаосу.

Метамодернистский подход к праву позволит, по мнению Зорькина, «аккумулировать в себе потенциал самых разных типов правопонимания». Если говорить проще, право при таком подходе рассматривается как набор политических инструментов для текущей власти. Что-то взять отсюда, что-то оттуда.

В частности, предлагается отказаться от верховенства права и универсальности прав человека и взять «социокультурную ценностно-норма-

Сегодняшнее демонстративное игнорирование властью законов и права ведет к тому, что в качестве основного образца поведения в обществе закрепляется модель «приоритета произвола отдельных лиц». При таком построении общественных отношений люди перестают доверять не только власти, но и друг другу

тивную специфику», «опору на национальную идентичность» и «историю», которые в совокупности и будут определять содержание законов. Обозначенные Зорькиным принципы нашли свое выражение в конституционных поправках. В них много «истории» — РФ объединена «тысячелетней историей», признает «исторически сложившееся государственное единство» и «обеспечивает защиту исторической правды» (пункты 2, 3 статьи 67 (1) и не меньше «социокультурной специфики» (например, охране культуры и культурной идентичности посвящены три пункта).

Все эти положения красиво звучат, но возникает вопрос: для чего их внесли в текст Конституции, юридического документа, сфера которого — это прежде всего регулирование социальных отношений, а не морально-этических установок? На это в статье Зорькина тоже есть ответ. По его мнению, главная функция права состоит вовсе не в регулировании отношений, но в «предчувствии общей беды и мысли о всеобщем спасении» (эту идею он заимствует у философа Арсения Гулыги).

С точки зрения такой концепции права нынешние конституционные поправки и идея «обнуления» выглядят вполне логичными. Здесь нет ни верховенства права, ни принципа конституционности, ни обязательности закона, потому что главной является мысль «о всеобщем спасении», исторической правде и социально-культурной ценностной специфике. И если для спасения требуется «обнуление», значит, это вполне правовая мера. А все остальное (соблюдение норм действующих законов, принципов права, прав граждан и пр.) — «излишняя строгость позитивизма».

Свою теорию права как инструмента всеобщего спасения Зорькин дополнил в апреле этого года, подчеркнув, что для дальнейшего процветания и безопасности общества необходимо функции по защите прав человека отдать государству, а люди должны просто довериться власти. И в этом, по его мнению, состоит главная задача россиян как граждан. Положение о доверии государства и общества тоже было закреплено в одной из новых поправок (статья 75 (1)).

Однако то, что председатель КС РФ называет загадочным словом «метамодернизм», в литературе давно описано и определяется как право полицейского государства. В таком государстве практически не делается различия между законами и предписаниями исполнительной власти (правительства, прокуратуры, полиции), им присваивается одна и та же значимость. Соответственно реально власть никем и ничем не ограничивается, потому что любое решение власти и есть закон. Это идет вразрез с нормами правового государства, где, во-первых, законы и административные акты различаются между собой и по юридической силе, и по последствиям, а, во-вторых, действия власти признаются легитимными, только если они осуществляются в рамках установленных правовых ограничений.

В полицейском государстве основным принципом действий власти выступает не право или закон, а «политическая целесообразность», произвольно определяемая частной волей высших должностных лиц. При этом апологеты теории полицейского государства тоже говорили, что все эти меры контроля нужны исключительно для «создания и сохранения счастья и благополучия народа» (например, Христиан фон Вольф), весьма вольно определяя «народное счастье».

Поэтому когда главе государства захотелось поскорее «обнулиться», то нынешний режим не стал утруждать себя соблюдением формальностей, придумывая что-то более или менее соответствующее конституционным принципам, или, на худой конец, внесением изменений в избирательное законодательство. Быстро приняли закон, не имеющий никаких конституционных оснований, но даже и «свой закон» нарушили в части сроков и процедуры. Однако, согласно логике полицейского государства, это не было нарушением закона. Как выразилась председатель ЦИК Элла Памфилова «в интересах наших граждан мы пошли по тому пути, по которому есть». Да и само голосование по поправкам Памфилова определила как добрую волю президента: «он мог вообще ничего не делать, все же уже принято».

В общем, все согласно призывам Зорькина «расшатать правовые догматы» и «разрушить правовые стереотипы». К последним, видимо, относятся все принципы избирательного права, включая тайну и свободу голосования.

Столь неприкрытое пренебрежение нормами действующего законодательства и правовыми принципами со стороны высших органов власти, безусловно, не может пройти для общества бесследно.

Многие русские философы из тех, кого так любит цитировать Путин, писали, что именно «право является необходимой формой духовного бытия человека» (Иван Ильин) и выступает той самой «объективной этикой», обеспечивающей условия для развития внутреннего совершенствования человека и общества (Владимир Соловьев).

Сегодняшнее демонстративное игнорирование властью законов и права ведет к тому, что в качестве основного образца поведения в обществе закрепляется модель «приоритета произвола отдельных лиц». При таком построении общественных отношений люди перестают доверять не только власти, но и друг другу. А не ограниченное правом правительство, как показывает исторический опыт, скатывается к бесконечной регламентации всего и вся, подавляя тем самым любую живую инициативу и нормальную гражданскую жизнь.



Урсула фон дер Ляйен

*14–17 сентября в Брюсселе проходило пленарное заседание Европейского парламента, одним из центральных моментов которого стало первое программное выступление нового председателя Европейской комиссии **Урсулы фон дер Ляйен**. Публикуем текст этого выступления с небольшими сокращениями.*

Строим мир, в котором хотим жить: союз жизненных сил в мире хрупкости

Один из самых смелых умов нашего времени, Андрей Сахаров, всегда говорил о своей непоколебимой вере в скрытую силу человеческого духа.

За последние шесть месяцев европейцы показали, насколько силен этот человеческий дух. Мы видели его в работниках по уходу, которые переехали в дома престарелых, чтобы ухаживать за больными пожилыми людьми. Во врачах и медсестрах, которые стали членами семьи для тех, кто умирал. Во всех, кто работал на передовой, и днем и ночью, неделя за неделей, кто подвергал себя риску за всех нас. Мы все вдохновлены их сочувствием, отвагой и чувством долга — и я хочу начать эту речь с того, чтобы воздать должное им всем.

Их истории также многое раскрывают о состоянии нашего мира и состоянии нашего Союза. Они демонстрируют силу человечности и чувство траура, которые будут жить долго в нашем обществе. И они демонстрируют нам всю хрупкость мира вокруг нас. Вирус, размером в тысячу раз меньше песчинки, показал, насколько хрупкой может быть жизнь. Он обнажил нагрузку на наши системы здравоохранения и пределы модели, в которой богатство ценится выше благополучия.

Это позволило лучше сфокусироваться на хрупкости планеты, свидетелями чего мы являемся каждый день — таяние ледников, горящие леса, а теперь и пандемия. Это изменило наше поведение и стиль нашего общения: теперь мы держимся друг от друга на расстоянии вытянутой руки, а наши лица скрыты маска-

ми. Это показало нам, насколько хрупко наше сообщество ценностей — и как быстро эти ценности могут быть поставлены под сомнение во всем мире и даже здесь, в нашем Союзе.

Но люди хотят выйти из этого коронавирусного мира, из этой хрупкости, из неопределенности. Они готовы к переменам, и они готовы двигаться дальше. И это момент для Европы, которым она должна воспользоваться и проложить путь от этой хрупкости к новой жизненной силе. И это то, о чем я хочу сегодня поговорить.

В последние месяцы мы заново открыли для себя *ценность того, что нас объединяет*. Как личности, все мы *пожертвовали* частью нашей личной свободы ради безопасности других. Как Союз, мы все *разделили* часть нашего суверенитета для общего блага. Мы превратили страх и разногласия между государствами-членами в *доверие* в нашем Союзе. Мы показали, что мы можем доверять друг другу и нашим европейским институтам. И при этом мы хотим идти не только по пути восстановления, но и формировать лучший образ жизни для мира завтрашнего дня.

Это NextGenerationEU. Это наша возможность *запустить изменения по нашему плану, а не в результате катастрофы или диктата со стороны других людей в мире*. Чтобы стать сильнее, создавая возможности для мира завтрашнего дня, а не *непредвиденные обстоятельства* для мира вчерашнего.

У нас есть все необходимое, чтобы это произошло. Мы избавились от старых отговорок, которые всегда сдерживали нас, и вышли из зоны комфорта. У нас есть *видение*, у нас есть *план*, у нас есть *инвестиции*. Пришло время приступить к работе.

Сегодня утром я отправила письмо о намерениях президенту Европарламента Сассоли и канцлеру Германии Меркель <...> с изложением планов Еврокомиссии на предстоящий год. Я не буду представлять сегодня все инициативы, но я хочу коснуться того, на чем наш Союз должен сосредоточиться в ближайшие двенадцать месяцев.

Жители Европы все еще страдают. Это период глубокой тревоги для миллионов людей, которые обеспокоены состоянием здоровья своих близких, работой или просто пытаются выжить до следующей зарплаты. Пандемия — и связанная с ней неопределенность — еще не закончилась. И восстановление все еще находится на начальной стадии.

Поэтому наша первоочередная задача — помочь друг другу пройти через это. Быть рядом с теми, кто в этом нуждается. Благодаря нашей уникальной социальной рыночной экономике Европа может это сделать.

Прежде всего *человеческая экономика защищает* нас от огромных жизненных рисков — болезней, неудач, безработицы и бедности. Она *обеспечивает стабильность* и помогает нам лучше справляться с ударами. Она *создает возможности и процветание*, способствуя инновациям, росту и честной конкуренции. Никогда прежде это *прочное обещание защиты, стабильности и возможностей* не было более важным, чем сегодня.

Позвольте мне объяснить почему.

Во-первых, Европа должна продолжать защищать жизни и средства к существованию. Это тем более важно в разгар пандемии, которая не проявляет признаков спада или снижения интенсивности. Мы знаем, как быстро цифры могут выйти из-под контроля. Поэтому

мы должны продолжать бороться с этой пандемией с особой осторожностью, ответственностью и единством.

За последние шесть месяцев наши системы здравоохранения и их сотрудники творили чудеса. Каждая страна старалась сделать все возможное для своих граждан. И Европа вместе сделала больше, чем когда-либо прежде.

Когда государства-члены закрыли границы, мы создали «зеленые коридоры» для товаров. Когда более 600 000 европейских граждан застряли в разных точках мира, ЕС вернул их домой. Когда некоторые страны ввели запрет на экспорт жизненно важных медицинских товаров, мы остановили это и обеспечили доставку таких товаров туда, где они необходимы. Мы работали с европейской промышленностью, чтобы увеличить производство масок, перчаток, тестов и аппаратов ИВЛ. Наш механизм гражданской защиты сделал возможным, чтобы врачи из Румынии могли лечить пациентов в Италии или чтобы Латвия могла отправлять маски своим балтийским соседям. И мы этого добились, не обладая полными компетенциями.

Для меня это предельно ясно — нам нужно создать более сильный Европейский союз в области здравоохранения.

Чтобы претворить это в жизнь, мы должны извлечь первые уроки из кризиса в области здравоохранения. Мы должны сделать нашу новую программу *EU4Health* перспективной. Вот почему я предложила увеличить финансирование, и я благодарна за то, что Европарламент готов бороться за дополнительное финансирование и восполнить его в тех сферах, где Евросовет его ранее урезал. И нам необходимо уси-

лить нашу готовность к кризисам и управлению трансграничными угрозами здоровью.

В качестве первого шага мы предложим усилить и расширить возможности Европейского агентства по лекарственным средствам и ECDC — нашего центра по профилактике и контролю заболеваний.

В качестве второго шага мы создадим аналог *BARDA* в Европе — агентство по передовым биомедицинским исследованиям и разработкам. Это новое агентство будет поддерживать нашу способность и готовность реагировать на трансграничные угрозы и чрезвычайные ситуации — естественного или преднамеренного происхождения. Нам необходимо стратегическое накопление запасов для устранения зависимостей цепочки поставок, особенно для фармацевтических продуктов.

Что касается третьего шага, сейчас стало как никогда ясно, что мы должны обсудить вопрос о компетенциях в области здравоохранения. И я считаю, что это благородная и неотложная задача Конференции по будущему Европы.

И поскольку это был глобальный кризис, нам нужно извлечь глобальные уроки. Именно поэтому вместе с премьер-министром Конте и председательством Италии в G20 я созываю Глобальный саммит по вопросам здравоохранения в следующем году в Италии. Это покажет европейцам, что *наш Союз защищает всех*.

И это именно то, что мы сделали в отношении рабочих. Когда я вступила в должность, я поклялась создать инструмент для защиты рабочих и предприятий от внешних потрясений. Потому что из своего опыта работы министром труда и социальной защиты я знала, что

эти схемы работают. Они удерживают людей на рабочих местах, позволяют сохраняться навыкам, помогают малому и среднему бизнесу удержаться на плаву. Эти небольшие предприятия являются двигателем нашей экономики и будут двигателем нашего восстановления.

Вот почему Комиссия создала программу *SURE* <...> Если Европе до сих пор удавалось избежать массовой безработицы, наблюдаемой в других странах, то во многом это произошло благодаря тому факту, что около 40 миллионов человек подали заявки на программы краткосрочной работы. Такая скорость и единство цели означает, что вскоре 16 стран получат от *SURE* почти 90 миллиардов евро на поддержку рабочих и компаний. От Литвы до Испании это даст душевное спокойствие семьям, которые смогут поставить что-то на стол или заплатить за квартиру. И это поможет защитить миллионы рабочих мест, доходов и компаний по всему нашему Союзу.

Это настоящая европейская солидарность в действии. И это отражает тот факт, что в нашем Союзе достоинство труда должно быть священным.

Но правда в том, что для слишком многих людей работа больше не приносит доход. Демпинговая заработная плата разрушает достоинство труда, наказывает предпринимателя, выплачивающего достойную заработную плату, и нарушает честную конкуренцию на Едином рынке.

Вот почему Комиссия выдвинет юридическое предложение, чтобы поддержать государства-члены в создании базы для минимальной заработной платы. Каждый должен иметь доступ к минимальной заработной плате <...>

Второе обещание социальной рыночной экономики — стабильность. Европей-

ский союз и его государства-члены дали беспрецедентному кризису беспрецедентный ответ. Демонстрируя *свою сплоченность и готовность выполнить поставленную задачу, Европа обеспечила стабильность, в которой нуждались наши экономики.* Комиссия немедленно применила *общую оговорку об освобождении от ответственности впервые в нашей истории.* Мы гибко адаптировали наши европейские фонды и правила государственной помощи. Более 3 триллионов евро было выделено на поддержку компаний и промышленности: от рыбаков в Хорватии и фермеров в Греции до малых и средних предприятий в Италии и фрилансеров в Дании.

Европейский центральный банк принял решительные действия в рамках своей программы *PEPP*. Еврокомиссия предложила программу *NextGenerationEU* и обновленный бюджет в рекордно короткие сроки. Он сочетает в себе инвестиции со столь необходимыми реформами. Совет одобрил его в рекордно короткие сроки. Европарламент работает над тем, чтобы проголосовать по нему максимально быстро. Впервые Европа ввела в действие свои собственные общие инструменты в дополнение к национальным финансовым стабилизаторам.

Это замечательный момент единства для нашего Союза. Это достижение, которым мы должны гордиться.

Пришло время удержать этот курс. Все мы видели прогнозы. Мы можем ожидать, что наши экономики снова начнут движение после падения ВВП на 12% во втором квартале. Но пока вирус никуда не ушел и неопределенность только нарастает — здесь, в Европе, и во всем мире. Так что сейчас точно не время отказываться от поддержки.



Альфонс Осбер. На закате. 1894

Наши экономики нуждаются в постоянной политической поддержке, и необходимо будет найти тонкий баланс между предоставлением финансовой поддержки и обеспечением устойчивости бюджета. В долгосрочной перспективе нет лучшего пути к стабильности и конкурентоспособности, чем через более сильный экономический и валютный союз.

Уверенность в евро никогда не была такой сильной. Историческое соглашение по *NextGenerationEU* показывает политическую поддержку, которая есть у этой программы. Теперь мы должны использовать эту возможность, чтобы провести структурные реформы в наших экономиках и завершить создание союза рынков капитала и банковского союза. Глубокие и ликвидные рынки капитала необходимы для предоставления предприятиям доступа к финансам, которые им необходимы для роста и ин-

вестирования в восстановление экономики и в будущее. И они также являются предпосылкой для дальнейшего усиления международной роли евро. Итак, приступим к работе и наконец завершим этот общий проект.

Третье обещание — это обещание возможностей.

Пандемия напомнила нам о многих вещах, которые мы могли забыть или принять как должное. Нам напомнили, насколько связаны наши экономики и насколько важен полностью функционирующий единый рынок для нашего процветания и того, как мы работаем. Единый рынок — это возможность. Для потребителя — получить соотношение цены и качества, для компании — продавать в любой точке Европы, а для промышленности — повысить свою глобальную конкурентоспособность. И для всех нас это возможность максимально ис-

пользовать свободы, которыми мы дорожим как европейцы. Он дает нашим компаниям необходимый для процветания масштаб и является для них убежищем в трудные времена. Мы полагаемся на него каждый день, чтобы облегчить себе жизнь, и это очень важно для преодоления кризиса и восстановления наших сил.

Придадим ему импульс. Мы должны разрушить барьеры единого рынка. <...> Основа этого — полностью функционирующая Шенгенская зона свободного передвижения. Мы будем работать с парламентом и государствами-членами, чтобы поднять этот вопрос на высокий уровень в нашей политической повестке дня, и мы предложим *новую стратегию для будущего Шенгена*.

Основываясь на сильном внутреннем рынке, европейская промышленность уже давно поддерживает нашу экономику, обеспечивая стабильную жизнь для миллионов и создавая социальные центры, вокруг которых строятся наши сообщества.

В марте мы представили нашу новую отраслевую стратегию, чтобы убедиться, что отрасль может возглавить двойной переход к экологичности и цифровизации. Последние шесть месяцев только ускорили эту трансформацию — в то время, пока глобальная конкурентная среда меняется коренным образом. Вот почему мы обновим нашу отраслевую стратегию в первой половине следующего года и адаптируем нашу структуру конкуренции, которая также должна идти в ногу со временем.

Все это заставит Европу снова встать на ноги. Но по мере того, как мы справляемся вместе, мы также должны продвигаться вперед в мир завтрашнего дня. *Нет более острой необходимости*

в ускорении, чем когда речь идет о будущем нашей хрупкой планеты.

В то время как большая часть мировой активности замерзла во время блокировок и отключений, планета продолжала опасно нагреваться. Мы видим все это вокруг нас: от домов, эвакуированных из-за обрушения ледника на Монблане, до пожаров в Орегоне и посевов, уничтоженных в Румынии самой суровой засухой за десятилетия. Но мы также видели, как природа вернулась в нашу жизнь. Мы стремились к зеленым насаждениям и более чистому воздуху для нашего психического и физического благополучия. Мы знаем, что изменения необходимы, — и мы также знаем, что это возможно.

Европейский зеленый курс — это наш план для осуществления этой трансформации. В основе этого лежит наша миссия — стать к 2050 году первым климатически нейтральным континентом. Но мы не добьемся этого при существующем статус-кво — нам нужно действовать быстрее и эффективнее. Мы тщательно изучили каждый сектор, чтобы увидеть, насколько быстро мы можем двигаться и как сделать это ответственным, основанным на фактах способом. Мы провели широкие консультации с общественностью и обширную оценку воздействия. Исходя из этого, Европейская комиссия предлагает увеличить к 2030 году цель по сокращению выбросов как минимум до 55%. Я понимаю, что это увеличение с 40 до 55 слишком много для одних и недостаточно для других. Но наша оценка воздействия ясно показывает, что наша экономика и промышленность могут справиться с этим.

Буквально вчера 170 лидеров бизнеса и инвесторов — от малых и средних пред-

приятий до крупнейших мировых компаний — написали мне, призывая Европу поставить цель не менее 55%. Наша оценка воздействия ясно показывает, что достижение этой цели позволит ЕС твердо встать на путь климатической нейтральности к 2050 году и выполнить свои обязательства по Парижскому соглашению. И если другие последуют нашему примеру, мир сможет поддерживать температуру ниже 1,5°C.

Я полностью осознаю, что многие из наших партнеров далеки от этого, — и я вернусь к механизму регулирования углеродных границ позже. Но 2030 год — амбициозная и достижимая цель. Мы можем это сделать. Мы уже показали, что можем.

В то время как выбросы снизились на 25% с 1990 года, наша экономика выросла более чем на 60%. Разница в том, что теперь у нас больше технологий, больше опыта и больше инвестиций. И мы уже переходим к экономике замкнутого цикла с нулевым выбросом углерода. У нас больше молодых людей, стремящихся к переменам. У нас есть еще одно доказательство того, что то, что хорошо для климата, хорошо для бизнеса и полезно для всех нас. И у нас есть торжественное обещание никого не оставить позади в этой трансформации. С помощью нашего фонда справедливого перехода мы поддержим регионы, которые нуждаются в более масштабных и дорогостоящих изменениях. У нас есть все. Теперь наша ответственность — реализовать все это и сделать это возможным. Достижение этой новой цели снизит нашу зависимость от импорта энергии, создаст миллионы дополнительных рабочих мест и более чем вдвое снизит уровень загрязнения воздуха. Чтобы до-

стичь этого, мы должны начать сейчас. К лету следующего года мы пересмотрим все наше климатическое и энергетическое законодательство на предмет «соответствия 55». Мы будем расширять торговлю квотами на эмиссии парниковых газов, развивать возобновляемые источники энергии, повышать энергоэффективность, реформировать налогообложение сектора энергетики. Но миссия Европейского зеленого курса включает в себя гораздо больше, чем сокращение выбросов. Речь идет о системной модернизации нашей экономики, общества и промышленности. *Речь идет о создании более устойчивого мира для жизни.*

Текущий уровень потребления сырья, энергии, воды, продовольствия и землепользования не являются устойчивыми. Нам необходимо изменить то, как мы относимся к природе, как мы производим и потребляем, как живем и работаем, как едим и обогреваем, как путешествуем и перемещаемся. Таким образом, мы коснемся всех аспектов, от опасных химикатов до вырубки лесов и загрязнения окружающей среды.

Это план истинного выздоровления. Это инвестиционный план для Европы. И именно здесь *NextGenerationEU* будет иметь большое значение.

Во-первых, 37% программы будет потрачено непосредственно на достижение целей Европейского зеленого курса. И я позабочусь о том, чтобы это также выводило зеленое финансирование на новый уровень. Мы являемся мировыми лидерами в области зеленого финансирования и крупнейшим в мире эмитентом зеленых облигаций. Мы являемся лидером в разработке надежного стандарта ЕС по зеленым облигациям. И сегодня я могу объявить, что мы поставим

цель привлечь 30% от 750 миллиардов евро программы NextGenerationEU за счет зеленых облигаций.

Во-вторых, NextGenerationEU следует инвестировать в самые важные европейские проекты, которые окажут наибольшее влияние: переход на водородное топливо, снижение потребления энергии и установление миллиона электрических станций подзарядки. Позвольте мне объяснить, как это может работать. Две недели назад в Швеции запустили уникальный пилотный проект, работающий без ископаемого топлива. Он заменит уголь водородом для производства чистой стали. <...> Я хочу, чтобы благодаря NextGenerationEU появились новые европейские Водородные долины, чтобы модернизировать нашу промышленность, перезапустить наши транспортные средства и вдохнуть новую жизнь в сельские районы. Второй пример — это здания, в которых мы живем и работаем. Наши здания производят 40% наших выбросов. Они должны стать менее загрязняющими, менее затратными и более устойчивыми. И мы знаем, что строительный сектор может даже превратиться из источника углерода в его поглотитель, если будут применяться органические строительные материалы, например дерево, и интеллектуальные технологии, такие как искусственный интеллект.

Я хочу, чтобы NextGenerationEU дала старт европейской волне обновления и сделала наш Союз лидером в экономике замкнутого цикла. Но это не просто экологический или экономический проект: эта программа должна стать культурным проектом для всей Европы. У каждого движения свой внешний вид. И нам нужно придать нашим системным изменениям особую эстетику — чтобы стиль

соответствовал устойчивости. Чтобы все это стало возможным, мы создадим новый европейский Баухаус — пространство совместного творчества, где архитекторы, художники, студенты, инженеры, дизайнеры работают вместе.

Это NextGenerationEU. Это формирует мир, в котором мы хотим жить.

Мир, обслуживаемый экономикой, которая сокращает выбросы, повышает конкурентоспособность, решает проблему нехватки энергии, создает высокооплачиваемые рабочие места и улучшает качество жизни. Мир, в котором мы используем цифровые технологии для построения более здорового и экологичного общества. Этого можно достичь только сообща, и я буду настаивать на том, чтобы планы восстановления не только вывели нас из кризиса, но и помогли нам продвинуть Европу вперед в мир завтрашнего дня.

Представьте на мгновение жизнь в условиях этой пандемии без цифровых технологий. От пребывания в карантине — в изоляции от семьи и общества и от работы — до серьезных проблем со снабжением. На самом деле не так уж сложно представить, что было 100 лет назад во время последней крупной пандемии. Спустя столетие современные технологии позволили молодым людям учиться удаленно, а миллионам людей — работать из дома. Они позволили компаниям продавать свою продукцию, предприятиям продолжать работать, а правительству — предоставлять важные общественные услуги удаленно. За несколько недель мы стали свидетелями цифровых инноваций и трансформаций, рассчитанных на годы.

Мы приближаемся к пределу того, что можем делать в аналоговом формате. И это большое ускорение только начи-

нается. *Мы должны провести европейское десятилетие цифровых технологий.* <...> Нам нужно следовать четким принципам: право на конфиденциальность и возможность подключения, свобода слова, свободный поток данных и кибербезопасность. *Но сейчас Европа должна стать лидером в области цифровых технологий — иначе ей придется пойти по пути других — тех, кто устанавливает для нас эти стандарты.* Вот почему мы должны действовать быстро.

Я считаю, что есть три области, на которых нам нужно сосредоточиться.

Во-первых, данные. В отношении персональных данных — от бизнеса к потребителю — Европа была слишком медленной и теперь зависит от других. Но это не может произойти с промышленными данными. И здесь хорошая новость заключается в том, что Европа лидирует — у нас есть технологии и, что особенно важно, у нас есть промышленность.

Но гонка еще не выиграна. Объем промышленных данных в мире вырастет в четыре раза в следующие пять лет — как и возможности, которые с ними связаны. Мы должны дать нашим компаниям, малым и средним предприятиям, стартапам и исследователям возможность полностью раскрыть свой потенциал. А данные о промышленности — на вес золота, когда речь идет о разработке новых продуктов и услуг.

Но в действительности 80% промышленных данных все еще собираются и никогда не используются. Это пустая трата.

С другой стороны, реальная экономика данных была бы мощным двигателем для инноваций и создания новых рабочих мест. Вот почему нам нужно защи-

тить эти данные для Европы и сделать их широко доступными. Нам нужны общие пространства данных — например, в сфере энергетики или здравоохранения. Это будет поддерживать инновационные экосистемы, в которых университеты, компании и исследователи могут получать доступ к данным и сотрудничать с ними.

И поэтому мы будем строить европейское облако в рамках *NextGenerationEU* — на базе *GaiaX*.

Вторая область, на которой нам нужно сосредоточиться, — это технологии, в частности искусственный интеллект. Будь то точные методы в земледелии, в сельскохозяйственной отрасли, в медицинской диагностике или в безопасном автономном вождении — искусственный интеллект откроет для нас новые миры. Но этому миру тоже нужны правила.

Нам нужен свод правил, во главу которого будут поставлены люди. Алгоритмы не должны быть черным ящиком, и должны быть четкие правила, если что-то пойдет не так. В следующем году Еврокомиссия предложит соответствующий закон. Он включит в себя введение контроля над нашими личными данными, который сегодня соблюдается очень редко. Каждый раз, когда приложение или веб-сайт просит нас создать новый аккаунт или легко войти в систему через большую платформу, мы понятия не имеем, что происходит с нашими данными на самом деле. *Еврокомиссия скоро предложит безопасную европейскую электронную идентификацию.* В результате любой гражданин сможет безопасно совершать нужные операции — от уплаты налогов до аренды велосипеда — в любой точке Европы. Это технология,

с помощью которой мы можем сами контролировать, какие данные и как используются.

Третий момент — инфраструктура.

Соединения для передачи данных должны идти в ногу с быстрыми темпами изменений. Если мы стремимся к Европе равных возможностей, недопустимо, что 40% людей в сельской местности до сих пор не имеют доступа к быстрому широкополосному соединению. Сейчас оно является базовой необходимостью для работы на дому, домашнего обучения, покупок в Интернете и для новых важных услуг. Без широкополосных подключений сейчас практически невозможно построить бизнес и вести его эффективно. Это огромная возможность и предпосылка для оживления сельской местности. Только тогда они смогут полностью использовать свой потенциал и привлечь больше людей и инвестиций. Увеличение инвестиций через *NextGenerationEU* — это уникальный шанс вдохнуть жизнь в каждую деревню. Вот почему мы хотим сосредоточить наши инвестиции на безопасном подключении, на расширении сетей 5G, 6G и оптоволоконка.

NextGenerationEU — это также уникальная возможность разработать более последовательный европейский подход к подключению и развертыванию цифровой инфраструктуры. Все это не является самоцелью — речь идет о цифровом суверенитете Европы, как в малом, так и в большом масштабе. В связи с этим я рада объявить об инвестициях в размере 8 миллиардов евро в суперкомпьютеры следующего поколения — пе-

редовые технологии, сделанные в Европе. Мы хотим, чтобы европейская промышленность разработала наш собственный микропроцессор нового поколения, который позволит нам использовать увеличивающиеся объемы данных энергоэффективно и безопасно.

Сейчас самое подходящее время для инвестиций в европейские технологические компании, растущие повсюду — от Софии до Лиссабона и Катовице. И поэтому мы будем инвестировать 20% NextGenerationEU в цифровую среду

В этом вся суть европейского цифрового десятилетия!

Если Европа хочет двигаться вперед и двигаться быстро, мы должны избавиться от сомнений. Речь идет о том, чтобы дать Европе больше контроля над своим будущим. У нас есть все необходимое, чтобы воплотить его в жизнь. И частный сектор тоже этого отчаянно ждет. Сейчас самое подходящее время для инвестиций в европейские технологические компании, растущие повсюду — от Софии до Лиссабона и Катовице <...> И поэтому мы будем инвестировать 20% *NextGenerationEU* в цифровую среду. Мы хотим войти в цифровую эпоху, основываясь на наших ценностях, нашей силе и наших глобальных амбициях.

Европа полна решимости использовать этот переход для построения мира, в котором мы хотим жить. И это, конечно же, выходит далеко за пределы наших границ. Пандемия одновременно показала как хрупкость глобальной систе-



Альфонс Осбер. Под диском луны. 1895

мы, так и важность сотрудничества для решения коллективных проблем. Перед лицом кризиса некоторые во всем мире предпочитают уйти в изоляцию. Другие активно дестабилизируют систему.

Европа предпочитает протягивать руку помощи. Наши лидеры не занимаются корыстной пропагандой. Речь идет не о принципе «Европа прежде всего». Речь идет о том, чтобы первым ответить на обращение, когда это важно. Во время пандемии европейские самолеты с тысячами тонн защитного снаряжения приземлялись повсюду: от Судана до Афганистана, от Сомали до Венесуэлы.

Никто из нас не будет в безопасности, пока все мы не окажемся в безопасности — где бы мы ни жили, что бы мы ни имели. *Доступная, недорогая и безопас-*

ная вакцина — самый перспективный способ это осуществить.

В начале пандемии не было ни финансирования, ни глобальной основы для вакцины против COVID — только спешка, чтобы получить ее первым. Тогда ЕС сделал шаг вперед, чтобы дать глобальный ответ пандемии. Вместе с гражданским обществом, G20, ВОЗ и другими участниками мы объединили более 40 стран, чтобы собрать 16 миллиардов евро для финансирования исследований вакцин, тестов и других технологий для всего мира. Это непревзойденная объединяющая сила ЕС в действии.

Но найти вакцину недостаточно. Мы должны убедиться, что граждане Европы и всего мира имеют к ней доступ. Только в этом месяце ЕС присоединился к глобальному центру COVAX

и внес 400 миллионов евро, чтобы гарантировать, что безопасные вакцины будут доступны не только для тех, кто может себе это позволить, а для всех, кто в них нуждается.

Вакцинальный национализм ставит под угрозу жизни. Сотрудничество в области вакцинации их спасает.

Мы твердо верим в силу и ценность сотрудничества в международных организациях. Именно с сильной Организацией Объединенных Наций мы можем найти долгосрочные решения для кризисов, подобных Ливии или Сирии. Именно с сильной Всемирной организацией здравоохранения мы можем лучше подготовиться и отреагировать на глобальные пандемии или локальные вспышки — будь то корона или Эбола. И именно с сильной Всемирной торговой организацией мы можем обеспечить справедливую конкуренцию для всех.

Но правда также в том, что *необходимость активизировать и реформировать многостороннюю систему никогда прежде не была такой острой*. Наша глобальная система превратилась в ползучий паралич. Крупные державы либо уходят из институтов, либо берут их в заложники — в собственных интересах. *Ни одна из этих дорог нас никуда не приведет. Да, мы хотим перемен. Но перемен в соответствии с нашим планом, а не вызванных разрушением*. Вот почему я хочу, чтобы ЕС инициировал реформы ВТО и ВОЗ, чтобы эти организации соответствовали современному миру. Но мы знаем, что многосторонние реформы требуют времени, и в это время мир не остановится. *Вне всякого сомнения, Европа явно нуждается в четкой позиции и быстрых действиях во всем, что касается глобальных дел*.

Два дня назад состоялась последняя встреча лидеров ЕС и Китая. Отношения между Европейским союзом и Китаем — одни из самых стратегически важных и одновременно одни из самых сложных, которые у нас есть. С самого начала я говорила, что Китай — наш партнер по переговорам, экономический конкурент и системный соперник. У нас есть общие интересы по таким вопросам, как изменение климата, и Китай продемонстрировал свою готовность участвовать в диалоге на высоком уровне. Но мы ожидаем, что Китай выполнит свои обязательства по Парижскому соглашению и подаст пример.

Еще предстоит проделать большую работу по обеспечению справедливого доступа на рынок для европейских компаний, решению проблемы взаимобменов и избыточных мощностей. У нас по-прежнему несбалансированное торгово-инвестиционное партнерство. И нет никаких сомнений в том, что мы продвигаем самые разные системы управления и общества. Мы верим в универсальную ценность демократии и прав личности.

В Европе есть проблемы — подумайте, например, об антисемитизме. Но мы обсуждаем их публично. Критика и оппозиция не только принимаются, но и защищены законом. Поэтому мы всегда должны сообщать о нарушениях прав человека, когда и где бы они ни происходили — будь то Гонконг или уйгуры.

Но что нас сдерживает? Почему даже простые заявления о ценностях ЕС откладываются, размываются или становятся заложниками других идей? Когда государства-члены говорят, что Европа слишком медлительна, я говорю им:

проявите смелость и наконец переходите к голосованию квалифицированным большинством — по крайней мере, по вопросам прав человека и применения санкций.

Европарламент много раз призывал к принятию европейского закона Магнитского — и я могу объявить, что теперь мы выступим с таким предложением.

Нам нужно дополнить наш набор инструментов.

Будь то Гонконг, Москва или Минск, Европа должна занять четкую и быструю позицию. *Я хочу сказать громко и ясно: Европейский союз на стороне народа Беларуси.* Все мы были тронуты огромным мужеством тех, кто мирно собрался на площади Независимости или принял участие в бесстрашном женском марше. Выборы, в результате которых они вышли на улицу, не были ни свободными, ни справедливыми. И жестокая реакция правительства была постыдной. *Народ Беларуси должен иметь право самостоятельно решать свое будущее.* Это не фигуры на чужой шахматной доске. Тем, кто выступает за более тесные связи с Россией, я говорю, что отравление Алексея Навального современным химическим веществом — не случайность. *Мы видели другие примеры в Грузии и Украине, Сирии и Солсбери, а также во вмешательстве в выборы по всему миру.* Этот шаблон не меняется — и никакой нефтепровод этого не изменит.

Турция есть и всегда будет важным соседом. Но несмотря на то, что мы расположены близко друг к другу на карте, кажется, расстояние между нами увеличивается. Да, Турция находится в неблагополучном районе. И да, она принимает миллионы беженцев, и мы поддерживаем их значительным финансированием.

Но ничто из этого не является оправданием попыткам запугать своих соседей. <...>

Европа должна не только более решительно реагировать на глобальные события, но и углублять и совершенствовать свои партнерские отношения со своими друзьями и союзниками. И это начинается с оживления наших самых прочных партнерских отношений. Мы можем не всегда соглашаться с недавними решениями Белого дома. Но мы всегда будем дорожить трансатлантическим альянсом, основанным на общих ценностях и истории, а также на неразрывной связи между нашими народами. Что бы ни случилось в этом году, мы готовы разработать новую трансатлантическую повестку дня. Для укрепления нашего двустороннего партнерства — будь то в сфере торговли, технологий или налогообложения. И мы готовы вместе работать над реформированием международной системы, которую мы построили вместе, совместно с партнерами-единомышленниками. В наших собственных интересах и в интересах общего блага.

Нам нужны новые начинания со старыми друзьями — по обе стороны Атлантики и по обе стороны Ла-Манша. Сцена в этом самом зале, когда мы держались за руки и прощались под *Auld Lang Syne*, говорила красноречивее любых слов. Она продемонстрировала любовь к британцам, которая никогда не исчезнет.

Но с каждым днем шансы на своевременное соглашение начинают уменьшаться. Переговоры всегда трудны. Мы к этому привыкли. <...>

И это говорю не только я — я напоминаю вам слова Маргарет Тэтчер: «Британия не нарушает договоров. Это

было бы плохо для Великобритании, плохо для отношений с остальным миром и плохо для любого будущего договора о торговле». *Это было правдой тогда, и это правда сегодня. Доверие — основа любого прочного партнерства.* И Европа всегда будет готова к установлению прочных партнерских отношений с нашими ближайшими соседями. <...>

Мы будем использовать нашу дипломатическую силу и экономическое влияние для заключения важнейших соглашений, таких как определение морских охраняемых территорий в Антарктиде.

Это было бы одним из крупнейших актов защиты окружающей среды в истории.

Мы сформируем коалиции с высокими амбициями по таким вопросам, как цифровая этика или борьба с вырубкой лесов, и будем развивать партнерские отношения со всеми единомышленниками — от азиатских демократий до Австралии, Африки, Америки и всех, кто захочет присоединиться.

Мы будем работать только на глобализацию. Но мы не можем принимать это как должное. Мы должны настаивать на справедливости и равных возможностях. И Европа будет двигаться вперед — одна или с партнерами, которые хотят присоединиться. <...>

Я хочу, чтобы Европа была глобальным поборником справедливости.

Если Европа должна играть эту жизненно важную роль в мире, она также должна создать новую жизнеспособность внутри. И чтобы двигаться вперед, мы должны преодолеть разногласия, кото-

рые сдерживали нас. Историческое приглашение по *NextGenerationEU* показывает, что это возможно. Скорость, с которой мы принимали решения по фискальным правилам, государственной помощи или *SURE* — все это показывает, что это возможно.

Мы сформируем коалиции по таким вопросам, как цифровая этика или борьба с вырубкой лесов, и будем развивать партнерские отношения со всеми единомышленниками — от азиатских демократий до Австралии, Африки, Америки и всех, кто захочет присоединиться

Так сделаем же это.

Миграция — это вопрос, который обсуждается достаточно давно. Миграция всегда была фактом для Европы — и так будет всегда. На протяжении веков он определял наши общества, обогащал наши культуры и формировал многие из наших жизней. И так будет всегда.

Как все мы знаем, миграционный кризис 2015 года вызвал множество глубоких разногласий между государствами-членами, и некоторые из этих шрамов все еще заживают. С тех пор было сделано очень много. Но еще многого не хватает.

Если мы все готовы пойти на компромисс — без ущерба для наших принципов — мы сможем найти это решение. <...>

До конца месяца Еврокомиссия примет первый ежегодный отчет о верховенстве права, охватывающий все государства-члены. Это превентивный инструмент для раннего выявления проблем и по-

иска решений. Я хочу, чтобы это стало отправной точкой для Еврокомиссии, Европарламента и государств-членов, чтобы не допустить отката назад.

Комиссия придает первостепенное значение верховенству права. Вот почему мы позаботимся о том, чтобы деньги из нашего бюджета и *NextGenerationEU* были защищены от любого вида мошенничества, коррупции и конфликта интересов. Это не подлежит обсуждению.

Но последние месяцы также напомнили нам, насколько хрупким оно может быть. Мы обязаны всегда проявлять бдительность, заботиться о верховенстве права и поддерживать его. Нарушения верховенства права недопустимы. Я буду продолжать защищать его и целостность наших европейских институтов. Будь то верховенство европейского права, свобода прессы, независимость судебной власти или продажа золотых паспортов. Европейские ценности не продаются.

Эти ценности важны как никогда. Я говорю это потому, что, когда я думаю о состоянии нашего Союза, мне вспоминаются слова Джона Хьюма — одного из великих европейцев, который, к сожалению, скончался в этом году. Если сегодня на острове Ирландия так много людей живут в мире, то это в значительной степени благодаря его непоколебимой вере в человечность и разрешение конфликтов. Он говорил, что конфликт был связан с различиями, а мир — с уважением к этим различиям. И как он справедливо напомнил Европарламенту в 1998 году: «Европейские провидцы решили, что различие не угроза, различие

естественно. *В различии — сущность человечества*». <...>

Я могу спокойно реагировать, когда дело доходит до создания Союза равных прав. Союза, в котором вы можете быть тем, кто вы есть, и любить того, кого хотите, без страха обвинений или дискриминации. Потому что *быть собой — это не ваша идеология. Это ваша личность. И никто никогда не сможет это отнять*. <...>

Это мир, в котором мы хотим жить.

Где нас объединяют разнообразие и несчастья. Где мы работаем вместе, чтобы преодолеть различия — и помочь другу другу в тяжелые времена. Там, где мы сегодня строим более здоровый, сильный и уважаемый мир и хотим, чтобы наши дети жили в этом мире завтра. <...>

Когда нам нужно было найти путь вперед, мы не позволяли старым условиям сдерживать нас. Когда мы почувствовали вокруг себя хрупкость, мы воспользовались моментом, чтобы вдохнуть новую жизненную силу в наш Союз. Когда у нас был выбор действовать в одиночку, как мы делали в прошлом, мы использовали объединенную силу 27, чтобы дать всем 27 шанс на будущее. Мы показали, что мы вместе перед лицом проблем и вместе выберемся из них.

Будущее будет таким, каким мы его сделаем. И Европа будет такой, какой мы хотим ее видеть. Так что давайте перестанем об этом говорить. И приступим к работе. Сделаем Европейский союз сильным. Давайте построим мир, в котором мы хотим жить.

Да здравствует Европа!

Человечеству нужно демократическое представительство*



Андреас Буммель,
соучредитель и директор
организации «Демократия без
границ», Берлин

Э то парадокс: мир и его люди никогда не были так тесно переплетены, как сегодня, однако их разделяет больше заборов и стен, чем когда-либо прежде.

Многие правительства, кажется, сопротивляются неизбежному. Мировое объединение больше не является философским вопросом. Это становится политической возможностью. И число людей — интеллектуалов, активистов, политиков, ученых и других, для которых это стало необходимостью, растет.

Хотя верно, что такие важные показатели, как средняя продолжительность жизни в мире, со временем демонстрируют впечатляющие улучшения, текущая глобальная ситуация характеризуется нарастанием кризисов и нерешенными проблемами.

Об опасности глобального потепления известно уже несколько десятилетий, но до сих пор не было предпринято никаких эффективных действий, о чем свидетельствуют рекордные уровни выбросов углерода. На то, чтобы предотвратить безудержный климатический кризис, осталось совсем немного времени. Он уже создает опасные для жизни условия для миллионов людей.

В течение долгого времени поступали предупреждения, что появятся новые патогены и вызовут глобальные пандемии. Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) было поручено начать расследование своей деятельности по борьбе с пандемией COVID-19, поскольку многие сочли ее действия непоследовательными и неэффективными.

Bummel A. Humanity needs democratic representation // www.aljazeera.com/opinions/2020/9/14/humanity-needs-democratic-representation. 2020. 15 September.



Лоренцо Куини. Поддержка. Инсталляция на Венецианской биеннале. 2017

Неравенство растет во всем мире. В своем недавнем выступлении глава ООН Антониу Гутерриш сказал по этому поводу: «Хотя мы все плывем в одном море, ясно, что некоторые из нас находятся на суперяхтах, а другие цепляются за плавающие обломки»*.

По данным Мировой продовольственной программы, 135 миллионов человек испытывают постоянный голод. В настоящее время насчитывается около 80 миллионов перемещенных лиц, бежавших от войны, преследований и нестабильности. Это самый серьезный гуманитарный кризис и кризис беженцев за последние 70 лет.

* Фрагменты этой речи мы публикуем в этом же номере «Общей тетради». См. с. 35–39.

Преимущества глобализации и роста производительности непропорционально выгодны богатым. Ставки корпоративного налога и доходы от корпоративного налога продолжают падать.

Многонациональные корпорации и сверхбогатые люди могут уклоняться от уплаты налогов, используя лазейки и слабые места в международной системе налогообложения. Триллионы скрыты от налоговых органов в офшорах. Межправительственные усилия по пресечению незаконных финансовых потоков и отмене налоговых убежищ за последние 25 лет мало что дали.

Несмотря на содержащееся в Договоре о нераспространении ядерного оружия обязательство, согласно которому пять официальных ядерных держав должны стремиться к полному ядерному разоружению, реального прогресса достигнуто не было.

Вместо этого проводится модернизация ядерных арсеналов. Идет гонка за созданием гиперзвуковых ракет, а основные договоры о контроле над вооружениями рушатся. Разрушительная сила ядерного оружия по-прежнему представляет собой серьезную угрозу для человечества.

Нынешний политический порядок не может дать надежных решений. Он страдает от структурной проблемы. Поскольку почти 200 государств настаивают на своем национальном суверенитете, очень трудно, если не невозможно, добиться эффективных слаженных международных действий.

Межправительственные организации, такие как ООН или ВОЗ, эффективны ровно настолько, насколько позволяют их государства-члены. В противном случае у них связаны руки. В частности, они зависят от тех крупных вкладчиков, которые оплачивают счета. ООН не представляет человечество. Это эксклюзивный клуб правительственных чиновников, чья работа заключается в преследовании национальных интересов.

Пришло время вооружить глобальные институты силой, необходимой им для противодействия глобальным угрозам и управления глобальными общими благами, такими как атмосфера. Им нужна независимая легитимность, авторитет и финансирование.

Есть признаки того, что наступает переломный момент. Два года назад в опросе 10 стран во всех регионах мира 82% респондентов заявили, что ООН необходимо реформировать, чтобы лучше решать текущие и будущие глобальные проблемы. Почти 70% согласились с тем, что наднациональная организация должна иметь возможность принимать принудительные глобальные решения для управления глобальными рисками.

Незаменимым элементом наделенной полномочиями ООН будет всемирно избранный глобальный парламент, основанный на глобальной конституции, который представляет всех граждан мира.

Межправительственные органы, в которых представительство граждан осуществляется карьерными дипломатами, назначаемыми правитель-

ствами, не обладают демократической легитимностью для обязывающих полномочий по принятию решений, даже если они строго ограничены вопросами, вызывающими глобальный интерес.

Сам глава ООН Гутерриш два месяца назад отметил, что «новая модель глобального управления должна основываться на полном, инклюзивном и равноправном участии в глобальных институтах».

В самом деле, по мере того как все больше и больше вопросов выходят за пределы национальных границ, люди во всем мире должны настаивать на своем праве на демократию в глобальном масштабе. Они суверенны. Согласно Всеобщей декларации прав человека, государственная власть должна опираться на волю народа, и эта воля должна выражаться в периодических и свободных выборах. Нет причин, по которым это не должно применяться и во всем мире.

В некоторых крупных странах свободные и справедливые выборы не предусмотрены даже внутри страны. Таким образом, усилия по обеспечению национальной демократии и глобальной демократии взаимосвязаны и зависят друг от друга.

Между тем создание Парламентской ассамблеи ООН представляет собой практический и выполнимый шаг на пути к всемирному парламенту. Первоначально члены могли быть выбраны политическими группами в национальных парламентах, а страны-новаторы могли ввести прямые выборы, если захотят. Выбор должен как можно лучше отражать существующие политические взгляды, а не только правительство.

В отличие от важности геополитических групп в ООН, работа этого дополнительного парламентского органа должна основываться на транснациональных политических группах, которые создаются представителями в соответствии с общими политическими взглядами. Эти группы должны будут включать членов минимального числа государств из минимума регионов мира.

Идея глобального парламента, который дает всем гражданам на планете равное политическое представительство, восходит к временам Французской революции. Если люди всего мира объединятся во имя этого видения, оно скоро может оказаться во главе политической повестки дня.

Мы находимся в центре борьбы между силами автократии и национализма, с одной стороны, и силами, олицетворяющими демократию и глобальное сознание — с другой.

Ввиду климатического кризиса и глобальных рисков, победа того или иного полюса может решить судьбу человеческой цивилизации на столетия вперед.

Кризис COVID-19 как никогда обострил проблему неравенства: он вызвал глубочайшую со времен Второй мировой войны глобальную рецессию и самое серьезное падение доходов с 1870 года. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш 18 июля этого года выступил с ежегодной лекцией в память о Нельсоне Манделе, посвятившем свою жизнь борьбе с неравенством. Антониу Гутерриш рассказал, как бороться с неравенством сегодня, почему решение этой проблемы должно начинаться с международных организаций и на чем должен строиться новый общественный договор. Приводим самые важные фрагменты из его выступления.



Антониу Гутерриш

Зачем миру новый общественный договор?

Для меня большая честь почтить вместе с вами память Нельсона Манделы, выдающегося мирового лидера, активиста и образца для подражания. <...> Мне повезло встретиться с Нельсоном Манделой несколько раз. Я никогда не забуду его мудрость, решимость и сострадание, которыми были пронизаны все его слова и поступки. <...> Мандела провел в тюрьме 27 лет... Но он никогда не позволял этому опыту взять верх над ним или его жизнью. Нельсон Мандела поднялся выше своих надзирателей, освободив миллионы южноафриканцев и став всеобщим источником вдохновения и выдающимся человеком нашего времени. Он посвятил свою жизнь борьбе с неравенством, которое в последние десятилетия достигло критических масштабов во всем мире и представляет растущую угрозу для нашего будущего.

COVID-19 наглядно иллюстрирует эту несправедливость. Мир находится в смятении. Экономика — в свободном падении. Мы оказались поставлены на колени... микроскопическим вирусом. Пандемия показала хрупкость нашего мира. Она обнажила риски, которые мы игнорировали на протяжении десятилетий: слабые системы здравоохранения; пробелы в социальной защите; структурное неравенство; ухудшение состояния окружающей среды; климатический кризис.

Целые регионы, добившиеся прогресса в деле искоренения нищеты и сокращения неравенства, за несколько месяцев были отброшены назад на годы. Вирус представляет наибольшую опасность для самых уязвимых: для тех, кто живет в нищете, для пожилых людей, а также для людей с инвалидностью и уже имеющимися заболеваниями. <...> В некоторых странах неравенство в области здравоохранения усугубляется тем, что частные больницы, а также предприятия и даже отдельные лица забирают себе бесценное оборудование, которое срочно необходимо каждому. Это трагический пример неравенства. <...> *Мы столкнулись с самой глубокой глобальной рецессией со времен Второй мировой войны и самым серьезным падением доходов с 1870 года.* Еще 100 миллионов человек могут быть ввергнуты в крайнюю нищету. На наших глазах может возникнуть голод исторических масштабов.

COVID-19 сравнивают с рентгеновским лучом, обнаруживающим трещины в хрупком скелете обществ, которые мы построили. Он высвечивает повсеместные заблуждения и ложь: *ложь, что свободные рынки могут обеспечить здравоохранение для всех; выдумку, что неоплачиваемая работа по уходу — это не работа; иллюзию того, что мы живем в пострасистском мире; миф о том, что все мы в одной лодке.* На самом деле, хотя все мы оказались в одном море, очевидно, что одни бороздят его на суперяхтах, в то время как другие цепляются за плавающие обломки. <...>

Более 70% населения мира живет в условиях растущего неравенства в доходах и богатстве. Двадцати шести самым богатым людям в мире принадлежит столько же благ, сколько полови-

не населения планеты. Вместе с тем неравенство измеряется не только доходами, заработной платой и богатством. Шансы людей преуспеть в жизни зависят от их пола, семейного и этнического происхождения, расы, наличия или отсутствия у них инвалидности и других факторов. <...>

Еще до пандемии COVID-19 многие люди во всем мире понимали, что неравенство подрывает их жизненные перспективы и возможности. <...> Повсюду женщины призвали положить конец одному из наиболее вопиющих примеров гендерного неравенства: насилию, совершаемому влиятельными мужчинами в отношении женщин, которые просто пытаются выполнять свою работу. Антирасистское движение, распространившееся из Соединенных Штатов по всему миру после убийства Джорджа Флойда, является еще одним признаком того, что люди устали: устали от неравенства и дискриминации, на основании которой к людям относятся как к преступникам из-за их цвета кожи; устали от структурного расизма и систематической несправедливости, которые лишают людей их основных прав человека. Эти движения указывают на *два исторических источника неравенства в нашем мире: колониализм и патриархат.* Глобальный Север, в частности мой родной европейский континент, на протяжении веков насаждал колониальное управление во многих странах глобального Юга путем насилия и принуждения. Колониализм породил огромное неравенство внутри стран и между ними, в том числе ужасы трансатлантической работорговли и режима апартеида здесь, в Южной Африке.

Создание Организации Объединенных Наций после Второй мировой войны

было основано на новом глобальном консенсусе в отношении равенства и человеческого достоинства. По миру прокатилась волна деколонизации. Но давайте не будем себя обманывать. Наследие колониализма еще дает о себе знать. Мы видим это по экономической и социальной несправедливости, по росту преступлений на почве ненависти и ксенофобии; по сохраняющемуся институционализированному расизму и идее превосходства белой расы. Мы видим это в глобальной торговой системе. Страны, которые были колонизированы, в большей степени подвержены

рisku оказаться ограниченными производством сырья и низкотехнологичных товаров — новой форме колониализма. И мы видим это в глобальных властных отношениях. Африка стала двойной жертвой. Во-первых, как объект колониального проекта. Во-вторых, африканские страны недопредставлены в международных учреждениях, которые были созданы после Второй мировой войны, до того как большинство из них обрело независимость.

Страны, преуспевающие 70 лет назад, отказываются рассматривать реформы, необходимые для изменения властных отношений в международных учреждениях. В качестве примера можно привести состав Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и советов директоров учреждений Бреттон-вудской системы и право голоса в них.

Неравенство начинается с самого верха: в мировых учреждениях. Решение про-

блемы неравенства должно начинаться с их реформирования.

При этом давайте не будем забывать еще об одном серьезном источнике неравенства в нашем мире — тысячелетиях патриархата. Мы живем в мире, где доминируют мужчины, и в культуре

Пандемия показала хрупкость нашего мира.

Она обнажила риски, которые мы игнорировали на протяжении десятилетий: слабые системы здравоохранения; пробелы в социальной защите; структурное неравенство; ухудшение состояния окружающей среды; климатический кризис

ной среде, в которой доминируют мужчины. Повсюду женщины находятся в худшем положении, чем мужчины, просто потому, что они женщины. Неравенство и дискриминация являются нормой. Насилие в отношении женщин, включая фемцид, приобрело масштаб эпидемии. <...>

Заглядывая в будущее, можно сказать, что XXI век будет определяться двумя кардинальными изменениями: климатическим кризисом и цифровыми преобразованиями. И то и другое может еще больше усилить неравенство. <...>

Доверие к институтам и лидерам уменьшается. С начала 1990-х годов явка избирателей во всем мире снизилась в среднем на 10%. Люди, которые чувствуют себя маргинализированными, уязвимы перед аргументами, согласно которым в их бедах виноваты другие, особенно те, кто выглядит или ведет себя по-другому. Однако популизм, национализм, экстремизм, расизм и поиск виноватых

будут лишь порождать новое неравенство и разделение внутри общин и между ними; между странами, между этносами, между религиями. <...>

COVID-19 — это трагедия для всего человечества. Но она дает нам редкий шанс. Возможность построить более равноправный и устойчивый мир.

Реагирование на пандемию и на предшествовавшее ей повсеместное недоверие должно основываться на Новом общественном договоре и Новом глобальном договоре, которые создадут равные возможности для всех и обеспечат уважение прав и свобод каждого.

Новый общественный договор внутри общества позволит молодежи жить в достойных условиях; обеспечит женщинам те же перспективы и возможности, что и мужчинам; и защитит больных, уязвимых и представителей различных меньшинств. Образование и цифровые технологии должны быть двумя мощными факторами, открывающими и уравнивающими возможности.

«Образование — это самое мощное оружие, с помощью которого можно изменить мир». Как всегда, Нельсон Мандела заявил об этом первым.

Правительства должны уделять приоритетное внимание равному доступу к образованию <...> Чтобы обеспечить качественное образование для всех, нам необходимо к 2030 году более чем вдвое увеличить расходы на образование в странах с низким и средним уровнем дохода, доведя их до 3 триллионов долларов в год.

Правительствам необходимо уделять приоритетное внимание инвестициям в цифровую грамотность и инфраструктуру. Обучение тому, как учиться, адаптироваться и осваивать новые навыки, будет иметь решающее значение.

Цифровая революция и искусственный интеллект изменят характер работы, а также взаимосвязь между работой, отдыхом и другими видами деятельности, некоторые из которых мы не можем себе сегодня даже представить. В «дорожной карте» в области цифрового сотрудничества, представленной в Организации Объединенных Наций в прошлом месяце, содержится концепция достижения инклюзивного, устойчивого цифрового будущего путем подключения к Интернету к 2030 году оставшихся 4 миллиардов человек. Организация Объединенных Наций также запустила инициативу Giga — амбициозный проект, целью которого является подключение к Интернету каждой школы мира. <...>

Правительствам следует также сместить акцент при взимании налогов с заработной платы на выбросы углерода. Обложение налогом не людей, а выбросов углерода позволит увеличить объемы производства и повысить занятость при одновременном сокращении выбросов.

Мы должны разорвать порочный круг коррупции, которая является одновременно причиной и следствием неравенства. Коррупция ведет к сокращению и растрате средств, выделяемых на социальную защиту, ослабляет социальные нормы и верховенство права. Для борьбы с коррупцией необходима подотчетность. Лучшей гарантией подотчетности является активное гражданское общество, в том числе свободные, независимые средства массовой информации и ответственные социальные сети, способствующие проведению конструктивных дискуссий. <...>

Новая модель глобального управления должна основываться на всесторон-

нем, всеохватном и равном участии в работе мировых учреждений.

В противном случае мы столкнемся с еще большим неравенством и отсутствием солидарности, подобными тем, которые мы наблюдаем сегодня в ходе разрозненного глобального реагирования на пандемию COVID-19. Развитые страны вкладывают значительные средства в обеспечение своего собственного выживания в условиях пандемии. Однако они не смогли оказать поддержку, необходимую, чтобы помочь развивающимся странам пережить это опасное время.

Новый глобальный договор, основанный на справедливой глобализации, на уважении прав и достоинства каждого человека, на жизни в гармонии с природой, на учете прав будущих поколений и на успехе, измеряемом не столько экономическими показателями, сколько достижениями в гуманитарной сфере, является лучшим способом изменить эту ситуацию.

Всемирный процесс консультаций, приуроченный к 75-й годовщине Организации Объединенных Наций, ясно показал, что люди хотят иметь систему глобального управления, отвечающую их интересам. Развивающиеся страны должны иметь гораздо более весомый голос в процессе принятия решений на глобальном уровне.

Нам также необходима более всеохватная и сбалансированная многосторонняя торговая система, которая позволяла бы развивающимся странам продвигаться вверх по глобальным производственно-сбытовым цепочкам. Необходимо предотвращать незаконные финансовые потоки, отмывание денег и уклонение от уплаты налогов. Крайне важно достичь глобального

консенсуса в отношении ликвидации налоговых убежищ.

Мы должны прилагать совместные усилия по интеграции принципов устойчивого развития в процессе принятия финансовых решений. Финансовые рынки должны быть полноправными партнерами в деле перенаправления потока ресурсов от «коричневой» и «серой» экономики к экономике «зеленой», устойчивой и справедливой. <...>

Нельсон Мандела говорил: «Одна из сложных задач нашего времени... заключается в том, чтобы заново закрепить в сознании нашего народа чувство человеческой солидарности, то чувство, что мы живем в этом мире друг для друга и благодаря друг другу». В условиях пандемии COVID-19 этот послыл актуален как никогда. Мы принадлежим друг другу. Мы будем держаться друг друга или погибнем.

Сегодня, в демонстрациях за расовое равенство, в кампаниях против языка ненависти, в борьбе людей, отстаивающих свои права и интересы будущих поколений, мы видим, как зарождается новое движение. Это движение отвергает неравенство и разобщение и объединяет молодежь, гражданское общество, частный сектор, города, регионы и другие заинтересованные стороны под эгидой политики за мир, за нашу планету, за справедливость и права человека для всех. Оно уже меняет ситуацию.

Теперь решение за мировыми лидерами. Уступим ли мы хаосу, разобщению и неравенству? Или мы исправим ошибки прошлого и будем двигаться вперед вместе, на благо всех? Мы достигли переломного момента. Но мы знаем, на какой стороне истории мы находимся.



*Иван Курилла,
доктор исторических наук*

*Американские беспорядки**

Волнения, охватившие в этом году города Соединенных Штатов, напоминают про остроту расовой проблемы в Америке. Несмотря на очевидные успехи движения за гражданские права в 1960-е годы, ликвидировавшего правовые основы неравенства афроамериканцев, институционализированное неравенство остается бичом американского общества. Представитель афроамериканской общины в среднем меньше зарабатывает, занимает более низкие позиции в экономике и политике, чем его белый согражданин, менее образован и чаще попадает в тюрьму. Внешний наблюдатель может увидеть это и под другим углом зрения: почти любая социальная проблема в США становится проблемой расовой.

То, что в Европе принято считать классовым антагонизмом, в Америке является проблемой расы. Неодинаковое отношение полиции к «чистой публике» и к представителям непривилегированных групп населения обсуждается и в России, но в США это прежде всего различие в отношении полиции к белым и черным американцам.

Смерть афроамериканца Джорджа Флойда от рук белого полицейского Дерека Шовена (не могу не читать его фамилию по-французски, — он однофамилец человека, давшего имя шовинизму) стала, увы, не первой даже в нынешнем году. В середине марта полицейским в Кентукки была застрелена Брионна Тейлор, в феврале в Джорджии белые убили Ахмода Арбери, среди убийц был бывший полицейский.

** Неужели в США так и не решили расовую проблему? Во всем виноват Трамп? Почему в России только и спорят об американских беспорядках? Отвечает Иван Курилла // Медуза. 6 июня 2020 года.*

Полиция привыкла видеть в темнокожих американцах угрозу — и прибегает к избыточному насилию по отношению к ним. При этом в стране, наводненной оружием, полицейские стреляют гораздо чаще, чем в Европе, так что насилие часто означает гибель подозреваемого. И наконец, пандемия весны 2020 года и меры по предотвращению ее распространения стали последним фактором, создавшим взрывоопасную ситуацию. Гибель Джорджа Флойда стала искрой, попавшей в насыщенный горючим материалом сосуд.

Предыдущие протесты по схожему поводу полыхали в Балтиморе, штат Мэриленд, весной 2015 года после смерти задержанного полицией афроамериканца Фредди Грея. В конце лета и в начале осени 2014 года протесты прокатились после убийства безоружного Майкла Брауна в городе Фергюсон, штат Миссури. Еще более ранний случай — убийство семнадцатилетнего афроамериканца Трейвора Мартина во Флориде белым дозорным Джорджем Циммерманом в феврале 2012 года. Оправдание Циммермана привело к общеамериканским протестам и послужило началом движения «Жизни черных важны» (*Black Lives Matter*). Самым жестоким за последние полвека стал бунт, охвативший Лос-Анджелес весной 1992 года после оправдания полицейских, избивших афроамериканца Родни Кинга и попавших в объектив видеокамеры. Тогда в городе погибли 63 человека, не говоря о миллиардном ущербе имуществу.

Однако сегодняшние события отличаются от всех перечисленных. Они быстро распространились по всей стране (не оставшись делом Миннеаполиса), в отличие от лос-анджелесских беспорядков 1992 года. И они уже вышли за рамки законного ненасильственного протеста, которым отличалось до сих пор движение *Black Lives Matter*.

В этом смысле больше аналогий можно найти в протестах афроамериканцев 1967 или 1968 годов. Лето 1967 года вошло в американскую историю как «длинное и горячее» (*long, hot summer*), — за год в США произошло 159 бунтов на расовой почве, включая разрушительные в Детройте (43 погибших и более тысячи раненых) и в Ньюарке (26 погибших и сотни раненых). После убийства Мартина Лютера Кинга в 1968 году бунтами были охвачены 110 городов. События конца мая — начала июня 2020 года пока не привели к такому количеству жертв, но их объединяет с историей конца 1960-х общее состояние американской нации.

Тогда, как и сейчас, американцы были расколоты по политическим и идейным линиям. В 1960-х основной разлом проходил по отношению к гражданским правам афроамериканцев и к сегрегации на Юге страны. Вековое унижение было наконец названо по имени и стало предметом политической борьбы. Взаимное недоверие, временами перераставшее в ненависть, охватило большие группы активистов, боровшихся за отмену сегрегации или за сохранение «белых» школ и автобусов. Быстрое изменение привычного южанам образа жизни, для которого федеральное правительство даже вводило войска в некоторые города

Юга, еще больше разгорячило общественные дебаты. Именно на этом фоне относительно небольшого толчка было достаточно, чтобы напряжение прорвалось в бунте. Сегодняшние США напоминают Америку 1960-х уровнем общественного раскола и взаимного недоверия.

Часто можно услышать, что острота раскола — результат избрания президентом США Дональда Трампа. Но мне представляется, что появление Трампа было лишь симптомом того напряжения, которое испытывало американское общество задолго до 2016 года. Это напряжение в Америке принято называть «культурными войнами», а к ним относят конфликты по поводу религии и семьи, права на аборт, отношения к феминизму и новым гендерным ролям, легким наркотикам, к изменению климата и, конечно, к расовому вопросу. Отношение американцев к каждой из этих проблем на протяжении нескольких десятилетий неуклонно сдвигалось в сторону либерализма и признания разнообразия. Характерно, что уже во время нынешних беспорядков впервые за многие десятилетия во всю мощь слышны голоса с радикального левого фланга: на нынешнем этапе расовую проблему не решить на путях либерального капитализма, а значит, Америка должна открыться для социалистического эксперимента. Те же, кто сегодня громит магазины, осуществляют право угнетенного народа на восстание.

И хотя общий консенсус в Демократической партии сводится к поддержке протестов и осуждению грабежей, но даже умеренные прежде голоса с левого фланга начинают звучать резче. «Восстание всегда использовалось для защиты свободы», — пишут одни журналисты. «Белые не готовы признать за черными право на протест любого рода, так почему же не выбрать самую радикальную форму?» — спрашивают другие.

Но кризис, в котором оказалась Америка в последние годы, показал, что представление, будто в ходе культурных войн эволюционировали базовые ценности всего общества, оказалось иллюзорным. Значительная часть американцев не принимала таких быстрых изменений дискурса, постепенно накапливая недовольство. Появление Трампа лишь позволило этой части американцев выйти из тени. Сегодня он открыто выражает их мнение, например цитируя в твиттере шефа полиции Майами из того самого 1967 года Уолтера Хедли: «Когда начинается грабеж, начинается стрельба» (*When The Looting Starts, The Shooting Starts*). Правда, позже в тот же день Трамп вынужден был извиняться за этот твит, сказав, что не знал о его расистском происхождении. Но в организации мятежей он по-прежнему обвиняет левацкую «Антифу», которую грозит объявить террористической. И проблема здесь не только в том, что единой «Антифы», вероятно, вообще не существует. Возможно, хуже, что эти обвинения зеркально отражают риторику некоторых политиков-демократов, которые тоже объясняют нынешний конфликт действиями внешних сил. А конкретно — скорее всего, России. Ни та ни другая сторона не смотрит в глаза реальности.

А она такова, что американское общество насыщено горизонтальными структурами, то есть люди легко и охотно выходят на улицы в знак протеста и поддержки. Обычно гражданская солидарность рассматривается как демократическая добродетель. Но в сочетании с мощным ценностным расколом она иногда приводит к открытым столкновениям.

Конечно, теперь каждая политическая сила хочет обернуть беспорядки себе на пользу. Но мне все же представляется, что бунт нельзя назвать ни «продемократическим», ни «антирамповским». Он отражает куда более глубинные изменения, за которыми партийной политике только приходится поспевать. В конце концов трудно поверить, что респектабельные политики-демократы искренне сочувствуют битью витрин и разграблению магазинов, но особая «логика» политических эмоций заставляет их примкнуть к левой части своих избирателей.

Послужит ли нынешняя ситуация реальному реформированию политики и общественным установкам по отношению к цвету кожи, мы увидим в ближайшие годы. Первая важная точка — выиграет ли Дональд Трамп новый срок в Белом доме в ноябре нынешнего года.

Соединенные Штаты для России — традиционный «значимый Другой», и на опыт США смотрят и власть, и общество. Однако в кризисной ситуации каждый выбирает себе (в опыте Другого) то, что кажется ему самым близким и важным. В этом смысле поток комментариев по поводу Америки выявляет не только уровень знаний в России о США, но и собственные расколы в России. Причем в рассуждениях о Соединенных Штатах люди могут себя не самоцензурировать, и эти споры об американских протестах рисуют непростую картину российского общества: здесь есть и проявления расизма, и раскол на левых и правых, и поддержка полиции, высказанные гораздо более открыто, чем те же люди готовы высказываться по поводу дел в собственной стране.

Россияне воспроизводят основные расколы, характерные для мнений в самих США, но что характерно — здесь исчезающе мало количество людей, оправдывающих насильственную составляющую бунта. Битье витрин и грабежи магазинов представляются очевидной преступностью, которую не оправдывает благая цель. В самом деле, силен контраст между подчеркнута мирными попытками протестов в России в последние десятилетия и кадрами из американских городов. Государственная часть комментаторов рада указать на то, что любой протест — это незаконие, и мирные протестующие открывают ворота грабежам. Эта идея вполне ложится на старую «антимайданную» оптику Кремля.

Однако у телекартинки может быть и другой эффект: оказывается, политический протест может выглядеть и вот так. И если по итогам бунтов мы увидим серьезные изменения в американской политике, то на перефразированный вопрос «Хотите, как в Нью-Йорке?» может последовать ответ: «Хотим».



*Андрей Кураев,
политолог*

О сущности гибридных войн

Современный мир вступил в эпоху непрекращающихся коренных изменений практически во всех сферах жизни: благодаря процессу глобализации, внедрению новых технологических достижений в повседневную жизнь и информационной революции человечество испытывает перемены, которых никогда раньше не было, и это касается в том числе концепции ведения войны¹.

После окончания холодной войны между политологами возник спор о том, как изменился характер войны и изменился ли он; одни считают, что между войнами прошлого и настоящего существуют различия, другие уверены, что характер современной войны изменился, но природа и сущность ее остаются прежними².

В традиционном понимании международная война — это военные действия между государствами с целью достижения тех или иных интересов; однако происходят, как известно, и другие войны, например революционные, гражданские между государственными и негосударственными акторами³. И в это время могут использоваться и используются различные инструменты и методы ведения борьбы: помощь партизан, прокси войны и даже терроризм. А иногда начинаются открытые, прямые столкновения между государствами, что осложняет восприятие войны в традиционном ее понимании.

Понятие «гибридная война» стало широко употребляться в начале XXI века для объяснения асимметричных способов ведения войны (использование регулярных и иррегулярных методов ведения боевых действий), а также насильственных методов боя негосударственными акторами (террористическими организациями)⁴. При этом до 2014 года ученые и политики обращали внимание прежде всего на негосударст-

венных акторов, которые потенциально могли вести гибридную войну; после присоединения Крыма к России началась дискуссия о возможности государств вести гибридные войны друг против друга с использованием различных инструментов воздействия⁵.

Что представляет собой гибридная война? Как трактуется это понятие? Какие инструменты воздействия используются в современных гибридных войнах и являются ли они серьезной угрозой для будущей безопасности стран?

Концепции гибридной войны

Понятие гибридной войны имеет много интерпретаций, но сегодня в том числе НАТО и Европейский союз согласны, что такая война является угрозой сама по себе⁶. Первое известное упоминание термина относят к 1998 году; в частности, Р. Уокер называл гибридную войну совокупностью использования «классических» и «специальных» военных действий и плавным переходом одних (действий) в другие; при этом автор считал, что в концепции гибридных войн ничего нового нет, так как в военных компаниях уже использовались подобные методы ведения боевых действий⁷.

Иными словами, для Р. Уокера гибридная война — это фактически традиционная война только с большей интенсивностью оперирования различными тактиками. Несколько позже гибридная война понималась как некий тип асимметричной войны при участии негосударственных акторов. Современные и будущие асимметричные войны, по словам австралийского стратега А. Дюпона, скорее всего, будут вестись не только террористами, но и другими вооружен-

ными группами, которые могут представлять угрозу⁸.

О характере и феномене современных войн начали широко говорить в 2007 году, когда Ф. Хоффман опубликовал свою статью «Восход гибридных войн»; гибридной он назвал войну, в ходе которой используются различные методы ведения боевых действий⁹. Современные войны, помимо конвенциональных (традиционных) методов ведения боя, писал он, включают новые — терроризм, нерегулярные тактики, принуждение, партизанские восстания. В «информационном веке» могут использоваться различные механизмы воздействия (пропаганда, кибератаки), что кардинально меняет, по его словам, характер войны, так как современные конфликты могут обойтись без прямого насилия. В понимании Ф. Хоффмана гибридной войны была еще одна важная особенность: современные войны не симметричны и могут вестись разными акторами¹⁰. Причина, почему он делал при этом акцент на негосударственных вооруженных образованиях, была связана, скорее всего, с провалом военного присутствия США в конфликтах в Ираке и Афганистане; именно опасность гибридных войн и неспособность обороняться, противостоять им породили необходимость анализа и осмысления подобного рода конфликтов¹¹.

Ф. Хоффман еще в 2007 году был уверен, что государства станут использовать методы гибридной войны в будущих конфликтах, и в 2014 году эта мысль нашла подтверждение на территории Украины. После этого гибридная война начала рассматриваться учеными с точки зрения действий государств при участии негосударственных субъектов¹².

Российские действия в отношении Украины получили название гибридной

войны из-за «размытости» традиционной концепции ведения войны (так как прямого объявления войны не было), из-за неиспользования военных средств и из-за асимметричного характера действий России¹³. С одной стороны, это показывает схожесть с предыдущими определениями характера гибридной войны, но с другой — мы видим наличие государств, применяющих различные методы ведения подобного типа войн.

Понятие гибридной войны не имеет четкого и единого определения¹⁴. Она может вестись без прямых военных действий и объявления войны, но с использованием соответствующих технологий и информации¹⁵.

Регулярные войны подразумевали использование вооруженных армий и являлись противостоянием стран с прямыми военными столкновениями. После 2014 года идея о том, что основными участниками гибридных войн являются негосударственные субъекты, изменилась; стало понятно, что государственные акторы также могут вести гибридные войны друг против друга, что породило вопросы о том, как обороняться от таких угроз.

Инструменты гибридной войны

Инструменты, используемые в гибридной войне (уже упоминавшиеся терроризм, партизанские войны, кибератаки, современные технологии), можно охарактеризовать, основываясь на том, в какой сфере они используются и на какую сферу направлены. Так, государство или другой ее актор-участник может использовать политические, военные, гражданские, информационные или экономические инструменты воз-

действия для достижения поставленных целей; при этом с их помощью можно контролировать «ситуацию» и изменять ее путем синхронизации использования одних инструментов и увеличения эффекта от других¹⁶. При реализации подобного контроля акторы обращают внимание на «уязвимости» актора-оппонента. Степень синхронизации, как и степень эффективности отдельно взятых инструментов, определяется при этом по «уязвимости» системы, против которой направлены методы; набор инструментов у разных акторов может различаться, но государству легче осуществлять контроль над конфликтом, так как в его распоряжении большой выбор самых разных инструментов воздействия, и оно может быть опаснее негосударственных субъектов¹⁷.

Обладая информацией об инструментах, можно ли обезопасить себя от угрозы гибридной войны, когда применяются различные методы, которые не обязательно, как уже было сказано, предполагают прямое военное столкновение и объявление войны.

Пока не существует четкого плана по сдерживанию гибридной агрессии, но предлагается ряд мер, которые в теории могут предотвратить угрозу. Речь идет о трех возможных стратегических целях: о поддержании потенциала для принятия независимых решений (то есть о политической стабильности, так как только при стабильной ситуации государство способно принимать взвешенные и самостоятельные решения), об «удержании» противника от гибридной агрессии (путем использования внутренних инструментов власти) и о ее «предотвращении» (через ответные действия на проявленную агрессию).

Другими словами, защита государства от гибридной угрозы предполагает три этапа: «обнаружение», «сдерживание» и «ответ» на возникающую угрозу. Случай гибридной войны против Украины в 2014 году заставил мир снова задуматься о концепциях современных войн, и в первую очередь о предотвращении угроз и возможных последствий от этих войн.

Кейс ведения гибридной войны против Украины

Российско-украинский конфликт 2014 года стал отправной точкой для пересмотра политики безопасности многих стран, а также началом обсуждения нового взгляда на современные войны. С ноября 2013-го по февраль 2014-го Украина находилась на этапе важных социально-политических преобразований (происходила «революция Достоинства»), и в это же время страна столкнулась с угрозой территориальной целостности; в марте 2014 года Крым был присоединен к территории России, и позже начались военные действия на востоке Украины¹⁸. При этом прямых боевых действий между государствами не было. Конфликт на Украине можно разделить на две фазы: предотвращение интегрирования Украины в Европейский союз и присоединение Крыма. В первой фазе Россия ориентировалась на зависимость Украины от российского газа и оказывала политическое давление на Януковича, начало второй — опора на пропаганду и дезинформацию, появление «зеленых человечков» в Крыму, референдумы внутри Украины¹⁹.

Если анализировать последовательность российских методов воздействия

на Украину, то можно увидеть синхронность оперирования различными инструментами — политическими, экономическими, военными, информационными.

Параллельно этому происходили события и на территории Крыма. Под предлогом нестабильности, а также «по просьбе» изгнанного президента Януковича на украинской территории был установлен военный российский контроль без военных столкновений²⁰. Россия отрицала наличие своих войск в Крыму несмотря на появление там вооруженных и одетых в форму цвета российской армии людей (без опознавательных знаков), а также грузовиков с российскими номерами; по словам президента Путина эти люди были членами «групп самообороны», местными жителями²¹. И в это же время прошел референдум о «возвращении» полуострова России, большинство участников которого поддержали присоединение; ЕС и США осудили референдум как незаконный²².

Об информационном воздействии России на Украину существуют отчеты, и их много, ссылающиеся на кибершпионаж и кибератаки, и когда западные эксперты говорят о российских кибератаках, они имеют в виду использование СМИ, социальных сетей, политических заявлений с целью влияния на общественное мнение с помощью дезинформации и пропаганды²³.

Международная дискуссия о гибридной войне началась относительно недавно, и все определения гибридной войны объединяет использование различных методов ведения боевых действий, а также участие в конфликтах помимо государственных негосударственных акторов, когда можно избежать прямого объявления войны и тем

самым стирается грань между войной и миром.

Поэтому не случайно гибридные войны считают серьезной опасностью для стабильности мирового порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Özel Y., Inaltekin E.* Shifting Paradigm of War: Hybrid Warfare // Ministry of national defense university. Istanbul. 2017. P. 7.
- 2 *Metz S., Cuccia P.* Defining war for the 21st century // 2010 SSI Annual Strategy Conference Report. 2010. P. 1. (71)
- 3 GyanKosh. IGNOU Self Learning Material. Unit-6 Types of War: Revolutionary War, Civil War, Guerrilla War, Insurgency and Counter Insurgency, Proxy War and Asymmetrical War and Terrorism // egyankosh.ac.in/bitstream/123456789/24707/1/Unit-6.pdf.
- 4 *Vračar M., Ćurčić M.* The Evolution of European Perception of the term “Hybrid warfare” // University of Defence in Belgrade. Government of the Republic of Serbia. Vojno Delo. 2018. P. 5.
- 5 *Sloan E.* Hegemony, power, and hybrid war // Dialogue of Civilizations Research Institute. Expert Comment. 2018. P. 5; Петр Топычканов. «Гибридная война» — научный термин или пропагандистский штамп? Московский центр Карнеги. 2015 [Electronic References]. carnegie.ru/2015/07/15/ru-pub-60747.
- 6 *Cullen P.* MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Warfare // A Multinational Capability Development Campaign project. 2017. P. 3.
- 7 *Vračar M., Ćurčić M.* The Evolution of European Perception of the term “Hybrid warfare”. P. 3.
- 8 Ibid. P. 4.
- 9 *Hoffman F.F.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars // Potomac Institute for Policy Studies. 2007. P. 14.
- 10 *Hoffman F.F.* Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. № 52. 2009. P. 36.
- 11 *Vračar M., Ćurčić M.* The Evolution of European Perception of the term «Hybrid warfare». 2018. P. 9–10.
- 12 *Sloan E.* Hegemony, power, and hybrid war. 2018. P. 7.
- 13 *Reichborn-Kjennerud E., Cullen P.* What is Hybrid Warfare? // Norwegian Institute of International Affairs. Policy Brief. 2016. P. 2.
- 14 *Kjennerud E., Cullen P.* What is Hybrid Warfare? 2016. P. 1.
- 15 *Cullen P.* MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Warfare. 2017. P. 8.
- 16 См.: *Cullen P.* MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Warfare. 2017. P. 8–9; *Reichborn-Kjennerud E., Cullen P.* What is Hybrid Warfare? 2016. P. 3–4.
- 17 *Monaghan S.* MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Countering Hybrid Warfare // A Multinational Capability Development Campaign project. 2019. P. 20.
- 18 *Antonyuk N., Malskyi M.* Russia’s Hybrid Warfare Against Ukraine in The Context of European Security // Visnyk of the Lviv University. № 38. 2016. P. 25.
- 19 *Cullen P.* MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Warfare. 2017. P. 30–31.
- 20 Ukraine’s Yanukovych asked for troops, Russia tells UN. BBC News. 2014 // www.bbc.com/news/world-europe-26427848.
- 21 Ukraine’s Yanukovych asked for troops, Russia tells UN. BBC News. 2014 // www.bbc.com/news/world-europe-26427848.
- 22 *Shevchenko V.* BBC Monitoring. «Little green men» or «Russian invaders»? BBC News. 2014 // www.bbc.com/news/world-europe-26532154;
- 23 *Renz B., Smith H.* Russia and Hybrid Warfare — Going Beyond the Label // Papers Aleksanteri. 2016. P. 14, 42.

Конституция каждой страны — зеркало эпохи, отражение историко-политического периода, в который она создавалась.

В глобальном мире, где вполне разумным для развития общества кажется свобода людей, их желание и возможность самостоятельно решать свои бытовые проблемы, попытка «отрегулировать» жизнь граждан через внесение поправок в Конституцию очень похожа на возврат в нефеодалное общество с дальнейшим усилением тоталитарного контроля государства над негосударственной сферой.

Можно ли развивать общество, делать его более богатым, успешным, прививать гражданам гуманистические ценности, создавать защиту детства и старости без изменения действующей Конституции?

О будущем и настоящем этого сложного и интересного документа, завершающего логику большой русской революции, размышляли и наши выпускники.

О Конституции

Текст и контекст украинской Конституции

*Илья Афанасьев,
доцент Института журналистики
Киевского университета им. Бориса Гринченко*



Согласно опросу, проведенному одной из ведущих украинских социологических служб в середине 2019 года, оказалось, что лишь 53% украинцев полностью или частично читали Конституцию Украины (КУ) либо знакомы с ней по пересказам в СМИ и учебниках, но зато 67% были за ее изменение. То есть многие осудили, даже не читая.

Действительно ли Конституция Украины нуждается в изменениях? И если да, то в каких?

В современном мире есть примеры стран более успешных и менее успешных (обычно под успешными подразумеваются богатые, безопасные и относительно свободные, то есть в целом комфортные страны). Первые считают свои конституции одной из важных причин успешности государства. Большинство вторых согласны с этим. Конституции большинства успешных стран обладают десятком общих основных признаков. Сравним по этим критериям украинскую Конституцию с типичными конституциями успешных стран.

Декларирует ли эта Конституция суверенитет Украины, воплощает ли его? Да, в соответствии с Преамбулой и статьями 1, 2.

Есть ли кодификация, фиксация ее в виде письменного текста? Да, существует такой текст, принятый в 1996 году большинством украинско-

го парламента и с тех пор официально признаваемый в качестве Конституции Украины.

Является ли она законом, то есть документом, обязательным к исполнению? Обладает ли юридической силой? Да. Статья 8 КУ: «Нормы Конституции Украины являются нормами прямого действия».

Является ли она таким законом, который стоит выше, чем другие законы этого государства, провозглашается ли она правовой рамкой, приоритетом, ориентиром для создания и исполнения законов Украины? Да. Статья 8 КУ: «Конституция Украины имеет высшую юридическую силу. Законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины и должны соответствовать ей».

Предусматривает ли она наличие судебного надзора за исполнением своих, конституционных, норм, за деятельностью парламента в этом аспекте? Да, об этом целый раздел — XII «Конституционный суд Украины». Специальный судебный орган уполномочен решать, соответствуют ли Конституции Украины законы Украины и некоторые другие акты.

Является ли Конституция Украины широкой рамкой, оставляющей довольно большое поле для маневра судьям и политикам, в этих рамках? Да, многие статьи этой Конституции сопровождаются официальными толкованиями, содержащимися в решениях Конституционного суда Украины.

Содержатся ли в ней основные правила, убеждения и принципы поведения граждан, сформулированы ли в ней рекомендуемые ценности? Да, в очень многих статьях. Например, статья 3 КУ: «Человек, его жизнь, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью».

Трудно ли ее изменить, является ли она жесткой, с точки зрения процедуры внесения изменений в нее? Да. В соответствии с разделом XIII КУ, некоторые ее положения вообще не подлежат изменению, а другие требуют прохождения довольно сложной, многоэтапной процедуры, предусматривающей одобрение не менее чем двумя третями конституционного состава парламента Украины, то есть 300 депутатами из 450. Содержатся ли в ней основные положения Всеобщей декларации прав человека? Да. В основном эти положения содержатся в разделе II «Права, свободы и обязанности человека и гражданина», отображены они и в некоторых других разделах Конституции Украины.

Декларирует ли Конституция Украины баланс законодательной и исполнительной власти, осуждает ли она чрезмерное усиление той или иной ветви власти, нарушение их баланса, формирование диктатуры? Да, такие декларации содержатся во многих из вышеперечисленных и во многих других статьях и разделах Конституции Украины.

Итак, в основных чертах текст украинской Конституции соответствует всем типичным принципам демократической конституции. Но есть в ее

тексте особенность, которая делает ее если не уникальной, то очень нетипичной: в Преамбуле и нескольких других разделах и статьях содержится декларация о том, что стратегическим курсом Украины является вступление в ЕС и НАТО. В большинстве из этих упоминаний курс декларируется как лишь право тех или иных органов власти, но в разделе о президенте Украины он выступает как обязанность: президент должен гарантировать такой курс. Между тем ни одна из 11 так называемых постсоциалистических стран, которые в 1999–2013 годах вступили в ЕС и НАТО, до вступления не вносили этот курс как единственно верный в свои конституции.

Эти изменения в Конституции Украины о ЕС и НАТО вступили в силу в феврале 2019 года. А партии парламентского большинства и президент Украины, внесшие эти изменения, потерпели сокрушительное поражение на парламентских и президентских выборах через несколько месяцев. Судя по соцопросам 2019 года, лишь около половины украинцев поддерживали вступление Украины в ЕС и НАТО, значительная же часть высказывалась категорически против. Таким образом, внесение этих изменений в Конституцию Украины едва ли можно назвать консенсусным решением народа, который, согласно неизменяемой части КУ, являлся «носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине» (ст. 5 КУ).

Случай с поправками о курсе на ЕС и НАТО, как и ряд других эпизодов украинского конституционного процесса, когда Конституция менялась вследствие тактических интересов той или иной политической группировки, в зависимости от силы позиций группировки в том или ином органе власти, на том или ином электоральном поле и т.д., свидетельствует о следующем. Конституция Украины имеет негативные свойства, схожие с типичными партийными конституциями несвободных стран, то есть с конституциями нежелательными, неполноценными, как их иногда называют современные сторонники либерального демократического конституционализма. Если политический курс на вступление в какую-либо международную организацию, то есть относительно кратковременный процесс, вносится в виде многократных повторений в конституцию страны, то это едва ли соответствует основным принципам современной конституции. Это слишком мелко, часто для такого документа, это превращает конституцию в забор для расклеивания политических прокламаций — каким бы благим ни было содержание этих прокламаций, даже при единодушной поддержке со стороны народа.

Когда граждане видят, как конституцию кроют и перешивают в угоду тактических интересов одной из политических сил, то происходит снижение авторитета Конституции как некоего Закона законов, незыблемого кодекса, великого стабилизатора государственной и общественной деятельности.

Еще одна современная проблема Конституции Украины: ее чтение вызывает у большинства смех. Веселый ли, грустный ли, горький, саркастический, иронический или истерический, но — смех. Реакция эта вызывается тем, что десятки статей Конституции Украины, в том числе очень важные, содержащиеся в первых двух ее разделах, нарушаются государством в режиме 24/7, в течение всех 24 лет существования этой Конституции. Нарушаются весомо, грубо, зримо. Поэтому текст этой Конституции воспринимается не как закон, по которому живет большинство украинцев...

В украинских СМИ это противоречие между Конституцией и реальностью не особенно скрывается. О нем часто пишут, то есть оно бросается в глаза и многим тем, кто не читал, или только частично читал, или только в пересказе ознакомился с Конституцией Украины.

Комический эффект — это совсем не тот эффект, который должна вызывать конституция. А вызывается этот комизм противоречием. Поэтому противоречие необходимо уменьшить, чтобы усилить эффективность конституции. Уменьшить, конечно, можно и нужно в сфере исполнения, практической реализации конституционных норм, но не только.

Многие формулировки в Конституции Украины о предоставлении многочисленных прав гражданам выглядят слишком размыто и максималистично, их легко принять за пожелание, за обещание. Например, статья 50: «Каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на компенсацию ущерба, нанесенного нарушением этого права».

В этом и многочисленных подобных случаях следовало бы, вероятно, добавлять оговорки о том, что раздача благ может гарантироваться конституцией только в пределах ресурсов, имеющихся в государстве, а государство гарантирует курс на увеличение этих ресурсов, но не гарантирует немедленную реализацию коммунистического принципа «каждому по потребностям». Между тем дух последнего явно бродит по Конституции Украины.

Возможно, следует хотя бы попытаться разграничить четче идеал (ориентир) и обещание реализовать этот идеал.

Кое-где в Конституции Украины есть и четкие обещания. Например, статья 25: «Украина гарантирует заботу и защиту своим гражданам, находящимся за ее пределами». Но из Конституции совершенно непонятно, в чем состоит эта гарантия, как ее реализовать. Вероятно, следует внести в эту же Конституцию механизмы ответственности за нарушения конституции. Конечно, не столь подробно, как в уголовном законодательстве, но хотя бы общих чертах, хотя бы в виде более жесткой политической ответственности госслужащих и парламентариев, чем те механизмы, которые содержатся в нынешнем варианте Конституции Украины.

И наконец, для усиления авторитета и стабилизирующей функции конституции, следовало бы изучить вопрос о некоем моратории или испытательном сроке для изменений в этот основополагающий документ страны. Например, вносить изменения не чаще, чем раз в 25 лет. Что, кстати, перекликается некоторым образом с высказыванием Томаса Джефферсона о необходимости принятия новой конституции каждым новым поколением. Или предусмотреть испытательный срок в 6–7 лет для внесения парламентом поправок в конституцию (с возможностью быстро и легко отозвать поправку в период между принятием поправки и вступлением ее в силу), чтобы снизить количество конъюнктурных политических факторов, влияющих на содержание Конституции Украины.

Конечно, большой разрыв между текстом конституции и реальностью ее применения обусловлен особенностями не только самой конституции, но и других юридических документов. Конституции некоторых латиноамериканских стран списаны много лет назад с Конституции США, но успехи в реализации у этих стран намного скромнее. Приучение людей к чтению конституции в оригинале, а не в пересказе СМИ, формирование отношения к ней как к реальной основе всех сторон жизни народа, как к идеалу и практической инструкции для каждого гражданина — все это комплексный важный пункт в списке задач гражданского просвещения.

Что такое Конституция и как ею пользоваться?

*Марина Потехина,
медиаменеджер, автор проекта «История через культуру»,
Санкт-Петербург*



Ф. Лассаль в своих выступлениях, опубликованных в работе «О сущности конституции», говорил, что конституция всего лишь четко закрепляет имеющееся в стране положение дел. То есть просто показывает, как есть в данный момент времени. Если посмотреть не только истории конституций, но и на их прообразы, то убеждаешься в тезисе Лассаля. Например, в законах Солона (прообраз нынешних конституций) запрещалось долговое рабство и из рабского статуса освобождались кабальные должники. Таким образом, Солон пытался снизить социальную напряженность. Поэтому далее последовали и социальные реформы (разделение граждан на имущественные разряды). При Клисфене в Афинах после реформы территориального деления началась реформа городского совета, а в основу управления была заложена политическая единица (а не территориальная). Что дало свои плоды,

так как реформы объединили Аттику. Да и Конституция США 1787 года, по сути, просто подвела итог войны за независимость и в целом завершила формирование американской национальной общности.

Либеральная традиция конституционного строительства сформировалась в XIX веке и провозглашала принцип народного суверенитета. Гарантируя те или иные права и свободы, либеральные конституции не столько формировали индивидуальный правовой статус, сколько обеспечивали наиболее общие принципы правовой защищенности личности. При этом, опять же, конституции закрепляли актуальный на тот момент статус. Например, либеральная конституционно-правовая доктрина изначально не была ориентирована на ввод всеобщего избирательного права. Идеал — цензовая демократия. Провозглашая народ источником власти, в качестве носителя этой власти имелся в виду лишь корпус избирателей (граждан, обладающих активным избирательным правом). Россия, кстати, стала второй страной со всеобщим избирательным правом, которое появилось в ней в результате Февральской революции 1917 года (первой была Новая Зеландия в 1893 году).

Расцвет либерального конституционализма был связан с эпохой формирования индустриального общества и качественным завершением процесса модернизации. Но уже к началу XX века, по мере того как западная цивилизация приближалась к рубежному этапу в своей истории, либеральная конституционная модель оказалась неадекватна новым реалиям общественной жизни. На протяжении наступившего века она сохранилась лишь в странах так называемой англосаксонской правовой семьи, где либеральный конституционализм сочетался с историческими особенностями правовой культуры общества. Фактически все изменения, связанные с конституциями, за последние десятилетия носят естественный характер и лишь закрепляют складывающееся положение дел. Например, после начала процесса евроинтеграции ряду европейских стран пришлось менять свои конституции, отказываясь от части суверенитета.

В России не осознают значимость конституции во многом потому, что не знают ее истории. И речь не только о кризисе 1993 года, а обо всей истории борьбы за появление главного закона страны. Существует версия, что еще в 1773 году дипломат Н.И. Панин и литератор Д.И. Фонвизин пытались ввести в России конституцию, возведя на престол цесаревича Павла Петровича (но не удалось). Конституцию требовали и декабристы, причем их проекты главного закона были самыми разными: от умеренного варианта Н. Муравьева до радикальной конституции П. Пестеля. И Александр I размышлял о введении конституции (но передумал), и Александр II (не успел из-за гибели). В итоге только 23 апреля 1906 года России была дарована конституция, и после этого каждый «вождь» писал уже свою конституцию. Так, в Конституции

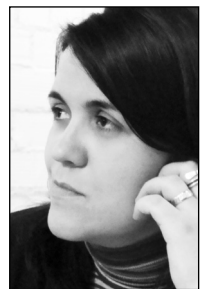
1918 года была закреплена диктатура пролетариата. Она была максимально идеологизирована. Конституция РСФСР 1925 года ставила конечной целью «осуществление коммунизма». Конституция 1937 года (Сталина) закрепила все возможные свободы (в том числе свободу собраний), которые существовали лишь на бумаге. В 1977 году «конституция развитого социализма» обновилась в плане появления в ней трудовых коллективов и увеличения срока полномочий Верховного Совета до пяти лет. Она, наконец, официально закрепляла однопартийную политическую систему. То есть каждый исторический этап развития страны был закреплён в конституции.

Возвращаясь к речам Лассалья, становится понятно, куда Россия свернула, принимая Конституцию 1993 года. Тогда существовал целый ряд проектов конституций, от «саратовского проекта» до «коммунистического», от проекта конституционных демократов до конституции ЛДПР. Но принят был проект, который закрепил права президента — победителя парламента. Конституция стала попыткой сохранить целостность государства и была принята в крайне сложный для страны период.

По словам одного из авторов нынешней Конституции, С.М. Шахрая, средний возраст конституций в мире — 17 лет. И нынешние поправки к Конституции — вызов времени, не столько со стороны государства, сколько со стороны людей (в части социальных гарантий). Мне видится, что сейчас, во время коронакризиса, социальный блок поправок особенно актуален для многих людей (о чем говорят и опросы). В какой-то степени это пересмотр общественного договора, которого уже давно ждут люди. То есть, опять же, некая попытка выстраивания социального государства будет закреплена в Основном законе.

10 особенностей конституций и российская действительность

*Галина Филимонова,
руководитель Нижегородского общественного фонда
деятели культуры «Дать понять»,
Нижний Новгород*



В курсе лекций испанского профессора конституционного права Мигеля Бельтрана де Фелипе конституция представлена как жесткий инструмент, сформированный в ходе исторического процесса для защиты прав человека от потенциального произвола находящихся у власти (групп) лиц. Описывая общие принципы различных конституций, он выделяет десять из них и даже называет их заповедями, что вводит в семантику слова «конституция» сакральный, чуть ли не библейский смысл, требующий не столько изменений и поправок, сколько посто-

янного (пере)осмысления, современных трактовок и поиска ответа на открывшиеся и оставшиеся открытыми вопросы.

1-й особенностью конституций профессор называет утверждение о том, что они воплощают суверенитет. Однако глобализация серьезно размыла это понятие, замечает он, сделав невозможной экономическую самодостаточность той или иной отдельно взятой страны, и изменила современную юрисдикцию, включающую наднациональные конвенции и соглашения, которые имеют примат над национальными конституциями (например, Всеобщая декларация прав человека), что находит отражение в конституциях европейских стран. В этом контексте предложение внести в Конституцию РФ поправку о приоритете российской Конституции над международными договорами можно считать глубочайшей архаикой и потенциальным прикрытием для преступлений против человечности.

В традиционном смысле конституции служат плодом решения об учреждении государства или придания этому государству определенного статуса, а суверенитет подразумевает независимость от иных держав, в том числе несуществующих. Поэтому предложение добавить в статью 67 Конституции РФ пункт о том, что РФ — правопреемник и правопродолжатель СССР, идет вразрез с понятием суверенитета, и, значит, его можно считать антиконституционным.

2-я особенность конституций состоит в том, что это могут быть как написанные документы, так и неписанные традиции, унаследованные из истории. Сравнивая предложение о поправке к статье 80 Конституции РФ «об обнулении президентских сроков» с приведенным примером Конституции США, где неписаная традиция избрания президента максимум на два срока была кодифицирована (то есть записана в конституцию) после нарушения ее некодифицированной версии, нельзя не видеть разницы. Поправка в Конституцию США была внесена с целью ограничения полномочий, а в РФ — с целью их нелимитированного продления, что дает основание назвать власть в РФ неконституционной, так как «конституционность власти подразумевает ее сменяемость в результате выборов, изменений в правительстве и в парламенте».

Говоря о написанных конституциях, в которых есть ненаписанный контекст, Мигель Бельтран де Фелипе приводит в пример статью 16 пункт 2 Конституции РФ от 1993 года. Заглянув в содержание это статьи можно понять, что в российской Конституции установлен приоритет норм 1-й главы, составляющей основы конституционного строя, над остальными ее частями. Это означает, что в случае внесения изменений в главы 2–9 (а предложения об изменениях начинаются со статьи 67 главы 3), они не должны нарушать требования, содержащиеся в главе 1. Иными словами, Конституционное собрание, создаваемое в соответствии со статьей 135 Конституции России, палаты парламента,

граждане в ходе референдума не могут одобрить изменения, вносимые в перечисленные разделы Конституции, которые противоречат основам конституционного строя.

3-я особенность конституций — в том, что это законы (они имеют нормативы, обладающие обязательной юридической силой). В этом тезисе профессор фокусируется на статье 15 пункт 1 Конституции РФ, где говорится что она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ. Законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Однако в силу краткости Конституции РФ, большинство ее норм не может быть применено напрямую, а в ряде случаев конституционная норма прямо устанавливает необходимость принятия федерального закона по тому или иному вопросу. Так, социальные права обычно не имеют прямого применения (право на жилье, на труд, на социальную помощь, на окружающую среду, на культуру): они нуждаются не в поправках к конституции, а в том, чтобы парламент принял соответствующие законы, так как декларации, заявленные в конституции, без этого не станут правом.

4-я особенность конституций — в том, что они отличаются и превосходят обычные законы. Если конституция имеет примат над принимаемыми законами, то это значит, что они не могут противоречить конституции, как сказано в статье 15 пункт 1 российской Конституции, а судебная власть обладает правом отменять и пересматривать постановления исполнительной и законодательной властей как не соответствующие конституции. Предлагаемая поправка Конституции РФ вводит президента как фигуру, которая дает рекомендацию Конституционному и Верховному суду рассматривать принимаемые законы на предмет конституционности, что ограничивает права судов действовать самостоятельно.

5-я особенность. Конституция — это широкая рамка, обеспечивающая пространство, в котором различные политические деятели могут через выборы прийти к власти, чтобы произвести не фейковую, а подлинную ее ротацию. Конституции не могут и не должны регулировать все подряд, иначе будет очень сложно что-то оттуда удалить, а также не останется пространства для того, чтобы политические деятели могли вести разнообразную политику.

6-я особенность. Конституции содержат ценности, убеждения и принципы (как правило, это ценности просвещения, уважения, толерантности, прав человека и т.д.). Целый ряд предлагаемых поправок к Конституции РФ можно считать дискриминационными (например, дети называются «важнейшим достоянием РФ», а русский народ — «государствообразующим»), а также предлагается прописать запрет на критическое мышление формулировками типа «РФ обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Приверженцы либеральной политики отмечают, что в конституции нужно оставить какое-то место для осуществления действий без участия «государства всеобщего благоденствия». Прописывая конституционные права и обязанности власти предоставлять и уважать социальные права граждан, такое пространство автоматически исчезает. Например, предлагаемое дополнение в статью 64, где появляется пункт 4: «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством». Во-первых, культура — это не только наследие, но и развитие. Во-вторых, право на ее поддержку и развитие может быть не только у государства, иначе культура станет одним из инструментов пропаганды.

7-я особенность. Конституции являются жесткими (их трудно изменить, в них трудно внести поправки). Если уж и менять, то таким образом, чтобы она отражала эволюцию человечества в расширении прав человека. В предлагаемых поправках к Конституции РФ считается регресс относительно 1993 года.

8-я особенность. В конституции содержится декларация прав человека. Предлагаемые поправки в Конституцию РФ дают понять, что современный западный дискурс об универсальности прав человека авторам поправок не близок. Например, они хотят избежать дискуссий об однополых браках, конституционно определяя его как «союз мужчины и женщины», а право на вероисповедание сузить до «веры в Бога». Здесь уместно процитировать книгу «Вера и закон: примирение права и религии» Гарольда Дж. Бермана: «Подчеркивая опасности слишком радикального отделения права от религии, мы, конечно, должны избегать противоположных опасностей, которые несет установление слишком тесной связи между ними... Разделение права и религии, таким образом, создает основу для отделения церкви от государства и защищает нас от царепапизма, с одной стороны, и от теократии — с другой».

9-я особенность. Конституции — плоды демократии. Однако предлагаемые поправки к Конституции РФ наглядно демонстрируют практическую проблему, которую Мигель Бельтран де Фелипе формулирует в виде вопроса: «Возможна ли недемократическая конституция?», а также подтверждают текущее нахождение России в ряду новых нелиберальных демократий с полуавторитарными чертами.

10-я особенность. Конституции являются ограничением для организованной политической власти (для правительств, парламентов, судебных органов) и для отдельных лиц. Именно конституция устанавливает систему сдержек и противовесов перед законно избранной властью. Однако инстинкт лидера состоит в том, чтобы эти ограничения сметать и действовать за пределами этих законов, что также демонстрируют предлагаемые поправки к Конституции РФ, расширяя полномочия президента в сравнении с 1993 годом.

Я не против поправок, я против Конституции

*Александр Фукс,
журналист, писатель,
г. Петрозаводск*



В сегодняшних реалиях, живя в нашей стране, я не вижу в конституциях практического смысла. В Англии, Канаде, Новой Зеландии и Швеции конституций нет, но страны эти вполне демократичны и люди там достаточно свободны. И при этом все коммунистические диктатуры конституции имели. Там были записаны замечательные слова о благе народа, но о свободе в этих государствах не было и речи. Я понимаю, что во времена дремучего Средневековья, когда сюзерены могли безнаказанно спускать шкуру с вассалов, когда человек был бесправен и ничтожен, необходим был некий вектор, направленный в сторону прав и свобод. Но сейчас, когда этот вектор существует практически во всех цивилизованных странах, конституции легко превращаются в фальшивую карту, которую государства используют в своих шулерских играх. Причем все знают, что за столом сидят шулеры, но делают вид, что как бы этого не знают.

Убейте, но я даже не понимаю того, что там написано. Буквально с первой строчки. Я только-только уяснил, что, например, в США вся политическая жизнь колеблется между демократией и республикой. Там демократы и республиканцы — сторонники диаметрально противоположных идей. В битве между этими партиями проходят века, рушатся семьи и ломаются судьбы. И вот я открываю 1-ю статью нашей Конституции и читаю: «Российская Федерация — есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Демократическое государство с республиканской формой. Понятия, из-за которых в другой стране люди готовы биться и убиваться, у нас живут в одной строчке и совершенно друг другу не мешают. При этом ведь американские демократы совсем не против республики, а республиканцы вообще не против демократии. Политологи объясняют, что демократия — это политический строй, а республика — форма правления. Другие политологи заметят, что демократическая форма правления тоже существует. Но я из этого могу понять лишь то, что за словами в политике ничего нет. Или, вернее, там может находиться все, что угодно.

Но в конце концов, нам бы их проблемы. У них же все разногласия сводятся к дискуссиям о вреде абортот и величине налогов. У нас амплитуда противоречий гораздо шире. Нас шарахает между диктатурой и вольницей. Между царизмом и анархией. Между нацизмом и коммунизмом. До налогов ли нам? Сейчас, судя по Конституции, мы выбрали демократию и республику. А на практике?..

Итак, в 1-й статье Конституции черным по белому написано, что Россия — демократическое государство. И что? Это мешает представителям нашей власти считать «демократию» бранным словом? Открыто, не таясь и не стесняясь, с экранов телевизоров депутаты от главной партии страны и госчиновники произносят: «Ну что? Не наелись еще демократии?» Люди, называющие себя патриотами и обремененные властными полномочиями, проклинаят «демократические ценности», называют демократию дерьмократией, и никто не карает их за неуважение к Конституции. Почему? Да, потому что в реальности им всем на нее плевать.

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Ну разве это не восхитительно? Не государство, а человек, согласно Конституции, является главной ценностью. Не «человек для государства», а «государство для человека». И что дальше? Из-за этих добрых слов государство изменит свои приоритеты? Оно сократит траты на вооружение и увеличит расходы на культуру, медицину и образование? С чего? Значит, оно нарушит Конституцию? Нет. Просто, вооружаясь, государство спасает нас от «половцев и печенегов». Ведь главное — это люди. А без сильной армии некому будет учиться и некого будет лечить. Без сильной армии нас всех убьют. А, как известно, согласно статье 20, «Каждый имеет право на жизнь». Так что все строго по Конституции.

Но, может, ради благополучия людей государство пожертвует частью своей территории? Ну, не справляется оно, не может всех прокормить, обеспечить теплом и медициной — одним словом не в состоянии дать людям достойную жизнь. Вот же черным по белому написано: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Вот же оно. Не справляетесь, значит, нарушаете Конституцию. Верните Курилы японцам, а Приладожье — финнам. Главное же не территория, а проживающие на этой территории люди. Пусть народ проведет референдум и решит, где он больше хочет жить. Но в другой статье написано, что «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». И получается, что, согласно той же самой Конституции, подобные разговоры являются преступными. И так во всех странах мира. Ни одна даже самая распрекрасная демократия не отдаст другому государству свой кусок. Какие бы хорошие слова о благе человека не были написаны в их конституциях.

Весь вопрос в интерпретации. И это касается не только нас. Вот США, Восьмая поправка. Она запрещает жестокие и необычные наказания. И вот перед нами сидит верховный судья, который говорит: «Ну да, жестокие наказания запрещены, но это же не значит, что запрещена смертная казнь». Но, черт, что может быть более жестоким, чем смертная

казнь? Она же есть апофеоз жестокости. «С чего вы взяли? — удивляется судья. — В Конституции же не сказано конкретно, что запрещается именно смертная казнь». То есть как судьи захотят, так и решат. Но там и про другие наказания нет никакой конкретики. Какие из них можно считать жестокими? А какие необычными? Отрывание ногтей, просверливание коленей, щекотание пяток, выдергивание волосков из носа? Это решают девять судей — девять человек, которых даже не выбирали, а просто назначили, исходя из личных соображений назначающего. А ведь их можно подкупить, запугать, обмануть, они просто могут быть туповаты по природе. Или жестоки. Да мало ли что. Они ведь всего лишь люди. И депутаты люди, и конгрессмены, и сенаторы, и полицейские, и журналисты. У всех есть семьи, все хотят есть, все не хотят в тюрьму и боятся смерти. И я, честно, не понимаю, почему руководство всех демократических стран мира не пользуется этим и не делает так же, как мы.

«Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Вот она та самая система сдержек и противовесов. Но ведь это очень хлопотно. А без этого как бы недемократично. Но кто мешает формально оставить эту статью, а фактически сосредоточить власть в одних руках? Это же не сложно. По крайней мере гораздо проще, чем каждый раз волноваться за результаты выборов и бояться жить так, как хочется. Нужно просто контролировать судей, СМИ и силовые структуры. Одних подкупить, других запугать. Телевизор будет объяснять, что хорошо и что плохо, силовики задерживать тех, кто не поверил телевизору, а суды назначать им «правильные» наказания. Вот и все. А если кто-то окажется слишком упрямым, его можно застрелить на мосту напротив Кремля и потом обронить слезу над его трупом.

«Единственным источником власти в Российской Федерации является народ. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Шикарно. Но верующий в телевизор и запуганный полицией народ будет голосовать так, как «надо». Говорят, что «демократия гибнет в избирательных урнах», то есть тогда, когда народ сам выбирает себе тирана. Но и это не совсем так. Народ может прозреть, возмутиться, возроптать и проголосовать против. Может, на выборы даже удастся протиснуться приличному человеку. Наблюдатели установят видеокamеры, все проконтролируют и отсекут вбросы. Но кто проверит, что будет дальше? Кто помешает Центризбиркому вбить в компьютер ту цифру, которая ему нравится? А все эти урны с их смешным содержимым тупо сжечь на городской свалке? Кто может помешать этому? Правозащитники? Так они все агенты половцев. Независимые СМИ? Они обслуживают печенегов. Да и как они могут помешать? Никак.

О злодеяниях власти можно рассказывать в независимых СМИ. Точно. У нас же еще осталось несколько относительно свободных изданий, и Конституцией, слава богу, «запрещена цензура». Это прекрасно. Мы можем высказывать свое мнение, излагать свою позицию, но не должны призывать к расовой и национальной ненависти. Это тоже правильно. И еще нельзя призывать к насильственному свержению конституционного строя. И это, вроде, разумно. Мы же не хотим как в Париже. В смысле, Робеспьер, гильотины, тысячи отрезанных голов, мостовые залитые кровью. Или мы хотим, как у нас в 1917-м? Чтобы Реввоенсоветы, расстрелы без суда и следствия, Гражданская война, голодомор и сталинские репрессии? Ведь нет же? Нет. И еще не надо использовать язык вражды, оскорблять чувства верующих (они очень ранимы), порочить представителей власти (они тоже очень ранимы) и призывать к отторжению наших земель. А в остальном никакой цензуры. И все строго в рамках Конституции.

Что еще? «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека». Классно. Но «осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц». А как иначе? Иначе мы переграбим и перестреляем друг друга. «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Но не должны мешать проезду общественного транспорта и проведению других митингов и просто движению пешеходов — ведь они и есть те самые «другие лица». А в Конституции сказано, что права одних не должны ущемлять права других.

«Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Это волшебно и сказочно. Но вы докажите, что вас подвергали этим самым пыткам. Нельзя же обвинять людей без доказательств. Может, у жертвы насилия есть свидетели или видеозапись? Нету? Жаль. А, вот, весь полицейский отдел и все сотрудники колонии, как один, под присягой подтвердят, что пыток не было. А с жалобщиком потом проведут просветительскую беседу. И вновь без насилия.

«Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Очень правильная статья. Но если идет следствие? Если человек под подозрением? Если он насильник, растлитель, убийца и педофил? Если подозревается в экстремизме, терроризме или сепаратизме? А вдруг он казнокрад или шпион? Тогда действует оговорка: «Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». И кто может помешать игрушечному следователю получить такое разрешение у игрушечного судьи?

И наконец, президент не может занимать свою должность более двух четырехлетних сроков подряд. Совершенно необходимая статья. Во всех

демократических странах примерно так же. Один срок, потом, если переизберут, второй, и не больше. Не больше двух подряд. Но, значит, после перерыва можно опять? Выходит, что можно. А можно внести поправку об увеличении президентского срока? О, да. Поправки вносить не возбраняется. А можно, наконец, убрать это дурацкое слово «подряд», из-за которого произошел весь этот казус? Конечно, можно. Ведь тогда мы станем еще демократичнее, и никто уже не сможет царствовать больше двух сроков... Но вот же незадача, это же теперь как бы другая статья. Та была со словом «подряд», а эта без него. Значит, по новой статье наш президент не избирался еще ни разу? И тут президент обращается с вопросом к судьям Конституционного суда, и, кто бы мог подумать, судьи не возражают. И ни один человек в нашей демократической стране с республиканской формой правления даже не мог представить, что могло быть иначе.

В силу всего сказанного я совершенно не понимаю, зачем нужны поправки к нашей Конституции. Ведь дело не в том, что в ней написано, а в том, как ее читать. Ну а президента мы бы «переизбрали» без всякого «обнуления». Просто по «просьбам трудящихся». Ведь главная ценность нашего государства — это люди. Так написано в Конституции. Вот ради них его бы и переизбрали... Хотя нет. Там написано, что главная ценность государства не люди, а человек. Один человек. И имя его не указано. Так что дело за судьями Конституционного суда. А за ними дело не станет.

Эссе о конституции

*Дмитрий Москвин,
научный руководитель Лаборатории индустриальности
по изучению и культурному программированию объектов
индустриального наследия Урала, г. Екатеринбург*



Прежде чем перейти к содержательным тезисам эссе, я хотел бы прояснить контекст его написания. Конституции как предмет изучения были частью моего среднего (в правовом лицее) и высшего (на факультете политологии) образования. В обоих случаях, как мне стало понятно позднее, способ рассуждения на тему создания конституций и их смысла восходит к школе одного из авторов российской Конституции 1993 года — профессора, членкора РАН Сергея Сергеевича Алексева. Он оставил огромный след в уральской юриспруденции, ему, единственному из юристов в регионе, посвятили после смерти отдельный музей «Восхождение к праву». В нулевых годах он неоднократно писал тексты об исходных предпосылках и принципиальном значении новой российской Конституции. В частности, в 2009 году он написал небольшую работу «У истоков Конституции России», где сформулировал ценные комментарии к созданию текста Основного за-

кона. В любом случае «школа Алексеева» и его очень простой и понятный, без политических подтекстов, подход является частью моего мировоззрения, и пока не было веских аргументов, почему следует отказаться от этого варианта видения правовой системы.

Когда в январе 2020 года были инициированы поправки к Конституции РФ, я решил воздержаться от комментирования происходящего и не участвовать в публичных дискуссиях по этому вопросу. Я это называю гигиеной, поскольку одна из задач правящей группировки — сделать всех сопричастными тем грязным решениям и действиям, которые они предпринимают. Для внесения поправок была собрана толпа людей, никогда не занимавшихся правовыми вопросами и даже, возможно, не читавших текст конституции страны. Быть соучастником хора выкриков тогда и комментатором всего этого сейчас я не считаю для себя возможным. В этой связи сознательно воздерживаюсь от анализа предложенных поправок. Скажу прямо: они мне не интересны, поскольку не имеют ничего общего с правовой культурой и культурой создания текстов конституций. Проводя регулярные опросы в своем телеграм-канале, я зафиксировал, что и моим подписчикам — людям 20–45 лет, с высшим образованием и активной жизненной позицией — тема поправок и «обнуления» не казалась по-настоящему значимой, а с началом карантинных мер и вовсе ушла на периферию. Конечно, хотелось бы послушать их объяснения, но предположу, что в основе лежит отнюдь не привычка к правовому нигилизму, а установка: насколько легко эти «поправки» были навязаны нам, настолько же просто их можно будет в скором будущем обнулить. Никакого реального отношения к конституции как сложно организованному и функционирующему организму эти «наросты» не имеют.

Итак, первый тезис, который мне кажется принципиальным при размышлениях о Конституции России — это интенция, которую неоднократно цитирует С.С. Алексеев — «конституция Человека». Это означает, что «человек — с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами — возвысился над властью и стал центром государственно-правовой жизни страны». Это то ценностное содержание и та долгосрочная перспектива, которые заложены в текст 1993 года и толком ни разу не стали предметом большого политического разговора. Им предшествовала длительная работа, опирающаяся как минимум на три столетия попыток создать единое Уложение традиций, норм и принципов управления страной. И если ранее все эти попытки исходили из логики удержания власти и ее организации таким образом, чтобы она не была утрачена, то в 1989–1993 годах в основу были положены принципиально другие мотивы — «человек как мера всех вещей».

Речь не о гуманистических идеалах или декларации о намерениях. Конституция задает долгосрочную перспективу, поскольку ее миссия не столько зафиксировать статус-кво (как это решили нынешние обитатели Кремля), а задать планку развития страны даже не на десятилетия, а на

столетия вперед. Стать выраженной мечтой. Благодаря этому, как сказала Галина Старовойтова, конституция обрела сюжет. Редкий случай в конституционной культуре, надо полагать.

Тезис второй. Необходимо провести ревизию концептуального замысла и причин политической манипуляции ролью и местом президента в конституционном устройстве страны. Мне лично очень нравится объяснение авторов Конституции, что президент — это глава государства, он не возглавляет никакую из ветвей власти, выступая гарантом их сотрудничества и работы для достижения общего блага. Он не царь, не глава правительства, он тот, кто смотрит на принимаемые в стране решения и сверяет их с буквой и духом конституции. Он гарантирует права и свободы граждан, в том числе достоинство Человека. То есть никакой сакрализацией и тем более всевластием он не наделен. Это всеросло за время политического применения правовых норм при слабом сопротивлении того самого Человека, до конца себя не осознавшего ни как правообладателя, ни как источник власти, ни как главный смысл жизнедеятельности страны.

Возвращение президента не в систему разделения властей, а в роль арбитра и гаранта — большая важная перспектива на ближайшее будущее. Она выглядит необратимой именно из-за того, что есть правовая основа и извращающая право политическая практика. Если конституция и нуждается в изменениях, то, скорее всего, именно в этой части — превращении президента из «хозяина земли русской» в «главу государства». Впрочем, пока остается ощущение, что для этого понадобится не политический делец, а нравственно крепкая фигура по аналогии с Вацлавом Гавелом.

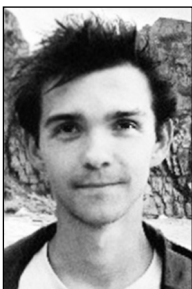
Тезис третий. Я бы назвал его «пересборка страны». Россия провозглашена федерацией, но в основу положен формальный признак выделения субъектов — сложившиеся к 1993 году границы между регионами. И в перспективе речь пойдет не столько об укрупнении этих регионов, хотя это выглядит целесообразным. Речь об основаниях выделения субъектов Федерации. И они в нашем случае туманны, а разговор о них превращается в политический риск, который есть одновременно и политическая возможность, — о возможности обособления, автономизации ряда территорий. Моя принципиальная позиция: Москва не имеет морального и политического права участвовать в обсуждении будущего устройства страны в качестве лидера и центра, она есть один из многих участников. Москвоцентризм, превращающийся в империализм и колониальные практики, — то, что следует серьезно переосмыслить. Он никак не вытекает из текста Конституции. Там нет оснований для главенства Москвы и выплаты «дани» в виде налогов и перераспределения бюджета в пользу одного-единственного субъекта страны.

Есть регионы, где осмысление своей инаковости и права на широкие управленческие полномочия происходит даже в условиях репрессив-

ного законодательства. Многочисленные этносы России благодаря Конституции сумели в рамках правового поля создать условия для развития собственных идентичностей, обращения к исторической памяти, языку, символам и верованиям. Это важный результат последних 30 лет, с которым предстоит жить и работать дальше.

Но «пересборка» — это не только про федерализм, это еще и более внимательное отношение к институту муниципальной власти. В условиях, когда большинство россиян живут в городах и урбанизация (даже несмотря на коронакризис) кажется необратимой, роль местного самоуправления приобретает краеугольный характер во всей системе управления. Мы даже не подступили к дискуссиям о роли крупных региональных центров (Нижний Новгород, Екатеринбург, Тюмень, Красноярск, Новосибирск), их превращении в города-регионы, стягивающие на себя колоссальное количество финансовых, логистических, миграционных, культурных и прочих потоков. Я давно уже шучу, что нет никакой Свердловской области, а есть два города-региона (Екатеринбург и Нижний Тагил) и притягиваемые ими муниципалитеты-спутники, а то, чем управляет губернатор — примерно 9/10 области, — обыкновенная тайга и горы. Губернаторы тайги, тундры, степей и равнин — пора по-настоящему приглядеться к реальному устройству страны и, возможно, начать формировать собственную, уникальную, не скопированную модель территориального устройства.

Полагаю, что Конституция 1993 года жизнеспособна и жизнеутверждающа в своей основе. Сложный и интересный документ, завершающий логику большой русской революции. Другой вопрос, есть ли в реалиях современной России тот субъект, который будет готов исполнить ее? Поверить ей и в нее. Воспринять не как «книжку», но как декларацию предшествующих поколений и выраженную в словах мечту. Геннадий Бурбулис, помнится, предлагал читать текст конституции как молитву. По крайней мере сейчас это выглядит убедительнее попыток втиснуть в нее чуждые, глупые и лишённые правовой грамотности «поправки».



Конституционализм в беспокойные времена

*Александр Малахов,
сооснователь издания «Эрос и Космос»,
аспирант Тихоокеанского государственного университета,
г. Хабаровск*

Я хочу поделиться несколькими соображениями, касающимися задач, стоящих сегодня перед защитниками конституционализма во всем мире. Последняя оговорка имеет первостепенное значение — я убежден, что, обсуждая вопросы публичной политики и социальной

жизни, абсолютно необходимо использовать широкую, глобальную перспективу. К тому же в текущих российских условиях, когда возможность гражданского общества, как, впрочем, и отечественных конституционалистов, повлиять на конституционный процесс минимальна, можно позволить себе роскошь мыслить «из будущего», разрабатывая решения и фокусируясь на вопросах, которые будут определять мировую повестку в следующие десятилетия.

Первая и очевидная задача — форсирование перехода от логики национальных государств к транснациональным конституционным проектам. Наряду с существенной социальной и культурной трансформацией обществ, это потребует *реформирования имеющихся и создания новых глобальных институтов*¹ и соответствующей правовой базы. Хотя работающая планетарная конституция остается отдаленной перспективой, особенно на фоне периодических отскоков в глобализации, движение в ее направлении выглядит неизбежным и совершенно необходимым.

До тех пор, как показал австрийский конституционалист Александр Зомек, космополитический режим конституционализма может быть реализован в рамках национальных государств².

Вторая задача связана с преодолением антропоцентризма и осмыслением правового режима «сообщества Земли» (если использовать терминологию Римского клуба), в котором бы признавалась внутренняя ценность и достоинство «нечеловеческих животных» (*non-human animal*). К настоящему времени появилось множество блестящих работ, посвященных правам животных, межвидовой солидарности и нечеловеческой субъектности, а благодаря «зеленым» партиям отголоски этих идей вошли в область конвенциональных политических дебатов. Тем не менее пока можно говорить только о первых шагах в области правового осмысления новой ситуации³. Нетрудно заметить, что, как и в первом случае, здесь речь идет о расширяющихся кругах — коллективной человеческой способности распознавать, пусть и в ходе длительного, нелинейного и драматического процесса, в незнакомцах и чужаках своих близких. Другой становится мной, они становятся мы.

Третья задача касается ответа на климатический кризис. Дело даже не в том, что он представляет, вероятно, самый серьезный вызов существованию человеческой цивилизации за тысячу лет; в перспективе глобального конституционализма на первый план выходит его всеобщность. Климатический кризис — это гиперобъект (в терминологии Тимати Мортон⁴), для него не существует изолированных пространств и тем более не важны государственные границы.

Действия в любой точке мира сказываются на изменениях климата по всей планете и касаются каждого. Опираясь на принцип субсидиарности⁵, я бы заметил, что единственный уровень, на котором возможно

адекватно работать с проблемой климатических изменений, это уровень планеты как целого. Учитывая, что необходимые действия приведут к фундаментальному преобразованию человеческого общества — перестройке инфраструктуры, систем производства, экономики, социальных практик, — заключение отдельных международных договоров выглядит недостаточным; в сущности, климатическая чрезвычайная ситуация — один из главных факторов, взывающих к принятию политики космополитизма и выработке планетарной конституции не просто в качестве эталона или ориентира, но в строгом техническом смысле слова (собственно, и раскрытым в лекциях Мигеля Бельтрана).

В качестве отдельной, четвертой группы задач я бы выделил реагирование на возникающие технологии, как уже известные (как генная инженерия), так и прогнозируемые (как сильный искусственный интеллект). Сегодня человечество сталкивается с появлением кластера многообещающих технологий, способных при этом дать абсолютное преимущество стороне, получившей эксклюзивный контроль над ними, и нанести неприемлемый ущерб в случае их злонамеренного использования. Ник Бостром, президент Института будущего человечества в составе Оксфордского университета, говорит в связи с этим о «уязвимом мире» и необходимости создания глобальной системы наблюдения и контроля⁶, что кажется обоснованным с позиций рационального анализа и утилитаризма, но должно вызывать беспокойство ввиду определенной доли дистопичности в его предложениях. Кажется, что единственный способ «приручить» возникающие технологии, используя их во благо, и при этом не пожертвовать свободой — это прийти к какой-то форме глобальной демократии⁷ и эффективно функционирующему глобальному гражданскому обществу. Особый случай, пока носящий футуристический характер, но активно обсуждаемый исследователями, работающими на фронтире, связан с высокой вероятностью создания в среднесрочной перспективе альтернативных форм сознания, не уступающих человеческому, — в форме либо искусственного интеллекта, либо новых биологических видов; попытки понять их статус, права и перспективы интеграции в человеческое сообщество возвращают нас к проблематике нечеловеческой субъектности (которую я упомянул выше в качестве второй задачи, требующей осмысления).

И климатический кризис, и вызов новых технологий являются проблемами беспрецедентного масштаба, но если, отталкиваясь от них, взглянуть еще более широко, можно увидеть следующую, пятую проблематику, связанную с наличием экзистенциальных рисков — событий и процессов, способных нанести фатальный урон человечеству и всей жизни на планете. Фундаментальной задачей человеческой цивилизации является сохранение себя от полного уничтожения и обеспечение долгосрочного выживания человечества, а эту задачу можно решить, только если человечество осознает свою общность⁸. Мы, как писал

Ричард Бакминстер Фуллер, пассажиры космического корабля «Земля». Планетарная конституция — это искомое им руководство по эксплуатации нашего космического корабля. В ее отсутствие мы обречены лететь без карты, маршрута и надежды на счастливый финал. Все вышесказанное, однако, не затрагивает главного вопроса, обсуждение которого выходит за рамки данного очерка: поиск основания. В мире, где столь много сил, от радикальных конструктивистов до не менее радикальных дарвинистов, пытаются убедить человека в том, что он, со всеми его чаяниями, лишь эпифеномен (от греч. *epi* — при и *phenomenon* — являющееся) — побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния. Э. иногда считается сознание...) — ожившая иллюзия, выдающая свои страхи и инстинкты за нравственные суждения, когда становится все сложнее говорить о смыслах, добродетелях и достоинстве. Суметь найти место для них в расколдованном мире деконструкции, эгоистичных генов и больших данных — таков самой большой вызов сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Детальное обсуждение таких возможностей, в частности сценария реформирования и усиления ООН, см.: *Lopez-Claros A., Dahl A.L., Groff M.* Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. Cambridge University Press, 2020.
- 2 *Somek A.* The Cosmopolitan Constitution. Oxford University Press, 2014.
- 3 Польский философ и теоретик права Томаш Петшиковский написал хорошее введение в проблематику «нечеловеческой личности», см.: *Pietrzykowski T.* Personhood Beyond Humanism: Animals, Chimeras, Autonomous Agents and the Law. Springer, 2018.
- 4 *Мортон Т.* Гиперобъекты: философия и экология после конца мира. Гиле Пресс, 2019. Также см.: *Latour B.* Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime. Polity, 2018.
- 5 Для обсуждения субсидиарности в контексте демократии и конституционализма см. шестую главу в книге: *Barber N.W.* The Principles of Constitutionalism. Oxford University Press, 2018.
- 6 *Bostrom N.* The Vulnerable World Hypothesis // Global Policy. 2019. V 10. No 4. P. 455–476.
- 7 Хороший обзор основных подходов к глобальному демократическому управлению содержится в работе: *Bray D., Slaughter S.* Global Democratic Theory: A Critical Introduction. Polity, 2015.
- 8 Этот аргумент рассматривает в своей новой книге оксфордский исследователь экзистенциальных рисков Тоби Орд, см.: *Ord T.* The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity. Hachette Books, 2020.



*Андрей Колесников,
российский обозреватель,
журналист, политолог*

Единственный европеец

Так случилось, что, отметив 15 сентября 1990 года свое 60-летие, спустя короткое время, 25 ноября, Мераб Мамардашвили, отправлявшийся из Москвы в Тбилиси, умер в накопителе Внуково. Поэтому 90 лет со дня его рождения — это еще и 30 лет кончины. Ровно те три десятка лет, в течение которых сначала быстро развалился СССР, потом начались реформы и транзит к капитализму, затем — сворачивание реформ, а вместе с ними и начал демократии.

Всего этого Мамардашвили не увидел, хотя вживую скорее имел бы возможность наблюдать события в своей родной Грузии — он переехал сюда, в тбилисский квартал Ваке, еще за десять лет до смерти: домой, но еще и в поисках того, что, по его мнению, и должен был бы всегда искать философ, — «одиночества и тишины».

Записи с его лекциями, больше похожими на размышления вслух, уже давно ходили по стране, как магнитофонные ленты с песнями Александра Галича: андерграундные тексты — напетые и наговоренные, это было наполнением тогдашних интеллигентских социальных сетей.

Едва ли большая часть публики до конца понимала, о чем толкует бархатным баритоном грузинский Сократ, но те, кто вслушивался, — понимали. Притом что для советской власти непосредственной угрозы от этих философских размышлений не было, слушать Мераба (единственный философ, которого называли по имени, как античных) означало принадлежать к касте «молчаливых резистантов».

Сам Мераб категорически считал, что философ не может работать в подполье, он должен делать все открыто. (Как и оксюмороном ему казалась подпольная

культура.) Больше того, не его это дело — публично протестовать и, как говорил Мамардашвили, «носить отличительный колпак». И это притом, что его и делали невыездным, и лишали работы — все как положено.

Он просто жил несоветской жизнью в советских обстоятельствах — в своей спартанской неотапливаемой комнате с широким окном, выходящим в тбилисский двор, в окружении книг на французском и итальянском языках, в клубах табачного дыма. Человек не отсюда. Гражданин мира.

Александр Зиновьев, высмеявший советскую власть в «Зияющих высотах», зло посмеялся и над всеми своими друзьями-философами: персонаж, в котором читается Мераб, весь такой западный, в иностранных вельветовых джинсах.

А Мамардашвили таким и был и совершенно не стеснялся этого: работая в начале 1960-х в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма», в свои тридцать с небольшим он уже стал гражданином мира. И контакты его, прежде всего французские, были выражением в том числе и философской позиции. Он дружил с журналистом Пьером Бельфруа, и эта дружба отмечена фотографиями, где Мамардашвили — в пижонских белых штанах, человек оттуда. Он тесно общался с Луи Альтюссером, *enfant terrible* французского марксизма, их переписка опубликована.

Удивительно, как столь разные люди нашли друг друга, и каждый оказался окном в иной мир для другого, включая возможность почти откровенно исповедоваться. В глухие 1970-е Мераб признавался Альтюссеру: «Ты не мог бы мне написать? Знаешь, без твоих новостей все как-то меркнет. Как нет сейчас просвета и в моей жизни. Я все больше

погружаюсь в работу, в метафизические глубины, к чему меня подталкивает — отдаю себе в этом отчет — глухое отчаяние и неприятие всего вокруг, и я утратил способность выражать свои мысли и храню молчание».

Перестройка буквально вытолкнула Мамардашвили в «пророки в своем отечестве» — он уже не просто читал лекции, а выступал в буквальном смысле слова как публичный интеллектуал. Член-корреспондент АН Сергей Аверинцев — народный депутат СССР, академик Дмитрий Лихачев — народный депутат СССР. Поводырь нации — отец Александр Мень (его убили в сентябре 1990-го — вместе со смертью Мамардашвили это была интеллектуальная и моральная катастрофа). Когда такое еще могло повториться, да еще с сопутствующим ощущением окончательного пробуждения нации и необратимого движения ее к сияющим вершинам общечеловеческих ценностей, демократии и рынка?

Многочисленные беседы и лекции Мамардашвили того времени вовсе лишены праздничного энтузиазма. Скептический и одинокий ум и тогда мешал ему радоваться. Но именно в те годы он, по сути, разработал внятную концепцию избавления от морока «тысячелетней», как сказали бы сейчас, российской истории. Которую он считал страшным бременем, полагая, что тот же сталинизм — вовсе не извращение и не отклонение от исторического пути империи, а естественное его продолжение.

Напротив, скорее времена либерализации — некоторое отклонение от неизбывного кошмара, и как раз конец 1980-х дал слабый шанс закрепиться на новой невиданной траектории.

Любая мутация, говорил философ, медленно отбрасывает страну в 1937 год. Незакрепленный опыт ведет к возвращению в колею.

Но для этого, настаивал Мераб, нужны невероятные усилия: мускулатуру гражданского общества надо развивать. Свободу — практиковать, ежедневно и последовательно. Иначе ничего не получится.

Усилие — вообще одно из ключевых понятий философии Мамардашвили. Просто, чтобы остаться человеком, нужно совершать усилия. Не этому ли учил весь страшный опыт XX века?

«Человек — это прежде всего постоянное усилие стать человеком... это не естественное состояние, а состояние, которое творится непрерывно». Это цитата из его доклада в Париже в январе 1988 года на симпозиуме «О культурной идентичности Европы». Называется — «Европейская ответственность». Европа пребывает в благой иллюзии: Восточный блок избавляется от коммунизма, впереди только счастье, основанное на разделяемых всеми и привлекательных для всех европейских ценностях. А Мамардашвили предупреждает европейцев: стоит расслабиться, и человек снова окажется гол и безъязык, упадет в пучину «современного варварства». Европе нужны ежедневные усилия для того, чтобы оставаться Европой.

Что это, если не забытое предупреждение и пророчество: Мераб словно увидел западный мир второй половины 2010-х годов — растерянный, судорожно пытающийся спасти свою идентичность и мобилизоваться после долгих лет отсутствия усилий, в том числе мыслительных.

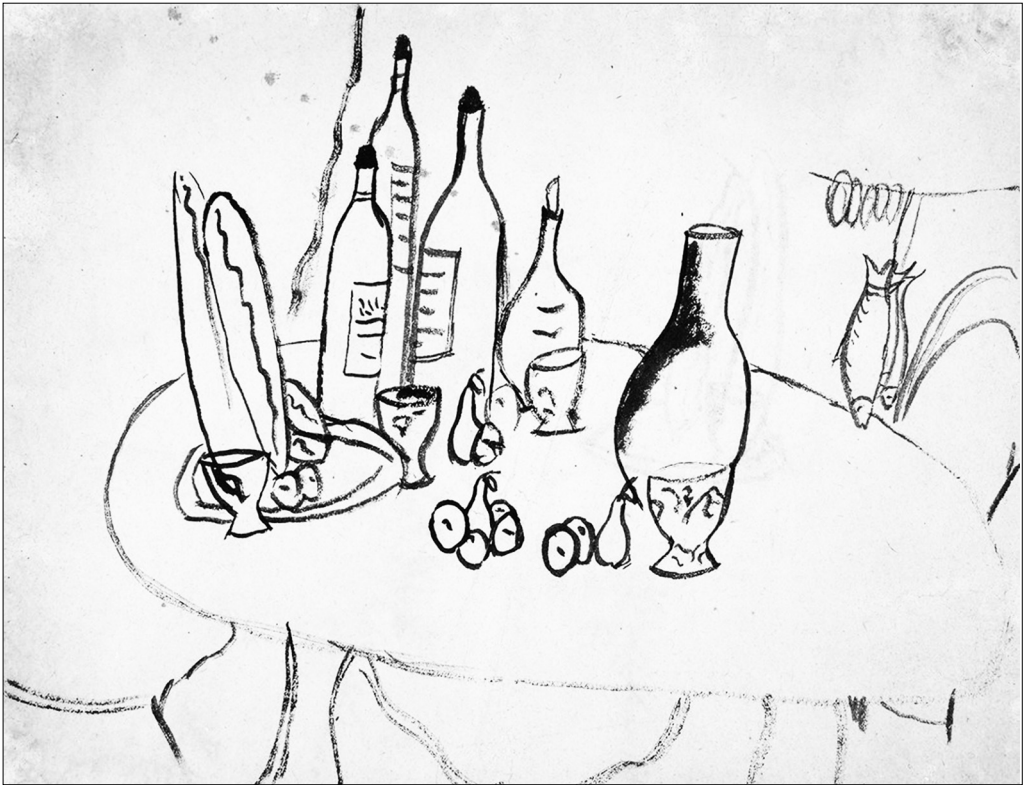
Европа стала Европой потому, что была проделана работа. Иной раз — многове-

ковая. В одном из интервью, опять же французам, он говорил: «Свобода приходит в силу того, что ее практикуют... научиться свободе можно, только осуществляя ее... Тех, кто говорит, что народ еще не созрел для демократии, я называю «просвещенными негодьями». Это сказано примерно три десятка лет тому назад. А сколько раз после этого с государственных трибун и «интеллектуальных» амвонов цедили сквозь губу: народ к демократии не готов. Вот когда будет готов, тогда и введем ее. А пока его, болезного, надо защитить от самого себя.

Людам нужно ощущение *res publica*, общего дела, того, что объединяет — снизу, не сверху, без государства. Тогда рождается гражданское общество, «общегражданская грамотность» — люди научаются говорить и быть гражданами: именно эти процессы, спустя годы преобладания точки зрения «просвещенных негодяев», происходят на наших глазах — в микрорайонах, где громоздят небоскреб и люди сопротивляются вторжению, в скверах, где с полицией и титушками возводят «храмы», в Шиесе, в Куштау, в Хабаровске.

Очень важно: «Государство, — говорил Мераб, — это проблема, а не решение». В интервью журналистам из «Молодежи Грузии» в апреле 1989-го Мераб предупреждал и снова безукоризненно точно пророчил: власть «водила людей за руку, не давала им вырасти — а вырасти можно только на риске и ответственности за свое дело. Миллионы людей будут проситься обратно «на ручки», к опеке». Не это ли мы наблюдаем последние двадцать лет?

«Демократия означает... разделение государства и общества... Государство — орган общества, не больше».

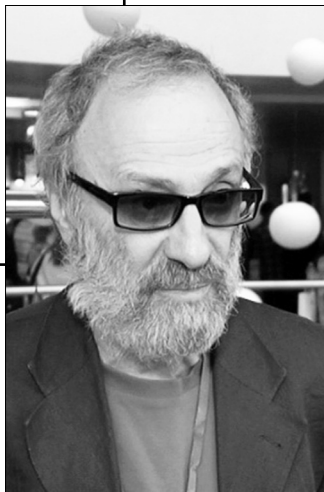


Кирилл Зданевич. Натюрморт. 1910-е–1920-е

Главная проблема страны и ее истории — проблема гражданского общества: «Суть ее состоит в расщеплении, разрыве жесткой спайки государства и общества, в развитии самостоятельного общественного элемента, который, с одной стороны, являлся бы естественной границей власти, а с другой — не подпирался бы никакими государственными гарантиями и никаким иждивенчеством». Мамардашвили никогда не хотел уехать из страны. «Здесь видна суть вещей», — объяснял он Альтюссеру. В любом месте, признавался Мераб в более поздние, снова выездные времена, он чувствовал себя как дома. И в то же время: «Почему мы должны уехать? Пусть уезжают те, кто нам мешает нормально жить». Тбилиси стал для него, возможно, отчасти местом ссылки, но ссылки желан-

ной. Будучи космополитом, он был грузином.

Ситуация конца 1980-х выталкивала его в политику, чего он совершенно не хотел, как не желал быть знаменем, как не хотел — в предыдущую эпоху — «носить отличительный колпак». Его конфликт с Гамсахурдиа был публичным. Как бы развивались события, мы так и не узнали — Мераб умер на пороге новой эпохи, риски и ловушки которой он разложил по полочкам, как и оставил «дорожную карту» для гражданского общества. Не зная Мамардашвили, гражданское общество доходит до его концепции, концепции единственного европейца в нашей сегодняшней интеллектуальной пустыне, своим умом. И своим усилием.



*Александр Согомов,
ведущий научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН*

*Лев Толстой. Забывать прошлое: художественный вымысел или историческая истина**

Кажется невероятным, но у графа Льва Николаевича Толстого (1828–1910) всегда были плохие взаимоотношения с историей. Он не любил историков, и в частности недолюбливал Соловьева. Изучение прошлого ему давалось очень тяжело. Познание мирового опыта через деятельность великих людей и смену правителей казалось ему неправомочным. Может быть, конечно, оттого что он плохо запоминал даты и события. А возможно, и потому, что хотел видеть в истории прежде всего дух и деяния народов, а здесь история на конкретные факты очень не богата. Существует даже предположение, что он бросил Казанский университет именно из-за истории, изучать которую не хотел, да и не мог. Но, как показывают многие его сочинения, он все же знал историю довольно хорошо и всегда увлекался историческими рассуждениями. И все же эта удивительная нелюбовь писателя к истории не помешала ему стать наряду с Вальтером Скоттом одним из самых знаменитых исторических романистов в мировой литературе. Есть ли у этого парадокса внятное объяснение? Возможно, и есть, но не думаю, что какое-то *одно объяснение* этого парадокса устроило бы всех биографов и исследователей творчества Толстого, да и просто читающую публику. *Непостижимость* личности Толстого и его мышления, собственно, и есть смысл самого парадокса. Толстой действительно всегда был и остается для нас большой *загадкой* — человеческой, художественной и метафизической. Без преувеличения сотни людей пытались ее разгадать. И надо заметить, что гипотез

* *Продолжение. Начало см.: Общая тетрадь. 2018. № 3–4 (75); 2019. № 1–2 (76), № 3–4 (77); 2020. № 1 (78), № 2–3 (79).*

и всяческих домыслов в отношении его приватной жизни, мировоззрения, суждений и творчества было выдвинуто немало. Мы доподлинно в деталях знаем его биографию, опубликованы все его сочинения, письма, дневниковые записи, даже краткие и мелкие заметки и наброски. Одним словом, Толстой для нас совершенно открыт, как раскрытая печатная книга, и прозрачен, как великое литературное произведение, но... Но он по-прежнему остается неразгаданной до конца и потому великой тайной отечественной интеллектуальной мысли и мировой культурной истории в целом¹.

Биография Толстого расписана чуть ли не по дням, благо он сам завещал нам свои воспоминания и дневники, которые вел хоть и с перерывами, но при этом с удивительной регулярностью — честно, бескомпромиссно и весьма дотошно. Для рассмотрения просветительского наследия Толстого я вначале постараюсь очертить его жизненный и интеллектуальный путь на манер художника-импрессиониста, то есть очень грубыми и контрастными мазками. Если Толстого нельзя познать «до конца», то составить о нем более или менее адекватное впечатление вполне реально. Не исключаю, что подобных биографических «импрессий» о Толстом может быть составлено предостаточно. Я же не претендую ни на какую оригинальность своей версии.

Нежный и чувствительный ребенок. Сложное и полное «чужих» воспитателей детство. Познал в отрочестве жизнь как форму насилия. С юных лет азартный игрок и отчаянный повеса. Авантюрист и мечтатель. Притязательный комильфо, но рано осознавший, по собственному признанию, свою «пустышность». Жаждающий первенства актер и эстет. Молодой офицер, очарованный красотой войны в Крыму и на Кавказе. Просвещенный и рациональный мыслитель, практический философ. Странник религиозной свободы и реформ, противник церковного догматизма. Большую половину своей жизни считал себя атеистом, хоть и почитал веру и бога. Решительно пришел в христианство, едва достигнув 50 лет. Пытался понять бога разумом, но потерпел фиаско. Покидает церковь, и она, не смирившись с его «еретичеством», провозглашает его «отпадание» от лона своего. Не был ни западником, ни славянофилом. Был патриотом, но особого свойства. Государство и правительства почтением не жаловал. Всегда отстаивал личное и свободное понимание всего происходящего вокруг себя. Страстный поклонник жизненной философии античных стоиков «быть наедине с самим собой». Нетипичный помещик и неэффективный хозяйственник. Многократно в течение своей долгой жизни переживал депрессию, одиночество, духовные потрясения и кризисы, нравственные преобразования и, самое главное, перемену ума. В зрелом возрасте после «духовного переворота» проклял любое насилие, агрессию и войны. Был склонен к метафизическому «побегу из жизни», в том числе и от самого себя. Практиковал самобичевание в текстах, вслух и открыто.

Высоко ценил дисциплину ума и бытового поведения. Почитатель западной моральной философии. Строптивый и упрямый человек, в любых ролях и на протяжении всей своей жизни. В аристократической среде не прижился, с русскими писателями и творческими людьми его отношения складывались крайне неровно. Угловатый человек, любитель крайностей. Сложный семьянин с невозможным характером, вечно принуждающий близких принимать его и только его образ жизни и мысли... Да-да, все это — граф Толстой.

И это был писатель с невероятной мировой популярностью и авторитетом независимого мыслителя, народного духовника, готового бросить вызов власти, церкви, да, собственно, кому сочтет нужным. Пожалуй, не было другой фигуры за всю вторую половину XIX и начало XX века, кто оказал бы столь глубокое воздействие на интеллектуально-нравственное развитие всего человечества, как Толстой. Он способствовал рождению свободы там, где ее никто не ждал и не принимал. Он менялся сам и менял обстоятельства жизни миллионов людей. Революции, альтернативные социальные движения и даже деколонизация в XX веке в значительной мере шли под ценностными лозунгами и идеями Льва Толстого. Вспомнить хотя бы его влияние на духовное формирование Махатмы Ганди и многих других «непротивленцев». И в конце концов, ведь не случайно же он — «зеркало» русской революции. Хотя, очевидно, совершенно в ином смысле, нежели тот, который навязывал нам Ленин.

Толстой на протяжении всей своей жизни постоянно менялся, причем настолько радикально, что вполне можно говорить о разных личностях с отличным мировоззрением, взглядами, стилем жизни и *разной проповедью просветительской идеи*. Единственное, что всегда оставалось в центре его художественно-философского внимания — это человек и народ. Скорее даже в обратном порядке: народ и человек. Собственная семья для него была важным жизненным проектом, но по отношению к ней он также не раз менял свою тактику и стратегию. Очень многие из его крупных и малых произведений написаны по мотивам самой значимой для него темы — семейные хроники и личные воспоминания. Именно реальные события и казусы его биографии служили фактической основой для литературных замыслов.

В первой половине XIX века чрезвычайную популярность в Европе получил исторический роман. Создателем его классической формы по праву считается Вальтер Скотт. Его сочинения высоко ценились и получили широкое хождение в России. Белинский и Герцен видели в них невероятную просветительскую мощь. Вслед за ним русский читатель познакомился с творчеством Бальзака и Дюма и приблизительно тогда же этот литературный жанр был успешно импортирован в Россию. Однако является ли роман Толстого «Война и мир» историческим и тем самым просветительским в классическом смысле понятия? Вопрос

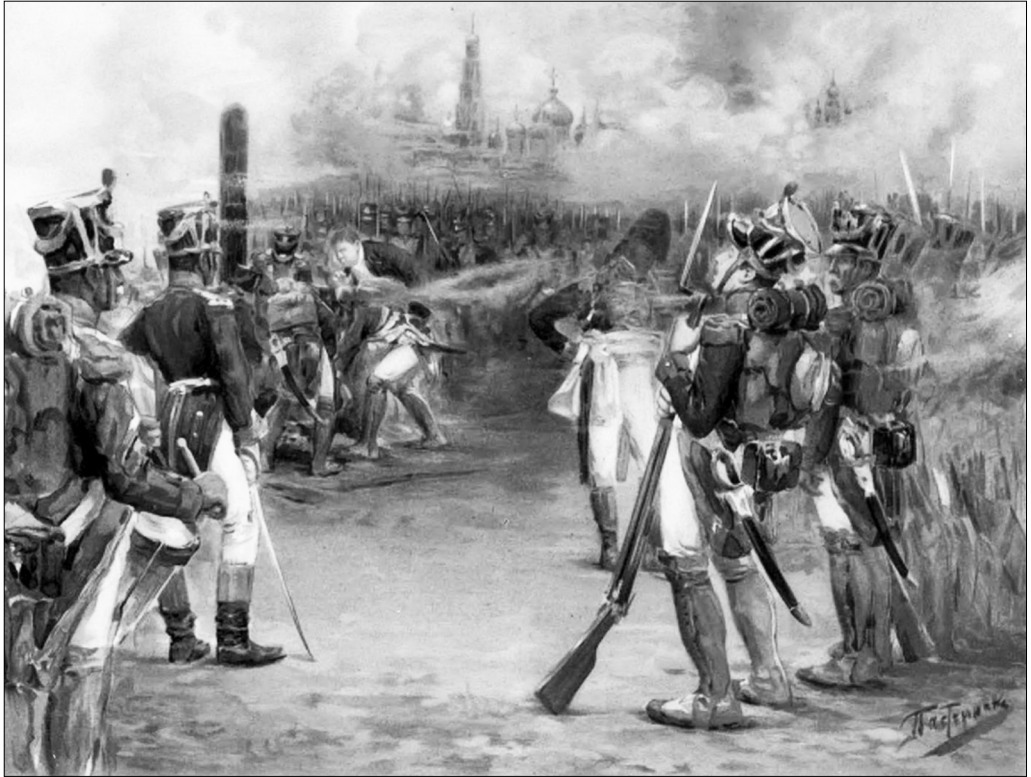
этот отнюдь не праздный, а скорее даже напротив — центральный для понимания просветительского гения Толстого.

В отечественном литературоведении мы вряд ли обнаружим серьезные сомнения по этому поводу, может за исключением совсем недавних публикаций. И связано это с тем, что роман Толстого официальной советской идеологией был признан в качестве высшего образца исторического и реалистического романа всего XIX века. Его критиковали, разумеется, с партийно-классовых позиций, но высоко чтили именно за эти достоинства. Филолог и философ-марксист Георг Лукач, в бытность вынужденного изгнания в советской России в 1930-е годы, написал довольно большое исследование «Исторический роман», в котором изложил ортодоксальный марксистский подход и дал многостраничному сочинению Толстого именно эту оценку².

Исторический роман — это эпическое произведение, в котором изображена народная жизнь в переломный момент истории, а судьбы главных действующих лиц находятся под сокрушительным воздействием общественных сил. Реальным историческим фигурам отведены в таком романе второстепенные роли, а все повествование крутится вокруг жизни неизвестных истории персонажей, пусть и прописанных с невероятной силой реализма. В итоге сочинитель оставляет за собой право не только вершить судьбы своих вымышленных актеров, но и выносить оценку реально происходившим событиям, а кроме того, и резервировать за собой право быть выразителем нравственных уроков, вытекающих из авторского художественно-исторического повествования. В эти характеристики, как принято считать, вполне вписывается многотомная «Война и мир» Толстого.

Однако, во-первых, такое определение исторического романа не является исключительным и исчерпывающим, а, во-вторых, навязанные писателем оценки и нравственные уроки в массовом сознании быстро обретают характер устойчивого восприятия и легитимного изложения подлинной сути и опыта прошлого. То есть утрачивают исконное качество «авторской фантазии», как если бы это было зеркальным отражением подлинной истории. И тем самым люди стали проживать настоящее и видеть свою и мировую историю по шаблонам и зарисовкам именно популярных исторических романов, а в XX веке вдобавок еще и по телевизионным и кинокартинкам. Так, смыслы и последствия Отечественной войны 1812 года были переданы потомкам, а значит, и реинтерпретированы, именно Толстым, а не кем-то из великих историков, пусть даже и столь одаренных и самобытных, как Е.В. Тарле.

В результате в России во второй половине XIX века, я уже не говорю про весь советский период, гражданские уроки, извлекаемые из опыта прошлого, в большей степени зависели от художественного вымысла писателей, чем от научного конструирования. Трактовки историче-



Леонид Пастернак. Расстреливание французами поджигателей в Москве.
Иллюстрация к «Войне и миру». 1893

ских романов входили в ткань политических идеологий, а идеологии, в свою очередь, соревновались друг с другом за точность и адекватность понимания уже не столько самого прошлого, сколько его художественного отражения. Так, в частности, в царствование Александра III в публичном дискурсе реально противоборствовали «народ» Толстого и «народ» Победоносцева. И поскольку «победил» последний, то и не сложно от этого мировоззренческого триумфа провести логическую стрелку к пониманию всей консервативной линии в политике государства и его гражданской культуры.

Надо заметить, что Толстой *сам прожил* начало XIX века исключительно сквозь призму своих семейных хроник, практически все герои его великого романа узнаваемы, их имена и фамилии лишь немного им искажены. Большая же их часть так или иначе позаимствована из громадного пула родственников, близких, соседей и просто знакомых. Более того, складывается впечатление, что мифологизированные в романе и весьма далекие от подлинности сюжеты «войны» и «мира» выступают лишь фоном для воссоздания образов и событий из большесемейной хроники писателя. Кого-то он успел застать в детстве и юношестве, а кого-то воссоздал по устным рассказам и чужим воспоминаниям.

В чем тогда предназначение этой псевдоисторичности и какой просветительский эффект имел весь этот художественный вымысел? Сам Толстой мотивировал свое решение написать роман уверенностью в том, что *никто другой* не выразит тот опыт прошлого через судьбы людей так, как смог бы он сам. То есть уникальный *опыт личного* был возведен им в статус *опыта универсального*. А, значит, художественный вымысел, который, кстати, он сам вымыслом не считал, создает то новое знание, которое вполне достойно конкурирует с историческими документами и даже принципом историзма. А так как работу с первоисточниками Толстой не очень любил и не жаловал, то *истиной* резонно считал *свой вымысел*, а не исторические полотна, созданные учеными.

Забыть прошлое! Вот главный просветительский лейтмотив Толстого. Но при этом не забывать людей, народный дух и подвиги. Жить следует только сегодня и здесь. А коллективную память конструировать на базе семейных и родственных впечатлений. Этот подход будет возведен им в ранг истины в высшей инстанции, противопоставив ее высушенным фактам, с трудом извлекаемым историками из документов.

Истина — в художественном вымысле! А для гражданской культуры такая истина первична и чрезвычайно значима. Вот вам и ответ на вопрос о причинах невероятной популярности Толстого в России и за рубежом. По-прежнему образ Отечественной войны, сконструированный Толстым, а не историками, принимается за «подлинник». Все потомки воображают прошлое и как бы заново проживают его, перелистывая страницы «Войны и мира». Оказаться в плену толстовских картин прошлого — комфортно и познавательно. Примечательно, что Тургенев, с которым у Толстого всегда были неровные отношения, оценил «Войну и мир» весьма характерным образом: он был очарован жизненностью, красотами, свежестью, правдивостью романа, но *никаких черт эпохи* или тем более подлинной историчности в романе не обнаружил³. Похоже, все-таки для Тургенева не «сработал» толстовский принцип «забыть прошлое».

К вдумчивому историософскому рассуждению Толстой приступает лишь в Эпilogue, как будто бы утверждая, что все предшествующее изложение дает ему для этого предостаточно материала. Или, может, потому, что роман столь многостраничный, что до Эпilogue дочитают немногие, но при этом навсегда останутся под впечатлением его искусства вымысла. Между прочим, так и произошло. Не только при жизни самого автора, но и спустя десятилетия люди помнят его талантливый вымысел, а суждения об истории остаются в поле интереса лишь очень узкого круга специалистов. Между тем именно в Эпilogue читатели сталкиваются с Толстым раннего просветительского периода. Когда писатель еще только нащупывал свое точное и правдивое «гражданское слово» и когда только начинал формировать свою аутентичную гражданскую «кладовую смыслов».

Роман был завершён вскоре после реформ 1861 года, и в Эпilogue мы считываем модно-либеральные для того времени взгляды и отчасти даже утилитаристские настроения Толстого. Во главу угла всякого исторического анализа он ставит понятие блага — для человека, людей, страны, человечества. И предлагает не выносить вердиктов историческим личностям, к примеру Александру I, поскольку кроме открытых для нашего понимания целей его деятельности существуют и недоступные нашему познанию цели, а следовательно, и историческое благо становится понятием гибким и динамично меняющимся. Полезность и вредность, прогресс и реакция суть гражданские двусмысленности, а отнюдь не неизменное мерило для идентификации «хорошего и дурного» в опыте прошлого⁴.

Но, как утверждает Толстой, «так называемая» историческая наука не располагает объективным инструментом оценивания, что и естественно, поскольку «если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, — то уничтожится возможность жизни»⁵. В ней все имеет значение! И распутать этот клубок сложностей прошлого не так-то просто. И главное в рассуждении Толстого то, что *настоящее всегда переживается именно в картине подлинной реальности прошлого*. В этом акценте — громадная заслуга Толстого как просветителя.

Но как происходит сам исторический процесс? Толстой, по сути, отвергает популярные в либеральной среде позитивистские версии о закономерностях, причинности и неизбежности, связанных в то время по большей части с идеями Соловьёва и его последователей. Толстой действительно не любил историков и посему как будто бы назло им был склонен считать, что в отношении исторического прошлого может быть корректным только одно «объяснение»: «случай сделал положение; гений воспользовался им»⁶. Для того времени это был вызов науке, но для гражданского просвещения — уникальное «откровение».

Толстой отверг академическую гипотезу о *предсказуемости прошлого с точки зрения настоящего*, правда он и не видел необходимости рассматривать его исключительно сквозь призму этих двух понятий (случай и гений), которые, как он сам пишет, — весьма неясного содержания. «Забывать прошлое» в данном случае означает первым долгом отказаться от поиска в истории банальной ясности и наивной логичности, как, впрочем, и не видеть в истории лишь торжество хаоса над упорядоченностью.

Что позволило Наполеону стать тем, кем он стал — гением величия и славы? «Случайность, миллионы случайностей», — таков ответ Толстого на этот принципиальный для общественно-просветительской мысли вопрос. Случайности приводят его на самые вершины славы, случайности же и ниспровергают его оттуда. И тем не менее

Толстой мощью своего художественного таланта пытается на века закрепить в сознании людей тезис о том, что Наполеон — не более чем «разбойник вне закона», действия его «жалки и гадки». И хотя его историческая роль громадна, сам же Наполеон после разгрома на востоке уже «не имеет больше смысла»⁷. Точка! Может, это и беспочвенное утверждение Толстого, но уж очень громкое, резкое и беспощадное.

Но не все великие актеры прошлого таковы. Толстой пожелал, а его неправоммерно обвинять в излишней лояльности к императорам, чтобы образ Александра запечатлелся в сознании россиян совершенно иным — справедливым, соучастным, руководимым великой миссией и общими целями, а не мелочными интересами, и к тому же — высоконравственным «умиротворителем» Европы, целеустремленным человеком, хотя и его судьба тоже складывалась под влиянием множества случайностей. Толстой особо подчеркивает бездействие императора, когда шла народная война, и его активное лидерство во имя соединения европейских народов с самого начала войны европейской. Сколько научной истины в этом противопоставлении, пусть спорят ученые, потомкам важен этот патриотический водораздел, дабы не ослепнуть от ложной славы правителей, но и гражданский мотив, извлекаемый из *понимания сути общего*, солидарного, устремленного к благу людей исторического действия.

Великий писатель напряженно ищет смыслы, находит оптимальные способы для их художественного отражения и, безусловно, куда эффективнее всех историков, вместе взятых, формирует массовый просветительский «продукт» — отточенные исторические картины, обрамленные в адекватную нравственную рамку. Всякие возражения здесь тщетны, с такой гражданской «памятью» не полемизируют. Гражданский урок извлечен современниками и всеми последующими поколениями читателей. Хоть и навязан он Человеком, а истинность его — в *личностной правде* самого Толстого. И если вы не следуете принципу «забыть прошлое», вы никогда не извлечете из него никакие нравственные уроки. Таково просветительское предупреждение Толстого.

Но есть ли разумное объяснение в отстаивании такой истины, где грань между реальностью и вымыслом стерта? Толстой легко решает эту проблему для себя и своих читателей. Он отвергает сам метод редуцирования прошлого. «Предмет истории есть жизнь народов и человечества. *Непосредственно уловить и обнять словом* — описать жизнь не только человечества, но одного народа, представляется *невозможным*»⁸ (курсив мой. — А.С.). В этом смысле толстовский принцип «забыть прошлое» не есть отказ от исторической памяти, а скорее запрет на традиционный метод познания прошлого через исследование деятельности единичных людей, правящих народом.

Ни божественные силы, ни воля правителей не имеют отношения к подлинной истории, претендующей тем более на извлечение из опыта прошлого позитивных гражданских смыслов. Именно этого Толстой и не видит в современной ему исторической науке. Отказ от учета божественного начала — фиктивен, ибо на смену древнему фатуму пришло новое допущение: «1) народы руководятся единичными людьми и 2) что существует известная цель, к которой движутся народы и человечество»⁹. Но такая подмена никак не способствует нашему пониманию того, что в действительности движет народами, убежден Толстой. Современные попытки такого познания прошлого ведут скорее к созданию «карикатур» на историю, а не к открытию ее подлинных значений и пониманию ее «силы». Поскольку «...тот, кто прочтет очень много исторических сочинений, невольно усомнится в том, чтобы новая сила эта, различно понимаемая самими историками, была всем совершенно известна»¹⁰.

В заключительной части Эпилога Толстой с присущей ему дотошностью и педантичностью пытается найти ответ на вопрос именно о движущих силах в истории. Задача его проста: убедить читателя в том, что историческая наука по разным причинам не видит, а точнее, даже не способна распознать смыслы исторического процесса с помощью традиционной академической оптики. Либо исторический процесс отождествляется с деятельностью правителей, либо интерпретируется сквозь призму господствующих или противоборствующих в обществе идей, либо еще проще — как многофакторный хаос. А между тем Толстой, по сути, впервые в отечественной социально-философской мысли предельно последовательно формулирует базовую гражданскую проблему — власть в ее отношении к праву и народу. Разными способами реализованную в мировом историческом развитии.

Всякое понимание гражданских смыслов начинается с того, как эта проблема разрешается разумом и претворяется в социальном действии. Толстой формулирует три мыслительные альтернативы, каждая из которых прямым образом влияет на концепцию и практикуемую в обществе модель гражданского просвещения. Три альтернативы логически вытекают из трех возможных допущений: «Или 1) признать, что воля масс всегда безусловно передается тому или тем правителям, которых они избрали, и что поэтому всякое возникновение новой власти, всякая борьба против раз преданной власти должна быть рассматриваема как нарушение настоящей власти. Или 2) признать, что воля масс переносится на правителей условно под определенными и известными условиями и показать, что все стеснения, столкновения и даже уничтожения власти происходят от несоблюдения правителями тех условий, под которыми им передана власть. Или 3) признать, что воля масс переносится на многих властителей, но под условиями неизвестными, неопределенными, и что возникновение многих властей, борьба их и па-

дение происходят только от большего или меньшего исполнения правителями тех неизвестных условий, на которых переносятся воли масс с одних лиц на другие»¹¹.

Ни одно из этих допущений Толстой не признает достаточным для понимания исторического процесса как преломленной во власти воли народных (то есть гражданских) масс. Впрочем, еще более критичен он в отношении, как он сам формулирует, общих отвлечений, «под которые возможно подвести наибольшее число событий... что в этом отвлечении состоит цель движения человечества»¹². Что же это за отвлечения такие? Все просто, это — универсалии западной цивилизации. Свобода, равенство, просвещение, прогресс, культура. И Толстой не оставляет нам никакого сомнения в том, что само он не считает никоим образом доказанным, что

История анализирует не самую природу воли человека, а рассматривает представления о ее проявлениях в прошедших и в известных условиях. И посему она выступает наукой «опытной» в противоположность ко всем остальным «наукам умозрительным». Она есть средоточие и выражение человеческого опыта — опыта познания свободы и необходимости

цель человечества состояла бы в свободе, равенстве, просвещении и т.д. Напротив, опыт прошлого как раз доказывает прямо противоположное. Следовательно, полагает Толстой, все существующие попытки историков объяснить исторический процесс будут касаться жизни и деятельности правителей или авторов отвлеченных идей, и ничто из этого не станет подлинной историей «жизни народов».

Явствует ли из этого рассуждения Толстого, что во время написания «Войны и мира» он уже отвергает ценности и идеи западного Просвещения? Думаю, что все-таки еще нет, но для него это было временем напряженного внутреннего поиска. Толстой тогда не был столь критичным ко всему современному, каким он стал к концу XIX столетия. Но в его мыслях и текстах мы все отчетливее прочитываем не только откровенный антиакадемизм, но и все усиливающийся критический настрой по отношению к власти и цивилизации в целом. Объяснение этому предлагает нам сам писатель: «Присутствие хотя не высказанного вопроса о свободе воли человека чувствуется на каждом шагу истории. Все серьезно мыслявшие историки невольно приходили к этому вопросу. Все противоречия, неясности истории, тот ложный путь, по которому идет эта наука, основаны только на неразрешенности этого вопроса»¹³. И, противореча самому себе, Толстой продолжает мыслить о свободе уже не как об отвлеченном понятии, а как о вполне осязаемом и открытом разуму историческом феномене: «...все стрем-

ления людей, все побуждения к жизни суть только стремления к увеличению свободы... представить себе человека, не имеющего свободы, нельзя иначе, как лишенным жизни»¹⁴.

Впрочем, свобода не есть вопрос разума, полагал Толстой, а толпы непросвещенных людей принимают за свободу лишь какие-то отдельные проявления жизни, забывая в том числе и о «законе необходимости». И если разрешение извечного противоречия между свободой и необходимостью не удастся наукам, то у истории имеется одно важное преимущество: она анализирует не самую природу воли человека, а рассматривает представления о ее проявлениях в прошедших и в известных условиях. И посему, утверждает Толстой, она выступает наукой «опытной» в противоположность ко всем остальным «наукам умозрительным»¹⁵. У нее нет в сравнении с богословием и этикой неразрешимых тайн, она обладает знанием об этих противоречиях, которые уже некогда разрешились. И в этом главный, согласно Толстому, *просветительский потенциал* истории: она и есть сосредоточие и выражение человеческого опыта — *опыта познания свободы и необходимости*. Ведь «то, что известно нам, мы называем законами необходимости; то, что неизвестно, — свободой. Свобода для истории есть только выражение неизвестного остатка от того, что мы знаем о законах жизни человека»¹⁶.

«Забывать прошлое» вовсе не предполагает отказа от знания прошлого. Забыть следует лишь то прошлое, которое произведено ложной наукой и является заблуждением. Нет объективных законов в истории человеческой, все прошлые события суть произведения свободной воли человека. Условия жизни людей могут быть разными, и воля людей не есть причина исторических процессов и явлений. Забыть следует ту историю, которая продолжает изучать прошлое по старинке, в соответствии с логикой позитивистских законов. Но в борьбе новых взглядов и старой науки теряется истина: «...стоит только признать закон необходимости, и разрушается понятие о душе, о добре и зле и все воздвигнутые на этом понятии государственные и церковные учреждения»¹⁷.

Толстой еще далек от мысли отвергнуть их, но видит пагубную двусмысленность в отношениях свободы и необходимости, проявленной в функционировании этих институтов. И все же он интеллектуально движется в сторону признания примата необходимости, поскольку самым фундаментальным образом верит в то, что, допустив «нашу свободу, мы неизбежно приходим к бессмыслице».

Неужели логический круг толстовской философии истории замкнулся и привел писателя в тупик? Отчасти да. Но мне кажется, что он и сам это понимал, завершая свой титанический труд над «Войной и миром». Ему нужно было вновь протестировать свой художественный метод. И Толстой решает написать нечто конкретно историческое. Ну и, разумеется, как все его предшественники, обращает свой пытливый ум

к эпохе и личности Петра I. Но при этом кардинальным образом порывает со всей предшествующей отечественной традицией дискурса петровских перемен и познания российского опыта прошлого через историчность Петра.

Великий писатель по-разному относился к просвещению, на протяжении жизни менял свои взгляды и установки к нему. Он сам, безусловно, дитя европейского Просвещения, но с грустью наблюдавший, насколько поляризовалось российское общество в результате Петровских реформ, и прежде всего в социальном и культурном смыслах. Но что послужило причиной этому? Была ли иная историческая альтернатива? И какова подлинная роль царя-реформатора во всем этом процессе?

Очевидно, обращение Толстого к Петровской эпохе было не случайным. Европеизация отечества не виделась ему однозначным и тем более позитивно завершенным историческим проектом. Во что мог бы вылиться этот новый замысел писателя, можно только гадать. Вероятнее всего, он задумывал новый роман по образцу «Войны и мира», то есть через реконструкцию эпохи средствами художественного вымысла и личностной истины. Хотя, возможно, и с большей опорой на исторические документы. Проект не удался, Толстой бросает работу. И как будто бы навсегда отворачивается от истории. Неужели он просто не смог вообразить самого себя в эпоху Петра Великого, и поэтому выработанная ранее великим романистом модель историко-художественного вымысла обернулась против него же самого? Скорее всего, но только отчасти. Принцип «забыть прошлое» мешал ему завершить любой историко-художественный замысел.

Толстой не единожды приступал к написанию исторических сочинений, но довел до конца только один художественный проект, сделавший его мировой литературной знаменитостью¹⁸. До «Войны и мира» он приступал к написанию романа «Декабристы», задумывал жизнеописание Павла I, историю изгнания Меньшикова. А в 1870 году мечтал о написании драматического произведения из времени Петра Великого. Из этого ничего не вышло, несмотря на глубокое изучение им театрального наследия Шекспира и Гете. Писатель вновь возвращается к жанру романа. Пик работы приходится на 1872 год, он настолько был увлечен этой работой и уделял этому так много времени, что у его близких сложилось впечатление, что вот-вот из-под его пера выйдет новая поэма в прозе о Петре Великом. Среди множества книг, которые он тщательно изучает, есть избранные тома «Истории» и «Публичные лекции о Петре» С.М. Соловьева. Но Толстой ищет свой взгляд в прошлое.

Судя по письмам, ему страстно хочется начать писать, но он не может. Толстой намеревался не столько сконцентрироваться на личности царя, сколько описать его окружение, отразить само время, вникнуть и пере-



Илья Репин. Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных. 1888.

дать смысл главного спора эпохи об общественных укладах России. Не случайно по изначальному замыслу роман должен был быть назван «Старое и новое». Но, пожалуй, самое главное: Толстой не желал ни идеализировать царя, ни тем более умалчивать об «оборотной стороне» его характера и деятельности. Это намерение вполне укладывалось в обновленную Толстым версию просвещения через историю. Писателю между тем уже шел пятый десяток.

По множеству сохранившихся отрывков можно предположить, что Толстой больше тяготел к жанру подлинно исторического романа, писатель дистанцировался от событий и персонажей, старался по максимуму следовать первоисточникам, прежде всего в языке и бытовых за-

рисовках отдаленного от него времени. И видимо, это и погубило весь замысел. Толстой не распознал себя в той эпохе, не смог вообразить и представить опыт прошлого как свой личный. Потерял интерес к «чужой» правде. Не видел резона домысливать за своих будущих героев, они были для него страшно далекими в сравнении с героями «Войны и мира» и «Анны Карениной». Толстой уступил ужасающей силе своего же принципа «забыть историю».

Но самый главный конфликт назревал в нем самом как просветителе. По его личному признанию Петр I опротивел ему как личность. Гораздо позднее своему секретарю он выскажет это в полемическом запале: «По-моему, он был не то что жестокий, а просто пьяный дурак»¹⁹. Замысел был похоронен. «Забыть прошлое» на сей раз удалось буквально, на все 100%.

Эта многолетняя работа над временем Петра укрепила Толстого в мысли, что *история есть документирование зла и насилия*. И отношение к ней у него стало еще более отчужденным. «Забыть прошлое» переосмысливается и постепенно превращается в более сконцентрированное по мысли жизненно-просветительское кредо. Писатель уединяется в Ясной Поляне, замыкается в кругу семьи и с невероятным ускорением движется к своему «духовному перевороту», который бурно переживает на рубеже 1870–1880 годов.

Работая над Петровской эпохой, Толстой, пожалуй, впервые для себя «открыл» смысл русской истории, по крайней мере в ее самый привлекательный для писателя 100-летний период — от Петра I до Николая I. Время Петра нуждалось в новом просветительском освещении. В письме Н.Н. Страхову (1872), признаваясь в сложностях написания романа, он уверенно пишет: «Весь узел русской жизни сидит тут»²⁰. В апреле 1873 года Толстой бросает работу над романом и никогда больше к нему не возвращается. В завершение же делает важное признание: Петр «не только не заключает в себе ничего великого, а, напротив того, все качества его были дурные. Все так называемые реформы его отнюдь не преследовали государственной пользы, а клонились к личным его выгодам»²¹. Обаяние темы было утрачено, принцип «забыть прошлое» восторжествовал метафорически и в прямом смысле.

Толстого захватывали исторические тайны и загадка эпохи Петра, но фабула не выстраивалась и, главное, он не мог найти интригующую его *просветительскую идею*. В «Анне Карениной» таковой была идея семейная, в «Войне и мире» — народная. И тогда Толстой вновь возвращается к давно заброшенному им проекту — роману о декабристах. Причем не столько о самом движении и восстании ему хотелось написать, сколько об их высылке и последующей жизни в Сибири. В нем он планировал выразить «дух» русского народа в плане, как выразился Толстой, его «силы завладевающей». Синхронизировать и свести воедино сибирскую ссылку взбунтовавшихся дворян и движение на вос-

ток крестьян-землепашцев представлялось Толстому альтернативной и ненаписанной доселе русской историей. И тут его личный опыт помещика и одновременно европеизированного аристократа был бы ему в помощь. Однако встреча ссыльных с сибирским крестьянством на страницах романа Толстого тоже не состоялась. Он забросил и эту затею.

Принцип «забыть прошлое» в конце 1870-х годов обретает строгие и четкие грани. Толстой отказывается писать что-либо художественное, основанное на подлинных событиях русской истории. Он, может, и захотел бы, если речь шла бы о народной истории, а писать про правящий класс больше уже не желал. Но ведь именно там происходили реальные события, а в опыте народной жизни исторически значимое прошлое отсутствует как таковое.

Толстой все больше укрепляется в своем *отрицании государства*. Впервые откровенно об этом он написал во время своего пребывания в Париже (1857) в письме В.П. Боткину: «...государство есть заговор не только для эксплуатации, но, главное, для развращения граждан». И тут же добавляет относительно своего практического к этому отношения: «...никогда не буду служить нигде никакому правительству»²². В этой сентенции нет никакого анархизма и тем более революционного запала. Просто принцип «забыть прошлое» неизбежно приводил великого мыслителя к неприятию тех институтов и учреждений, которые глубоко укоренены в истории; все они по природе своей — двойственные, а с нравственной точки зрения еще и неоднозначные. Это касалось государства и церкви. «Забыть» графу Толстому стало угодно не только прошлое, но и все его *грандиозное институциональное наследие*.

Уже на исходе своего жизненного пути, осенью 1905 года, Толстой в последний раз по-настоящему загорится идеей написать живое историческое сочинение. На сей раз об Александре I. Ранее он относился к нему, мягко говоря, критически и не жаловал по-человечески, хотя и выписал в «Войне и мире» его позитивный образ. И вдруг Толстой загорелся сюжетом его тайной кончины в связи с легендой о старце Федоре Кузьмиче. К тому моменту революционные события в империи достигли своего апогея, и Толстой, живо на все это реагируя, напряженно искал параллели из материалов богатой на бунты и восстания отечественной истории. И, естественно, вновь обратился к своим декабристским изысканиям.

Согласно легенде, Александр I не умер в канун восстания декабристов, а тайно скрылся и поселился старцем где-то в Сибири, назвавшись Федором Кузьмичем. Писатель признавался друзьям, что фабула удивительна и сюжет его захватил. Он вдруг заинтересовался внеисторическим явлением, пытаясь привить его к исторической почве²³. Художественную силу легенды он видел в возможности ее просвети-

тельского преломления через «факт» того, что даже царствующая персона может совершить *исход из истории*.

Судя по наброскам, он намеревался написать исторический роман, но на абсолютно не подтвержденную источниками фабулу. Толстой не видит в этом для себя проблемы и вновь демонстрирует читателям свой просветительский дар — *вымыслом утверждать истину*. Бегство императора из истории, пожалуй, был бы лучшим для Толстого примером для иллюстрации высокого смысла принципа «забыть прошлое». К тому же — примером нравственно осмысленным. Ведь отшельничество Александра может быть понято как искупление грехов за годы императорства. А такой выход из исторической реальности вполне укладывался в новую просветительскую концепцию Толстого. Однако «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» Толстой тоже не завершил. Причин для этого было немало, и, возможно, он просто не смог себя пересилить и объявить то, что никогда не существовало, истинно реальным событием. Долгий цикл «работы» с отечественной историей вновь завершился очередным творческим фиаско писателя.

В молодости Толстой, впервые испытав неудачи на литературном поприще, в 1857 году уезжает в Европу, где приступает к пристальному изучению западной модели образования, решив испытать себя и в этом новом для себя призвании²⁴. Впрочем, быстро разочаровывается в ней, чему способствовало его второе и заключительное путешествие на Запад в 1860 году. Это разочарование, как, пожалуй, и все остальное у Толстого, было парадоксального свойства, а в данном случае — сочетанием удивительного радикализма и архаичности, как точно подметил в свое время выдающийся советский филолог Борис Эйхенбаум в исследованиях наследия Толстого²⁵.

Совершенно неожиданным разворотом своей мысли Толстой различил элементарную «грамоту» и «жизненное образование». В своем журнале «Ясная Поляна» в 1862 году он публикует статью «О методах обучения грамоте»²⁶, где утверждает, что большая или меньшая грамотность никак не сказываются на жизненном образовании, разумея под последним житейские, трудовые и лишь отчасти профессиональные навыки людей. Ни о какой будущей гражданской жизни молодых поколений у него речь не шла. Со всей присущей его раннему стилю прямолинейностью и жесткостью Толстой обрушивается на существующую в России и мире отстраненную от потребностей людей педагогическую практику и без каких-либо сомнений относит себя к тому редкому меньшинству педагогически мыслящих людей, кто *в грамотности не видел пользы*. А то и только вред, подобно славянофилам старшего поколения.

«Все жизненные вопросы чрезвычайно легко разрешаются в теории и только при приложении к делу оказываются неразрешимыми... Спор в нашей литературе о пользе и вреде грамотности, над которым так

легко было смеяться, по нашему мнению, есть весьма серьезный спор... и заключается в неясном постановлении вопроса»²⁷. Откуда ждать прояснения? Толстой не предлагает программного взгляда, но предельно последователен в проведении своего народно-воспитательного пафоса: «В чем состоит задача и потому программа народной школы, мы не только не можем здесь объяснить, но и вовсе не полагаем этого возможным. Народная школа должна отвечать на потребности народа — вот все, что мы можем сказать положительного на такой вопрос»²⁸.

Логический круг замкнут. Есть потребность народа в гражданских знаниях и навыках? Так прямо, конечно же, Толстой не спрашивает, но его внутренняя мысль приводит его к признанию их бесполезности, а отчасти и вредности. Нужно ли «мужику» такое образование? Разумеется, нет. Но «мужик» для него — не социальный статус и не экономический актор. А нечто более сущностное, глубинное и метафизическое. У него есть свой инстинкт и воля, он не сопротивляется педагогическому воздействию, а в реальной жизни разумеет только свою свободу.

Читая ранние педагогические статьи Толстого, несложно обратить внимание, насколько сильным было его влияние на становление народничества как общественно-мировоззренческой группы мыслителей и практиков. Однако считать Толстого протонародником не только некорректно, но и абсолютно ошибочно. Его просветительская философия прямо противоположна им. Он отрицает всякое стремление извне дидактически «повлиять» на сознание народных масс. «Народный инстинкт», как трактует философию образования писателя Б. Эйхенбаум, «должен быть сохранен в неприкосновенности»²⁹. И в этом Толстой гораздо радикальнее славянофилов. Не нужны тульскому мужику ни технический прогресс, ни литературы, ни Пушкин, ни Гоголь, как и ничто иное из арсенала культуры. Толстой громит модерн и всю современную цивилизацию, как не дающую научно завершеного и морально выверенного знания. Учить этому — педагогическое преступление. И потому, апеллируя к народному образованию, он обнаруживает для себя верного «союзника» в своей же собственной *философии антимодернизма*. И здесь Толстой удивляет, шокирует, всячески преодолевает общественное невнимание к самому себе. В конце концов, создает почву для возрождения интереса читающей публики к своим мыслям, а позже — вновь возвращается на литературное поприще. Для возврата в большую литературу тема народного образования была избрана им весьма удачно и, главное, стратегически верно.

Казалось бы, тему гражданского просвещения народных масс Толстой табуировал. В привычном смысле понятия — да, закрыл за ненужностью. Однако с возрастом он не только не отходит от своих ранних радикальных позиций в философии образования, но и глубоко продумывает их, хотя вновь высказанные им мысли вслух становятся еще

более эпатажными для публики. Даже несмотря на то, что ближе к последней декаде XIX столетия он уже не просто общепризнанный авторитет, но и живой символ масштабного мирового движения социокультурной альтернативы буржуазному модерну. Впрочем, восхождением на олимп славы он по-прежнему обязан своим парадоксальным мыслям и сочинениям, в частности в области философии образования и этики, а не только массовому движению толстовцев.

Чем ближе Толстой подходил к периоду «духовного переворота», тем прозрачнее становилась его философско-просветительская позиция, тем более ценностно обоснованными, внятыми и критическими они представлялись им всему миру. Философия ненасилия Толстого, путь к которой он начал в самом детстве, так или иначе двигала его разум к новым интеллектуальным «откровениям».

Государство и власть суть всегда насилие. Следовательно, всякое гражданское просвещение также должно быть основано на идеях и ценностях ненасилия. Не должно быть насилия ни в дидактическом содержании, ни в методах. А это значит, что систематическая работа с сознанием народа не то чтобы не нужна, а при известных обстоятельствах просто вредна. Равным образом и принцип «забыть прошлое» должен осуществляться в просветительской практике ненасильственно. Историческая докса, если она выстроена в интересах государства, преступна; если с противоположных или тем более протестных и оппозиционных позиций, то ведет к утрате народной исконности и разрушает традиции.

Остается лишь одна возможность: «забыть прошлое»! И это надлежит совершить с легким сердцем и свободно, а не в результате внешнего давления или индоктринации сознания, хотя лучше всего *прошлое и не вспоминать вовсе*, если нет на то народной потребности.

Педагогические эксперименты Толстого в Ясной Поляне были неожиданными и весьма рискованными. Замкнувшись в своем узком и семейно-мужицком кругу, писатель активно творит и действует. Хотелось ли ему создать «рай» в одном отдельно от всего остального мира месте? Скорее да. Но мыслит он по-прежнему глобально. Его «Азбука» была составлена как для крестьянских детей, так и императорских отпрыс-

Толстой гораздо радикальнее славянофилов. Не нужны тульскому мужику ни технический прогресс, ни литературы, ни Пушкин, ни Гоголь, как и ничто иное из арсенала культуры. Толстой громит модерн и всю современную цивилизацию, как не дающую научно завершеного и морально выверенного знания. Учить этому – педагогическое преступление

ков. В открытой им деревенской школе Толстой делал, что считал нужным, но все же мечтал создать идеальный образец для ее массового тиражирования.

Сам Толстой свои поисковые эксперименты считал вполне успешными. И в значительной степени под их влиянием уже в самом начале 1880-х годов Толстой начинает проповедовать идеи и ценности, абсолютно не принятые в просвещенном обществе. Он бросает вызов не только современной цивилизации, но и Просвещению в целом. Для этого он прекращает свою деятельность на поприще изящной словесности и приступает к написанию масштабного цикла духовных сочинений, в которых обосновывает свою позицию, взгляды и свою веру. А вера его существенно отличалась от православной. Цензура запрещает почти все эти сочинения к публикации и, по сути, запрещает «обновленного» Толстого для представления широкой публике. Даже вполне спокойную по тональности, но при этом очень откровенную и глубокую по проникновенным смыслам «Исповедь», и ту не допустили в тираж буквально в самый последний момент, изъяв из типографии. Толстой активно публикуется за границей. Большинство его сочинений того времени уже не столь многостраничны, как раньше, но при этом выходят колоссальными тиражами. Отныне он проповедует миллионам людей всего мира свое просветительское кредо.

Но принцип «забыть историю» не дает ему покоя. Полагая государство за «заговор» против людей, Толстой понимает, что извлекать из властно одобренного опыта прошлого можно лишь негативный опыт предков и вряд ли что-либо вдохновляющее на нравственную жизнь их потомков. Не случайно поэтому в рассказе «Чем люди живы» он располагает любовь и ненасилие в самый центр своей «обновленной» мировоззренческой вселенной. Толстой уверовал в то, что вещает от имени народа, и, как ему тогда казалось, выражал народные мысли и настроения. Наивно полагая, что этой нравственной проповедью он сможет облагородить власть и даже самого императора. Но у Александра III был свой «гуру» и он слышал мысли и чаяния народа, преломленные в словах и подчиненные умонастроению Победоносцева. Толстой вновь проигрывает идеологическое сражение и становится в определенном смысле даже «врагом» родного православного государства.

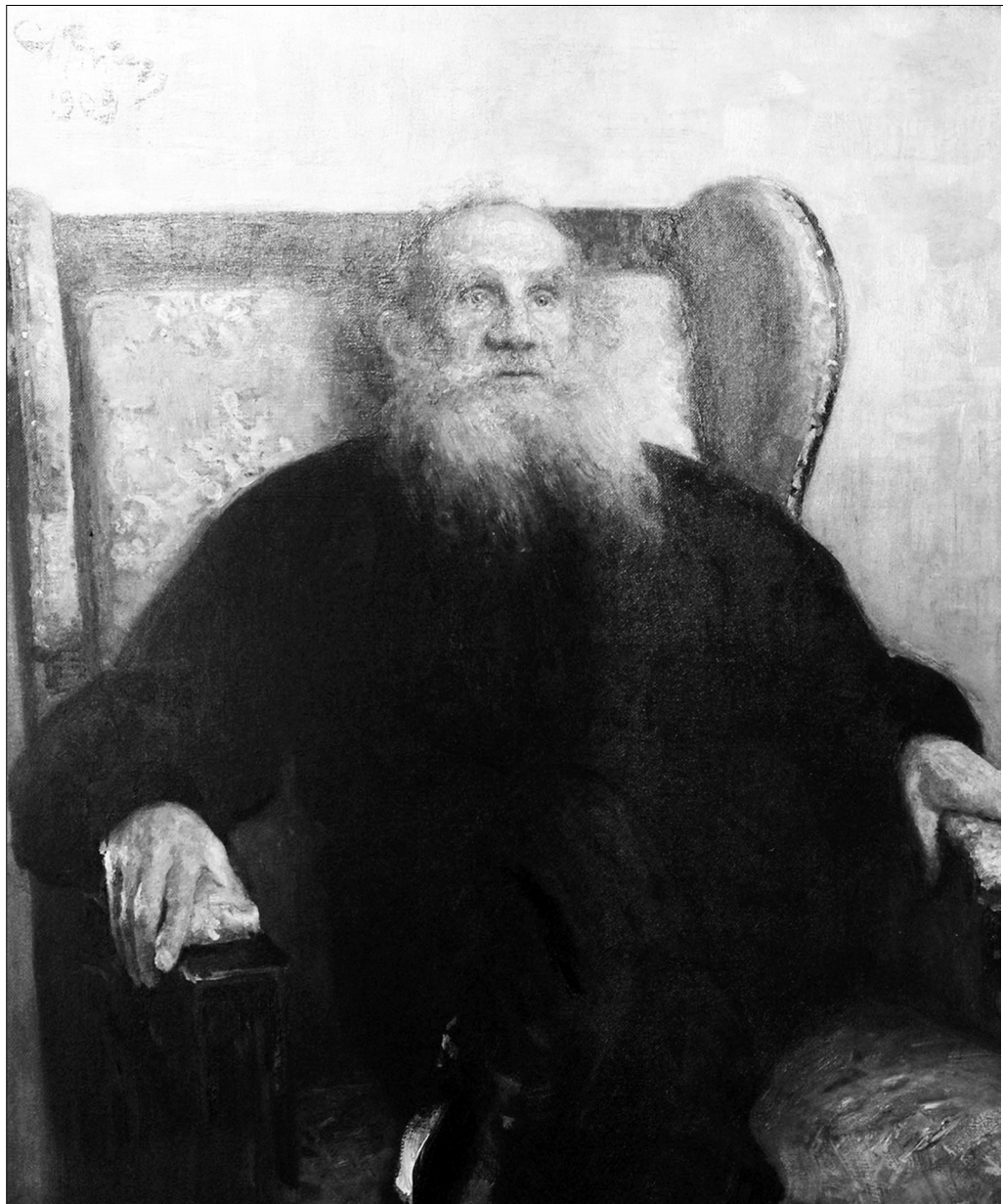
Очередная неудача Толстого приводит его к еще большей замкнутости в придуманном им же ценностном мире. Толстой в это время, как пишет П. Басинский, решительно порывает с изящной словесностью в пользу публичной трансляции своих обновленных смыслов³⁰. Он пишет цикл духовных сочинений, отчасти связанных друг с другом, но каждый раз представлявших из себя вполне заверченный и автономный труд. Большей частью они выходят либо за рубежом, либо самиздатом.

Все, что выходит из-под пера Толстого в это время — не литература, не журналистика, не беллетристика. А новое и обновленное исключительно самим Толстым *духовно-гражданское просвещение*. В небольшом эссе «В чем моя вера» (1884) он уже не просто подвергает ревизии религиозные постулаты, но и наносит сокрушительный удар по церкви. Эссе было издано подпольно в количестве 50 экземпляров и тем не менее получило громадный публичный успех. По сути, для всей отечественной традиции эта публикация стала первым казусом *диссидентского просвещения*. Принципом «забыть прошлое» пронизано все содержание эссе, правда весьма нестандартным даже для самого писателя образом. Отрицание церкви вынуждает Толстого «забыть» по крайней мере ее историю. «Церковь» — это слово, обозначающее обман. Церковь извратила евангельское учение и правила с помощью лжи умами людей на протяжении многих столетий³¹.

В отличие от логики «старого» просвещения, диссидентское по смыслу отрицание церкви отнюдь не приводит Толстого ни к атеизму, ни к агностицизму. Напротив, он еще больше погружается в придуманный им самим христианский космос и уверен, что у человечества нет иного пути, кроме как очиститься от заблуждений и избавиться от клерикального обмана. Богословский замысел Толстого — реформа догматов и очищение церкви. Он создает свой авторский перевод Евангелия. И ни на секунду не допускает своего отступничества от «дела Христова», а познание христианского учения полагает «делом разума» человеческого³². Но и здесь судьба распорядилась таким образом, что его жизнь и мысли пошли автономными друг от друга путями.

Сам писатель никогда не был лидером толстовцев и не желал им становиться. Вероятно, от недостатка лидерских качеств, но все же скорее потому, что вообще не оставлял для себя возможности какого-либо участия в сектантском движении. А возможно, и в силу сочетания этих обстоятельств. Но как бы то ни было, толстовцы, может, и не стали последовательными проводниками нового просветительства Толстого, зато были вполне успешными практиками, создавшими общины-скиты и исповедовавшими коллективный стиль жизни, пропитанный идеями и принципами толстовского духовного диссидентства. Их издательская деятельность внутри и за пределами России была заметной и вполне масштабной, а по существу — просветительской. Хотя и не в исконно гражданском смысле, а больше с точки зрения организации свободных и автономных от государства и общества квази-гражданских микрокоммун.

Принцип «забыть прошлое» рельефно просматривается во всех поздних литературно-богословских сочинениях писателя. И в особенности в его последнем крупном сочинении, нравственном словаре «Путь жизни», написанном им в год смерти (1910). В нем Толстой, кроме всего прочего, проповедует стоическую идею об *актуальности жизни*



Илья Репин. Портрет Толстого в розовом кресле. 1909

в настоящем, ибо только такая жизнь разумна и этически оправдана. Толстой не признает бытие зла, отвергает осмысленность смерти и весьма не ортодоксально трактует пространство и время души. Во Введении к словарю он пишет, что человеку надлежит понимать свою жизнь как соединение «своей души со всем живым любовью и сознанием своей божественности — с Богом, достигаемым только усилением в настоящем», ибо «душа не *была* и не *будет*, а всегда есть в настоя-

щем»³³. Курсив Толстой сделал сам на обеих формах не настоящего времени глагола «быть». И тем самым посылает читателю свой концентрированно-нравственный импульс: сознание и мышление существуют только в настоящем, а о том, как будет себя сознавать душа после смерти тела, не дано знать человеку, но, главное, «и не нужно ему»³⁴. Прошлое или будущее суть воображение человеком себя в других мирах, а это лишь препятствует его актуальной сосредоточенности и усилиям на достижениях в мире настоящего. Не нужно знать, что будет в будущем, но и, строго говоря, не нужно понимать и прошлое. Человеку надлежит стремиться лишь к одному — постижению и достижению ничем не нарушаемого *блага настоящего*.

И эта парадоксальная мысль Толстого волею судьбы стала для него завершающей долгий цикл мировоззренческих и просветительских исканий в строгой приверженности принципу «забыть прошлое». Своего рода кратким завещанием и нетипично емким для его художественного стиля философским посланием всему человечеству.

Разведя в молодые годы государство и общество, что само по себе для отечественной интеллектуальной традиции середины XIX века было необычным, Толстой заклеил государство как воплощение агрессии и насилия. И, казалось бы, поставил точку на теме логичности и полезности гражданского просвещения, считая его подспудно ложным концептом, работающим на интересы государства. В самом деле, полагая, что абсолютному большинству россиян хорошо и комфортно в их локальных общинах, он искренне недоумевал, зачем еще их тащить куда-то в неведомые дали гражданского общества с незнакомыми и чуждыми ценностями и нормами. Тем не менее Толстой постоянно и неустанно работал над этой, как оказалось, непростой для него темой, считая ее трудноразрешаемой дилеммой всего культурно-политического развития России.

Принцип «забыть прошлое» вынуждал Толстого выражать публично совсем небанальные идеи о теософии разума и смыслах жизни, отказаться от церковно-государственной ортодоксии и в конце концов привел его к уникальной трактовке *исторической истины как личного переживания*. Он не проповедовал «забыть историю», но, разуверившись в академизме, искренне полагался только на то знание прошлого, которое для него актуально, пронизано народными смыслами и не навязано государством, церковью или светскими идеологиями.

Ответ Толстого на вызовы официальной исторической доксы был бескомпромиссным и решительным, хоть и в научном смысле абсолютно необоснованным. Современники по-разному относились к просветительскими «откровениям» Толстого, кто-то воспринимал их буквально и всерьез, кто-то счел за старческое дурачество, но мимо него не прошел в буквальном смысле ни один отечественный мыслитель, претендовавший в XIX–XX веках на оригинальность своей просветитель-

ской концепции. Поистине каждый находил у Толстого нечто такое, за что ему хотелось зацепиться в своих рассуждениях, как и то, что отвергалось им бесповоротно.

Похоже, что эту традицию амбивалентности в отношении интеллектуального наследия Толстого заложили именно русские народники, которые, казалось бы, должны были быть крайне близкими ему по ценностям, «духу» и вектору мышления. Однако случилось нечто малопредсказуемое. Народники Толстого не приняли, хотя и не отвергли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О Толстом существует громадная литература, в буквальном смысле целая библиотека. Среди этого бескрайнего библиографического изобилия особенно выделяются несколько научных изысканий, которые мне кажутся выдающимися и на которые я буду частично опираться и рекомендую их всем заинтересованным читателям: *Басинский П.* Лев Толстой: Свободный человек. М.: Молодая гвардия, 2017; *Маймин Е.* Лев Толстой. Путь писателя. М.: Наука, 1984; *Шкловский В.* Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963; *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2009.

2 Книга частично переведена на русский язык: *Лукач Г.* Исторический роман. М.: Common place, 2014.

3 Подробнее: *Басинский П.* Указ. соч. С. 125.

4 *Толстой Л.Н.* Война и мир. Кн. 2. (Библиотека всемирной литературы). М.: Художественная литература, 1968. С. 600–601.

5 Там же. С. 602.

6 Там же. С. 602.

7 Там же. С. 607.

8 Там же. С. 656.

9 Там же. С. 657.

10 Там же. С. 660.

11 Там же. С. 668.

12 Там же. С. 670.

13 Там же. С. 681.

14 Там же. С. 683.

15 Там же. С. 685.

16 Там же. С. 695.

17 Там же. С. 698.

18 О работе Толстого с историческими источниками и его исторических замыслах и наметках см. любопытный труд, ставший букинистической редкостью: *Апостолов Н.* Лев Толстой над страницами истории. М.: Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л.Н. Толстого, 1928.

19 *Басинский П.* Указ. соч. С. 128.

20 Цит. по: *Апостолов Н.* Указ. соч. С. 261.

- 21 Там же. С. 262–263.
- 22 Цит. по: *Басинский П.* Указ. соч. С. 85.
- 23 *Апостолов Н.* Указ. соч. С. 273–274.
- 24 Толстой всю свою жизнь интересовался и практически занимался вопросами образования и воспитания, и, несмотря на все свои творческие и жизненные искания, а также и интеллектуальные перемены, ему все же удалось сформулировать свое аутентичное видение предмета, создать педагогическую школу, заполнив важную для становления открытого и несословного общества образовательную «нишу». В конечном итоге он остается в нашей памяти и в качестве великого педагога — практика и теоретика. Самые яркие и глубокие педагогические тексты Толстого собраны в книге: *Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1989.
- 25 *Эйхенбаум Б.* Указ. соч. С. 341.
- 26 *Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения. С. 74–89.
- 27 Там же. С. 76–78.
- 28 Там же. С. 79.
- 29 *Эйхенбаум Б.* Указ. соч. С. 342.
- 30 *Басинский П.* Указ. соч. С. 178.
- 31 Опасался ли Толстой реальных преследований, помимо запрета на издания своих сочинений, трудно сказать. Он в какой-то момент вполне мог допускать мысль о своем физическом устранении, но эта мысль не стала навязчивой и диктующей «правила» его поведения. Но очевидно, Толстой воспринимался в определенных кругах не только религиозным, но в том числе и политическим диссидентом. И, несмотря на многократно повторяющийся в его публикациях рефрен о необходимости глубоких общественно-нравственных преобразований, революционером его не считали, что лишь усугубляло ситуацию и приводило к парадоксальному мультиплицированию ролей в его новой жизни. Ленин же вообще утверждал, что Толстой революцию не понял и не принял, хоть и отразил умонастроение непросвещенной массы (*Пролетарий.* 1908. № 35). Анахорет, протестующий реформатор, нонконформист, духовный гуру для миллионов, моральный авторитет поистине мирового значения — все это имманентно включалось в его сложный и обновленный после «духовного переворота» публичный образ.
- 32 Еще в 1855 г. он задумал написать материалистическое Евангелие, но не осуществил задуманного. Его опередил Эрнест Ренан, написавший книгу «Жизнь Иисуса» в 1860-м (вышла в свет в 1863 г.). Первый русский перевод был издан в 1902-м, ровно через год после того, как за подобные же мысли русская православная церковь «отделяет» Толстого от лона своего, а все его схожие сочинения запрещает цензура. Басинский по этому поводу едко, но метко замечает: «Что позволено французу — нельзя русскому» (*Басинский П.* Указ. соч. С. 89).
- 33 *Толстой Л.Н.* Путь жизни (Библиотека этической мысли). М.: Республика, 1994. С. 7.
- 34 Там же. С. 7.

Аннотации и фрагменты наших только что вышедших или готовящихся к изданию книг



Сенокосов Ю.П.

В поисках утраченного универсализма: О Школе гражданского просвещения. — М.: Школа гражданского просвещения, 2020. — 141 с.

Профессий, как и школ, много. Школа гражданского просвещения не о профессии. Ее миссия — в трансляции международным экспертным сообществом современного знания и понимания глобальных проблем для всех, кто готов обсуждать эти проблемы публично и включаться в процесс поиска их решения не только на глобальном уровне. Девиз Школы: «Все мы разные, но мы — граждане!»

К ЧИТАТЕЛЮ

*Джон Ллойд, пишущий редактор,
The Financial Times*

В своем предисловии к книге Лена Немировская, основатель Школы гражданского просвещения, пишет, что никто не рождается гражданином. Гражданин — результат воспитания, образования и просвещения, то есть совместных усилий человека и общества. В этом цель Школы и смысл длящихся уже три десятилетия трудов — непростых трудов — Лены и Юры, вдохновляемых идеализмом, преданностью делу, международным признанием тысяч людей, которые верят в значимость Школы для себя, общества и будущего.

Признание и восхищение, которое Школа снискала во многих странах мира, увы, не находят отражения в ее официальном статусе на родине — в России. Названная «иностранным агентом» в соответствии с законом 2012

года, Школа фактически лишена возможности работать в России. Лена и Юра, для которых чувство любви к стране многое значит, остро это переживают. Однако с присущей им энергией и оптимизмом они, как и вся команда Школы и их друзья по всему миру, сделали ее истине международной.

А именно — ее эксперты, участники семинаров и выпускники по всему миру продолжают не только обсуждать волновавшие их изначально вопросы и проблемы, но и раскрывать их суть. Суть верховенства права, прав и обязанностей гражданина, демократического управления, конституционализма, либерализма и консерватизма, свободы слова — все это заслуживает действительно более глубокого анализа, обсуждения, критической оценки, причем повсеместно — в России, в Центральной и Восточной Европе и в мире в целом.

Подобный подход значительно расширил область компетенции и географию

Школы. За три последних десятилетия в России и в странах бывшего «социалистического лагеря» появились сильные прогрессивные и реформистские течения, охватившие все поколения, весьма различные между собой, но приверженные ключевым ценностям Школы. Наблюдаются также существенные различия между проблемами, стоящими перед системой демократического управления и гражданского общества в государствах Востока и Запада. При этом следует отметить, что демократии, несмотря на все недостатки, принципиально отличаются от авторитарных и деспотических режимов, вне зависимости от экономических успехов или расширения сферы влияния последних.

Как обогатить демократическое поведение и принципы гражданского участия; как пользоваться свободами слова и печати; как воспринимать мир, в котором изменения невероятно ускорились и могут привести к потере ориентиров; как понять роль суверенитета и глобализации в отношениях гражданина и государства. В той или иной форме это и есть суть гражданских дебатов в современном мире.

Сегодня Школа — в эпицентре этих дебатов, и ее роль будет только возрастать. История основания и развития, репутация и поддержка, которой Школа пользуется в мире, сетевое сообщество и идеи, наряду с упорным трудом и усилиями всех ее участников, позволяют ей оставаться важным центром свободы слова. Юрий Сенокосов был и остается главным интеллектуальным и нравственным вдохновителем Школы — эта книга замечательный плод его размышлений.

Перевод с английского Марка Дадяна

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ ГОВОРИТЬ ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ

Катрин Лалюмьер, Генеральный секретарь Совета Европы (1989–1994)

В 1989 году с падением Берлинской стены Европа пережила масштабное политическое потрясение. Это историческое событие изменило не только жизнь европейцев, но и облик всего мира. А Лена Немировская и ее муж, Юрий Сенокосов, три года спустя решили открыть Школу политических исследований в Москве, которая впоследствии привела к созданию 20 подобных школ на постсоветском пространстве, в Европе и за ее пределами.

В то время я занимала пост Генерального секретаря Совета Европы и с большим энтузиазмом поддержала эту идею. Падение Берлинской стены стало следствием провала политики Восточного блока, провалом коммунизма и диктатуры пролетариата, провалом любого рода авторитарных и тоталитарных режимов. Казалось, наконец восторжествовала демократия плюрализма, основанная на уважении к правам и свободам человека.

Большинство граждан, живущих в странах Восточного блока, как и лидеры этих стран, выступали за радикальные изменения. Одним из значимых событий того времени был визит Михаила Горбачева в Совет Европы с предложением о создании «общего Европейского дома».

Наши лидеры на Западе приветствовали революционные изменения и были открыты к принятию новых членов. Я лично приложила все возможные усилия, чтобы Совет Европы следовал этому курсу. Этим и объяснялся



Микеланджело Пистолетто. Глобус. 1966–1968

мой энтузиазм в поддержке идеи, предложенной Леной Немировской, которую годы спустя, к моей великой радости, я могу назвать настоящим другом. Вскоре естественным стал вопрос, достижима ли в принципе радикальная смена парадигмы?

До сегодняшнего дня интеллектуалы и политики продолжают задаваться этим вопросом — насколько глубокими

могут быть настоящие изменения в культурах с такой долгой историей идеологии и политической системы, несовместимыми с сегодняшними вызовами. Эти же вопросы задает и автор этой книги. Со своей стороны я хотела бы подчеркнуть один очень важный момент — роль просвещения во всех процессах трансформации, — что только подтверждает важнейшую мис-

сию школ политических исследований (созданных по образцу Московской школы).

Я не верю, что люди рождаются демократами или гуманистами, но я совершенно уверена, что ими становятся в результате просвещения, образования, размышления, и потому школы (политических исследований) столь важны в сегодняшнем мире.

Невежество — самый страшный враг демократии и ценностей гуманизма. Невежество и незнание истории, географии, философии, теологии. Брошенные на произвол судьбы, человеческие существа без сомнения окажутся в ситуации, где «человек человеку — волк», как предупреждает нас старая пословица. Только знание и мышление способны помочь «волку» стать гражданином, уважающим права Другого.

Возражения по поводу универсальности прав человека звучат постоянно. Многие считают невозможным и ненужным насаждать систему универсальных ценностей в обществах, которые в своей истории опирались на противоположные идеи.

Мы же неизменно руководствовались идеей объединения стран Восточной Европы внутри «европейской семьи» под эгидой Совета Европы на прочном фундаменте разделяемых всеми универсальных ценностей.

Но сегодня мы стали свидетелями растущего числа думающих иначе в таких странах, как Венгрия, Польша, Россия. Один из расхожих аргументов при этом — идея, что ценности, о которых мы говорим, не универсальны по своей природе, что они идут вразрез с ожиданиями граждан, чья история связана с авторитарными политическими системами.

Эта проблема в центре размышлений Юрия Сенокосова, и я сама часто задавала себе вопрос и пришла к однозначному заключению: да, эти ценности важны и служат на благо обществу. Они помогают сохранить разнообразие и содействовать его развитию в тех областях, где различия самоценны — например, в искусстве и фольклоре, — а их отсутствие может сказаться пагубно и привести к уничтожению целых культурных пластов. Но когда речь заходит о фундаментальных философских или теологических ценностях, которые имеют влияние на человечество в целом и на отдельных людей, различия перестают быть уместными, и мы должны переходить на язык универсализма.

Как человеческие существа мы обладаем достоинством, и какую бы форму ни принимала политическая система, в основание базовых ценностей должно быть заложено уважение к человеческому достоинству.

Поэтому нам нужно говорить об универсализме. Люди, как и страны, могут выбирать различные политические системы, и в то время, когда различия поддаются объяснению и становятся понятными, любая из этих систем должна основываться на уважении к основным ценностям.

К сожалению, в современном мире, включая Европу, мы становимся свидетелями роста авторитаризма во многих странах. Авторитаризм всегда рискует обратиться в тоталитаризм, который принес европейцам столько страшных страданий в XX веке. Расизм, ксенофобия и радикальный национализм пускают свои ростки повсеместно. Мы должны донести до молодых людей всю опасность и вред, который эти кон-

цепции несут с собой, что неоднократно доказано нашей общей историей. Нет ни малейшего сомнения в том, что школы политических исследований и Московская школа, которая первой встала на этот путь 30 лет назад, движутся в нужном направлении и призваны сыграть важную историческую роль.

Перевод с английского Инны Березкиной

УНИВЕРСАЛИЗМ ОБЯЗЫВАЕТ НАС ВОСПРИНИМАТЬ ПЛАНЕТУ КАК «ОБЩИЙ ДОМ»

Марко Полити, писатель, Италия

11 января 1881 года в театре «Ла Скала» в Милане состоялась премьера балета «Эксельсиор» в постановке Луиджи Манцотти на музыку Ромуальдо Маренко. Это музыкальная аллегория в 11 картинах о триумфе Прогресса. Победа Света и Цивилизации над Мракобесием. На сцене были представлены величайшие изобретения и достижения того времени. Пароход, телеграф, электрическая лампа, Суэцкий канал... Конец XIX века совпал с наивной верой в прогресс и распространением либерально-демократической цивилизации. Тоталитаризм и мировые войны XX века разрушили эту иллюзию. И началась эпоха реконструкции.

В то же время человечество понимает, что развитие права, общества, культуры и экономики может быть прервано. Мир сотрясают глубокие кризисы. Они возникают неожиданно, как извержения вулканов, считавшихся потухшими.

Чума, поразившая нашу планету в 2020 году, знаменует собой переломный момент в истории мировой глобализации

XXI века. Все мы внезапно оказались перед лицом неминуемой смерти. Десятилетиями смерть символически отдалялась от нас. Она имела отношение к «другим» людям. На экранах телевизоров мелькали войны, боины, убийства; они происходили в далеких от наших границ или в соседних странах, но напоминали скорее кинофильм, показ которого можно прервать одним щелчком мыши.

Даже смерть родственников в течение долгого времени была событием, которому мы не сопереживали все вместе в семье. Люди на пороге смерти оказывались в больнице или доме престарелых. Смерть не должна была досажать современной жизни. И вот чума под названием COVID-19 вывела смерть на первый план. Эпидемия, голод, нищета, безработица, растерянность — все это обрушилось на наши головы.

Восстановление общества и экономики, пострадавших от эпидемии, ставит перед нами главный вопрос: чего мы хотим? Построить инклюзивное общество, в котором у каждого человека будет возможность стать гражданином, участвующим в жизни государства, или восстановить прежнее общество, в котором живут слои обездоленных и отверженных людей, а решения принимаются ограниченным кругом сверхбогатых и влиятельных людей?

До пандемии мир был болен неравенством и страдал от деградации природы. Наряду с сохранением авторитарных режимов он был свидетелем подъема политических движений, основанных на навязчивой, ксенофобской, нелиберальной идентичности, которая вдохновлялась культурой ненависти.

Быть может, пандемия COVID-19 — это возможность построить иной мир.

Глобальное сообщество, в котором действительно все люди являются гражданами. Нечто отличное от дарвинистской глобализации, при которой отдельный человек, группа, нация пребывают в состоянии безжалостной борьбы с другими.

Универсализм обязывает нас воспринимать планету как «общий дом», нуждающийся в заботе.

Обрести его означает сегодня подтвердить роль и необходимость принципа мультилатерализма.

Есть человек, который в последние годы неустанно напоминает нам, что миру нужна глобализация солидарности, а не «глобализация безразличия». Его зовут Хорхе Марио Бергольо, но известен он больше как папа Франциск. С самого начала он обратился не только к католикам, но и к мужчинам и женщинам нашего века поверх в том числе и религиозных границ. Смысл его обращения прост. Тебе плохо, если рядом страдают люди. Нужно смотреть всеобщему страданию в лицо, чтобы вместе противостоять бедам планеты. Это означает самоотверженно трудиться в своей стране ради «общего блага» других стран.

Франциск говорит простым языком. Он увещевает нас заглянуть в лицо бедняку, которому мы даем милостыню. Он будоражит наше безразличие, напоминая, что в таком городе, как Рим, мужчины и женщины умирают от голода и холода на улицах.

Чума COVID-19 страшит всех нас, так как беспощадно нависла над каждой

страной. Однако столь же безжалостна и смертоносна судьба в отношении многих вынужденных мигрантов. Не менее безжалостна судьба миллионов и миллионов людей, вынужденных сегодня — не вчера, не во времена Древнего Рима и не на хлопковых плантациях в фильме «Унесенные ветром» — пребывать в самом настоящем рабстве. В том числе — сексуальном рабстве.

Безжалостной, как и эпидемия, является сегодня система финансовой грабительской экономики, которая вытесняет миллиарды людей на обочину жизни. Это в корне отличается от социальной рыночной экономики.

Неумолим ущерб, нанесенный сотням миллионов людей в результате климатических и природных изменений, вызванных ошибочными действиями человека.

Пророк не тот, кто предвидит будущее. Пророк тот, кто улавливает «знамения времени». А знамения времени, независимо от эпидемии, указывают на то, что глобальные бедствия и страдания наших современников вызваны отсутствием ответственности и солидарности.

Такой человек, как Франциск, не претендует на исключительность и ведет себя как простой ученик Христа. Он ставит вопрос, который лежит в основе каждого человека, имеющего дело с гражданским воспитанием. Хотим ли мы будущего после чумы для всех или только для победителей?

Перевод с итальянского Геннадия Киселева



Андрей Захаров,
доцент факультета
истории, политологии
и права РГГУ

Таинственный мир, или Богатые русские как они есть

Schimpfössl E. Rich Russians: From Oligarchs to Bourgeoisie. Oxford: Oxford University Press, 2018. xii, 234 p.

Всякий знает, что мир богатых русских загадочен. Интернет и прочие средства массовой информации чуть-чуть приоткрывают дверь в него, но рассмотреть сквозь узкую щелочку не удастся почти ничего. Их образ жизни, по-видимому, похож на наш, они скорее всего едят, спят и умываются по утрам — совсем как мы! — но все же по множеству признаков можно понять, что это принципиально другие люди: десяток-другой миллионов долларов диктует иное понимание жизни, иные ценности, иные горести и радости. Почти никто из нас не соприкасался с долларовыми миллионерами и миллиардерами напрямую, и причина этого понятна: количество подобных людей в России относится к таким математическим величинам, которыми в статистике обычно пренебрегают. Проблема, однако, в том, что совсем уж пренебречь этим миниатюрным подвидом нельзя: ведь *de facto* они управляют нами, поскольку именно их финансовое могущество — и страстное желание сохранить и преумножить его — придает в конечном счете современной России те отталкивающие черты, которыми она пугает остальной мир и существенную часть собственных граждан. Конечно же, само наличие внутри нации этого крошечного племени, обладающего громадным потенциалом, не может не волновать социальную науку. Вместе с тем к настоящему моменту строго научных описаний класса российских капиталистов очень и очень мало. Принято считать, что отечественная буржуазия находится в процессе становления, у нее еще ничего не утряслось, она живет единственным днем и не смотрит в будущее и потому любопытна лишь в разрезе экстравагантного поведения и своеобразного толкова-

ния этических и правовых норм. Тем не менее встречаются специалисты, которые, не соглашаясь с этим, уверены, что породившуюся за три последних десятилетия общность богатых русских уже можно и нужно препарировать в научных целях. Именно к их числу следует отнести и автора этой книги.

Исследовательскую ношу, которую взвалила на себя Элизабет Шимпфоссль следует признать величественной. Решив посвятить богатым русским свою диссертацию, начатую в Манчестерском университете и завершённую в Университетском колледже Лондона, она наметила для себя наиболее прямолинейный, но одновременно и самый сложный способ работы: из русского списка Forbes были выделены имена нескольких десятков самых-самых-самых выдающихся отечественных буржуа, а затем с этими людьми были проведены очные или заочные (но неизменно личные) интервью. Договариваться о таких встречах — да и присутствовать на них — было далеко не просто (на страницах книги автор жалуется на то, что некоторые всерьёз подозревали, что австрийская девушка придумала все это сугубо для того, чтобы найти себе богатого русского мужа), но в итоге на руках у исследовательницы оказался уникальный материал: записи разговоров с восемью десятками богатейших людей России, включая их домочадцев и чад. Весь этот массив был тематически классифицирован — и хотя вопросы о том, как тот или иной капиталист нажил свой первый миллион (по моему мнению, кстати, наиболее интригующие, когда речь заходит о богатых русских), на протяжении этих экспертных бесед считались запретными, многое другое все-таки удалось обсудить. В центре внимания были



такие темы, как источники удачливости новых русских бизнесменов, связь их капиталистических навыков с семейной историей, исповедуемые ими жизненные ценности, выходящие за пределы зарабатывания денег увлечения и интересы, взгляды на устройство личной жизни, патриотические установки и отношение к Западу.

Итоги изысканий, предпринятых автором, сводятся вкратце к следующему. Госпожа Шимпфоссль полагает, что посткоммунистические буржуа России превращаются наконец-то в «нормальный» правящий класс: они теперь меньше увлечены изготовлением денег, осязательно тянутся к высокой культуре, очень ценят собственное происхождение из семей советской интеллигенции, осваивают зачатки социальной ответственности и с необычайным усердием предаются благотворительности и меценатству. Они наконец-то начали раз-

мышлять о будущем, потому что в скором времени поколению «первоначального накопления» в силу естественных причин придется передавать богатства своим потомкам. Почти никто из них теперь не напоминает бизнесменов-бандитов из фильмов Алексея Балабанова, у них опрятный внешний вид и ухоженные ногти, а некоторые сделались столь демократичными, что даже ездят в московском метро — отправляя свой лимузин простаивать в московских пробках, чтобы встретить хозяина у отдаленной станции. Да, разумеется, в основном в этой стране преобладают мужчины, считающие, что женщины в принципе должны знать свое место; естественно, они, подобно героине клипа «Патриотка» группировки «Ленинград», глубоко патриотичны и всей душой ненавидят Запад, покупающий у них нефтепродукты; понятно, они не считают людей без денег равными себе и всячески демонстрируют свое превосходство в общении с нижестоящими — но тем не менее и вопреки всему этому облагораживание потихоньку идет, позволяя России надеяться на появление в будущем такой же чинной, благовоспитанной и ведущей за собой общество буржуазии, как, скажем, в Швеции или Германии.

Как мне представляется, за автором можно признать изрядную долю правоты. Да, русский буржуй сейчас пошел отчасти не тот, что прежде, и, фиксируя многочисленные подтверждения тому, австрийская исследовательница многократно права. Но, к сожалению, в логике автора есть фундаментальный изъян. Элизабет Шимпфосль нарочито не касается отношения богатых русских к политике — и, с моей точки зрения, совершенно напрасно. Если бы она сделала

это, то для нее стала бы очевидной та гигантская разница, которая отличает передовую буржуазию Запада от отсталой буржуазии России. Повсюду в Западной Европе подъем буржуазного класса сопровождался тем, что эта сила требовала от абсолютистского государства «облагораживания» политической системы, она настаивала на пресечении эксцессов единоличной власти, внедрении представительного правления, переходе к конституционному порядку. Ни в чем подобном, увы, посткоммунистическая буржуазия России не замечена. Она боится (и не зря) российского государства и потому чурается совершенствования политических форм — если бы дело обстояло иначе, в России не было бы «национального лидера», восседающего в своем кресле уже двадцать лет и отнюдь не собирающегося отказываться от этого удовольствия (между прочим, «раб на галерах», с которым он себя как-то сравнил, работал вообще бессрочно). Иначе говоря, пока отечественная буржуазия не обретет политическую субъектность — а ей страшно это делать, ни о каком ее превращении в «нормальный доминантный класс» по Пьеру Бурдьё, при всем уважении к автору, не может быть и речи. Что же до благотворительности, коллекционирования предметов искусства и прочих изъятий хорошего тона, то не будем обольщаться: это мало о чем говорит, с нами по-прежнему что-то не так — или, перефразируя поэта, как и в прежние времена, «буржуй в России меньше, чем буржуй».

Наконец, последнее, о чем нужно сказать: скоро о таинственном мире больших денег можно будет узнать чуточку больше — издательство «Альпина нон-фикшн» готовит представленную здесь книгу к публикации на русском языке.

Контрапункт

ПУТИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ — 2020: КЛУБОК НЕРАЗРЕШИМЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Конституция свободных людей vs Путинская конституция. М.: РОДП «Яблоко», 2020 г. 218 с.

В самом начале 2020 года российский президент Владимир Путин, не раз заявлявший о необходимости сохранения в неизменном виде Конституции 1993 года, о ее далеко не до конца использованном потенциале, о прочности и солидности ее правовой конструкции, наконец, только что принесший на ней очередную президентскую присягу (после перевыборов на новый срок полномочий в 2018 году), обещающую хранить Конституцию и защищать гарантированные в ней права и свободы граждан, внезапно выступил с предложением о существенном пересмотре российского Основного закона. По словам главы государства, страна кардинально изменилась с 1990-х годов, ситуация настолько переменилась, что требует изменений в Конституции, переналадки баланса властей, уточнения ряда гарантий и обязательств государства. Инициатива потрясла элиты и общество и стала главной внутривнутриполитической темой 2020 года (в февралемарте к ней столь же неожиданно добавились пандемия нового коронавируса и меры государства по борьбе с ней).

Далее события стремительно развивались. Кремль спешил как можно скорее сформулировать, опубликовать и добиться принятия своих поправок к Конституции. Первоначальный пакет поправок президента был сравнительно небольшим и узко сфокусированным на полномочиях разных ветвей и уровней власти. Президентом была создана Рабочая группа по сбору и анализу предложений по изменениям (75 че-



*Владимир Рыжков,
историк,
профессор НИУ ВШЭ*

ловек), в результате чего их число быстро разрослось до более чем 200, захватывая теперь вопросы идеологии, языка, религии, семьи, истории, экологии и проч. Частичный пересмотр Основного закона превратился в почти всеохватывающий. Наконец президенту показалось мало одобрения поправок двумя палатами Федерального собрания и большинством региональных парламентов (март 2020 года). 1 июля 2020 года, задолго до окончания пандемии, проект новой конституции был вынесен на «общероссийское голосование» и, согласно официальным данным Центризбиркома РФ, одобрен подавляющим большинством граждан России. Уже 3 июля 2020 года новая Конституция вступила в силу (вся операция заняла лишь шесть месяцев).

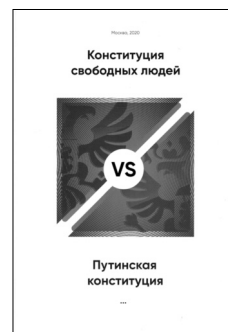
Внешне конституционная инициатива Владимира Путина была разработана, обсуждена, принята и одобрена народом чрезвычайно легко и быстро. Последовал новый триумф Кремля. Но такое впечатление в высшей степени обманчиво. Даже официальные данные итогов голосования выглядят далекими от всеобщего одобрения (78% «за» при 21% «против», явка 68%). Голосование было впервые растянуто на неделю (подавляющее большинство в результате этого голосовало до дня голосования). На участки не были допущены наблюдатели от оппозиционных партий, независимые наблюдатели, объективный контроль за голосованием был в силу этого невозможен. У оппозиции не было возможности широко агитировать против поправок. Авторитетный электоральный статистик и математик Сергей Шпилькин подсчитал, что масштаб фальсификаций при голосовании был громадным (беспрецедентным даже для привычной к такому России). По его оценкам, аномальными (то есть сфальсифицированными) можно считать 22 миллиона голосов, поданных за новый вариант Конституции. Реальная явка составила менее половины — 42–43%. При такой невысокой явке в реальности за новую Конституцию проголосовали 65%, против — 35%. То есть истинное соотношение сторонников и противников 2 к 1 и текст не получил поддержки большинства граждан России (от всего списка избирателей). Это порождает *первую фундаментальную проблему путинской Конституции — проблему ее общественной легитимности* (веры общества в то, что Конституция на самом деле одобрена большинством народа).

Не лучше обстоит дело с *правовой легитимностью* новой редакции Основного закона. Правовая легитимность возникает при строгом соблюдении всех имеющихся в Конституции и законах требований и процедур к порядку внесения и принятия поправок. В 2020 году это требование не было соблюдено ни в коей мере. Новая Конституция принималась с нарушением множества ясных и недвусмысленных норм самой Конституции и федерального конституционного закона о порядке изменений Конституции 1998 года.

Многочисленные нарушения законной процедуры при внесении поправок в Конституцию приведены в только что вышедшей по горячим сле-

дам событий обобщающей книге «Конституция свободных людей vs Путинская конституция». Анализ проводился ведущими юристами-конституционалистами России. Среди основных нарушений Конституции, закона и процедуры можно выделить следующие: 1) действующая на тот момент Конституция не предусматривала одобрения или принятия Основного закона на «всенародном голосовании» (подобный институт вообще не предусмотрен законом и Конституцией, в отличие от Конституционного собрания и референдума); 2) Конституционный суд не имел полномочий оценивать конституционность поправок, вносимых в главы 3–8 Конституции (были изменены 2/3 их текста), в том числе после их принятия парламентом и регионами; 3) огромный пакет поправок был принят и одобрен как одна безбрежная и посвященная десяткам не связанных между собой тем «поправка», при том что ФЗ 1998 года о порядке принятия и вступления в силу поправок требует, чтобы все они были разбиты на различные, отдельные по содержанию и смыслу поправки, имели отдельные наименования и обоснования и проч., а также чтобы каждая из таких поправок принималась по отдельности.

Отдельно обоснована в книге неконституционность ключевой поправки — о возможности В. Путина вновь избираться на президентский пост, несмотря на то что он был президентом уже четырежды (два раза по два срока полномочий) (поправка о так называемом обнулении всех прежних сроков Путина, внезапно, опять-таки вне законной процедуры, предложенная с думской трибуны космонавтом Валентиной Терешковой). Почти нет сомнений, что вся грандиозная затея с изменением Основного закона была вызвана почти исключительно желанием добиться снятия ограничений на продление власти В. Путина. Все прочие поправки — это сложно составленный пропагандистский «гарнир» к этой, главнейшей. Неконституционность поправки об «обнулении» заключается в следующем: 1) она противоречит решению КС РФ 1998 года о неконституционности возможности продления власти одного человека, перемена позиции самого КС также неконституционна; 2) исключение, сделанное для действующего президента, обосновывается КС неопределенными «особыми условиями, в которых находится сегодня Россия» и т.п., что является не правовым, а политическим аргументом, в то время как КС РФ имеет право выносить только правовые суждения; 3) аргумент, что действующий президент будет проходить выборы в конкурентной среде и может быть не избран, является притворным (противоречит всей существующей общественно-политической реальности) и опять-таки не правовым, а политическим; 4) поправка об «обнулении» подается как «переходная», но на самом деле она нарушает принципы и логику всей Конституции, гарантирующей разделение властей и регулярную сменяемость власти; 5) КС не усматривает в «обнулении» присвоения власти на том основа-



нии, что поправка будет одобрена на всероссийском голосовании и тем самым обретет демократическую легитимность. Однако (см. выше) такая процедура сама по себе незаконна и не может обосновывать несменяемость власти и ее фактическое присвоение одним человеком.

Таким образом, путинская Конституция сталкивается с громадной проблемой своей *правовой легитимности* — с точки зрения соблюдения требований Конституции и закона, соблюдения процедур принятия и одобрения, крайне сомнительной роли в процессе конституционных изменений Конституционного суда России.

Третье в высшей степени проблемное и уязвимое место нового Основного закона — его *позитивное (с точки зрения права) содержание*. Было решено не трогать (не менять) основополагающие 1, 2 и 3-ю главы Конституции 1993 года (об основах конституционного строя, правах и свободах граждан и порядке принятия изменений в Конституцию или принятии новой). Ясно почему: процедура их изменений гораздо сложнее, чем изменения в главы 3–8. В результате возникла неприемлемая с точки зрения права ситуация — *массив принятых поправок в корне противоречит основам конституционного строя, оставшимся неизменными*. В одну Конституцию теперь «вшиты» две содержательно совершенно различные и противоречащие одна другой конституции — ельцинская 1993 года и путинская 2020-го.

Приведу для примера лишь самые важные и кричащие противоречия: 1) значительно расширены полномочия президента по влиянию на все прочие ветви и органы власти, что противоречит сохранившемуся в неизменности принципу разделения властей; 2) расширены возможности президента влиять на законодательный процесс и суды (последнее подрывает принцип независимости судебной власти); 3) включение местного самоуправления в «единую систему публичной власти» при сохранении принципа его самостоятельности; 4) узаконивание идеологических предписаний властей под видом защиты исторической правды и памяти, что противоречит принципу свободы слова и убеждений, свободы получать и распространять информацию; 5) множество изменений, ограничивающих конституционное пассивное избирательное право и право занятия государственных и муниципальных должностей при сохранении принципа равенства всех граждан; 6) возможность неисполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров, принятых и ратифицированных Россией при сохранении принципа верховенства международного права. Таким образом, каждое решение, принятое на основании новых поправок, будет юридически несостоятельным и попирает существующие основы конституционного строя, правовой порядок тем самым будет до основания разрушен.

Наконец, в спешке принятая новая Конституция с самого начала столкнулась с глубокой проблемой *политической легитимности* (достигае-

мой лишь при поддержке всех основных политических сил страны). При внешнем единодушии такой поддержки новая Конституция в 2020 году не получила. После месяцев метаний и колебаний крупнейшая левая партия страны КПРФ призвала в итоге своих сторонников голосовать против Конституции. Лидер «несистемной оппозиции» Алексей Навальный также жестко отверг предлагаемые Путиным конституционные изменения. Против них с самого начала последовательно выступила ведущая либеральная партия страны «Яблоко». Поддержку обеспечили лишь «партия власти» «Единая Россия», еще более радикально авторитарная, чем Кремль, партия Владимира Жириновского ЛДПР, а также слабая и лояльная властям «Справедливая Россия». Таким образом, основные силы российской оппозиции выступили против авторитарно направленных изменений в Конституции, поставив под сомнение ее консенсусный общенародный характер.

Партия российских либералов «Яблоко» пошла еще дальше, не ограничившись призывами к гражданам выступать против новой конституции. С ее активным участием уже 24 января 2020 года был образован независимый *Общественный конституционный совет (ОКС)* для анализа путинских поправок и разработки альтернативного проекта российской Конституции — демократического, свободного и правового. В совет вошел широкий круг политиков, общественных деятелей, юристов-конституционалистов, правозащитников и журналистов. В частности, Г. Явлинский, В. Рыжков, Е. Гонтмахер, Л. Никитинский, Б. Вишневский, Е. Дубровина, В. Гефтер, Г. Мелконьянц, Н. Рыбаков, Л. Шлосберг, Е. Бунимович, Г. Гудков, Л. Гудков и другие. Совет вел кампанию содержательной критики предлагаемых поправок, организовывал акции протеста. И главное — разработал и опубликовал свой проект конституционных изменений — так называемую *Конституцию свободных людей*.

Если кремлевский проект переписывания Конституции направлен на усиление авторитарных принципов управления, на идеологический и моральный диктат в отношении граждан, то проект ОКС, опубликованный в рецензируемой книге, направлен на прямо противоположное — укрепление правовых гарантий прав и свобод человека, дополнительных гарантий разделения властей и свободы совести и слова, обеспечение мирной внешней политики и политики международного сотрудничества на основе международного права. Принципиальная позиция ОКС в отношении Конституции 1993 года состоит в том, что при наличии ряда существенных недостатков она тем не менее отвечает основным требованиям к современной конституции правового демократического государства и является достаточной правовой основой для развития страны и поддержания устойчивого правового и демократического порядка. Необходимости в ее изменении по этой причине не было. Если же менять Конституцию, то в направлении развития и укрепления

принципов, установленных основами конституционного строя, введения дополнительных действенных гарантий защиты прав и свобод граждан, повышения эффективности работы ветвей и органов власти путем повышения прозрачности их работы, подотчетности обществу, большей политической конкуренции и свободы слова.

ОКС подготовил и широко опубликовал, в полном соответствии с Конституцией и законом, свой вариант конституционных поправок. Депутаты от партии «Яблоко» настаивали на голосовании в своих легислатурах не только путинского проекта, но и проекта ОКС. ОКС обратился к президенту В. Путину с требованием вынести на общероссийское голосование оба проекта. Ясно, что предложение сделать обсуждение и голосование альтернативными было властями отвергнуто.

Между тем в июне 2020 года Левада-Центр* провел всероссийский опрос по основным положениям официального проекта новой Конституции и проекта ОКС. Результат опроса оказался ошеломляющим. При сравнении путинского проекта и общественного проекта «Конституция свободных людей» подавляющее большинство россиян поддержали конституционный проект демократов. Вынеси Путин оба проекта на общероссийское голосование, проект Кремля провалился бы, Россия получила бы более последовательный и выверенный текст обновленного Основного закона, отвечающий главным общественным ожиданиям.

Вот какие предложения конституционного проекта ОКС получили наибольшую поддержку опрошенных: 1) выборность Совета Федерации Федерального собрания РФ (82%); 2) наделение Госдумы правом отправлять в отставку отдельных министров (68%); 3) право парламента самому выдвигать кандидатуру на пост премьер-министра (51%); 4) сокращение президентского срока с шести до четырех лет (54%); 5) выборность председателей судов самими судьями (50%); 5) запрет частных военных компаний (41% при 38% сторонников такой деятельности); 6) обязанность государства лечить всех детей за счет бюджета (95%); 7) передача пенсионных накоплений по наследству (90%); 8) введение индивидуальных накопительных счетов для зачисления части доходов от экспорта природных ресурсов (77%); 9) пенсионный возраст для мужчин и женщин 60 лет (58%). В целом за поддержку проекта ОКС высказались 74% россиян (17% против).

ОКС разработал и опубликовал девять тщательно проработанных законопроектов о конституционных поправках: 1) о сроке полномочий, полномочиях и порядке избрания президента России; 2) о полномочиях и порядке избрания палат Федерального собрания; 3) о порядке формирования правительства РФ; 4) о судебной власти (комплексная реформа судов, направленная на гарантии их независимости и эффективности);

* АНО «Левада-Центр» принудительно внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

5) о справедливом судебном процессе и запрете пыток; 6) о вопросах войны и мира (гарантии мирной внешней политики, невмешательства в дела других государств, запрет частных военных компаний); 7) о дополнительных гарантиях прав и свобод человека (социальные гарантии, гарантии в области здравоохранения, гарантии свободы слова и др.); 8) об избирательной системе (гарантии свободных и честных выборов, реформа избирательной системы, гарантии свободной деятельности оппозиции); 9) о парламентском контроле над деятельностью президента и правительства. Очевидно, что такое изменение Конституции значительно стабилизировало бы правовой порядок в России, помогло справиться со злоупотреблениями властей, укрепило демократические основы государства, сделало суды справедливыми и независимыми, укрепило позиции и репутацию страны в мире, расширило социальные гарантии для граждан. Понимание властями того, что альтернативная конституция от демократов гораздо ближе людям, привлекательнее и лучше отвечает национальным интересам России, и привело к тому, что «Конституция свободных людей» замалчивалась в государственных СМИ и не была вынесена на обсуждение и голосование.

Формально в конституционном сражении 2020 года Путин одержал легкую и полную победу. Давно послушные ему национальный парламент и региональные парламенты при поддержке покорного Конституционного суда одобрили все путинские поправки, включая главную — об «обнулении» его президентских сроков. Сфальсифицированное общероссийское голосование позволило создать видимость общенародной поддержки. Однако настоящей победы не получилось. *Путинская Конституция обречена запутаться в неразрешимых противоречиях.* Ее демократическая легитимность более чем сомнительна. Поддержку всех основных политических сил (необходимое условие прочности конституционного строя) получить не удалось. С правовой точки зрения поправки были приняты незаконно, с нарушением процедуры. Внутренняя содержательная логика Конституции разрушена до основания (старые 1, 2 и 9-я главы открыто противоречат новым, главам 3–8). Легитимность новой Конституции оказалась в результате гораздо ниже прежней, ельцинской (принятой также далеко не стерильно).

Государство не может стоять на столь шаткой и непрочной правовой опоре. Разнообразные политические, правовые, социальные противоречия после принятия новой Конституции в ближайшие годы будут только обостряться. Вместо того чтобы явиться документом национального согласия, Конституция станет камнем раздора. Долго она не простоит. Указанные выше неразрешимые противоречия могут быть разрешены лишь одним способом — ее полной отменой и принятием новой конституции (лучше всего также на основе уже имеющей легитимную традицию Конституции 1993 года), по всей форме и с соблюдением всех законных процедур, при поддержке всех основных поли-

тических сил, с итоговым одобрением на легитимном общероссийском референдуме.

В этот момент и будет обязательно востребована «Конституция свободных людей», подготовленная ОКС в 2020 году. Она может стать добротной основой для разработки нового Основного закона. С большинством ее положений согласятся все главные политические силы — от левых до правых, ведь ее общедемократический, мирный и социальный характер бесспорен. Россия устала от авторитаризма и его неизбежных следствий — несправедливости, беззакония, отсутствия развития, неравенства, подавления гражданских и политических свобод, массовой бедности. России необходимо правовое и демократическое развитие в условиях свободы. России нужна действительная и действующая демократия: «правительство народа, избранное народом и для народа» (А. Линкольн). Хорошо, что в тяжелом 2020 году нашлись в России люди, сумевшие подумать о будущем и подготовить важные тексты, которые понадобятся гражданскому обществу в этом будущем.

МЕМУАРЫ, КОТОРЫЕ МНОГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЕМУАРЫ

Борко Ю.А. Судьбу нам не о чем просить... Семья, жизнь и путь в науке. М.: Весь мир, 2019. 440 с.

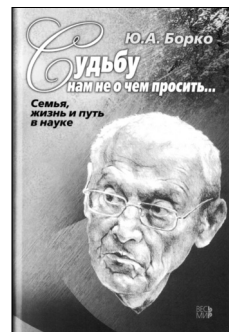
Как ни избит и ни клиширован старый и «бородатый» тезис о России как исторически несвободной, «рабской» стране, в которой нет, никогда не было и потому никогда не будет прочной традиции свободы и гражданственности, он не выдерживает проверки реальной историей. Пусть даже именно этим «очевидным» аргументом нередко обосновывается неудача демократических реформ 1980–1990-х годов и откат страны к новой версии авторитаризма и неправового государства в нулевые годы. К этому же «самоочевидному» феномену самовоспроизводящейся несвободы можно при желании свести и описанный выше демонтаж многих достижений демократической Конституции 1993 года в 2020 году. Однако реальная история России — СССР говорит о совершенно обратном. Общественные деятели, мыслители и силы, сознательно и последовательно выступающие за расширение свободы, правовой порядок и конституционные ограничения для верховной власти, появились в России не позднее середины XVIII века и с той поры составляют один из важнейших, капитальных факторов ее развития. Либеральное и позднее демократическое общественное движение в российской истории последних трехсот лет является далеко не маргинальным, а, напротив, одним из основополагающих, системообразующих. Со временем его значение и влияние только усиливались и будут впредь усиливаться. Случались ключевые исторические периоды, когда движение свободы и

верховенства права даже доминировало, предопределяя политическое и общественное развитие (Великие реформы Александра Второго, 1905 год и первая российская Конституция Николая Второго (1906–1917), Февральская революция 1917 года и Первая российская республика сентября 1917 года, перестройка М. Горбачева 1985–1991 годов и широкомасштабные модернизационные реформы 1990-х). В этой глубокой перспективе авторитарный откат России нулевых годов следует рассматривать как эпизод реакционного движения, а не как свидетельство предопределенности несвободного существования страны.

В СССР политическая оппозиция и независимые общественные силы уничтожались и преследовались с первых же дней после захвата власти партией Ленина в октябре 1917 года. К концу 1920-х годов Сталин и его группа разгромили все имевшиеся группы оппозиции в рядах правящей ленинской партии. В 1930-е годы ее представители были физически уничтожены в ходе массовых репрессий. В 1920–1930-е годы были разгромлены свободы в области культуры, науки и образования. Под запрет попало абсолютно все — свободная мысль, свободное слово, ассоциации граждан, любая их инициатива. Страна была заморожена и погружена в атмосферу страха и террора. Казалось, что долгая и почтенная традиция свободы погибла в России окончательно и навсегда.

Однако даже самое страшное сталинское двадцатилетие (1929–1953) с этим движением страны к свободе не совладало. Признаки оттаивания государства и общества (оттепели) появились практически немедленно после смерти диктатора в марте 1953 года. Нашлись люди и силы (в том числе на самом «верху»), начавшие демонтаж сталинской системы, как политико-организационный, так и идейный. Ключевую роль в этом сыграли сами руководители СССР, стремившиеся поскорее избавиться от чудовищной кровавой системы Сталина, взять под контроль партии карательные органы, ввести элементы коллективного (хотя по-прежнему однопартийного) руководства (основная заслуга в этом принадлежит Н.С. Хрущеву). А также поколение фронтовиков и людей немного моложе их, вышедших на арену общественной и интеллектуальной жизни СССР после марта 1953 года.

Одним из ярких представителей этого поколения свободомыслящих граждан является *Юрий Антонович Борко*, крупнейший российский ученый-европеист, специалист по европейской интеграции (Европейский союз). Он родился в 1929 году в Ростове-на-Дону в старинной еврейской семье (отец — русский). Во время войны находился в эвакуации и учился в школе в Казани у родственников. Поступил после окончания школы в МГУ и в 1953 году закончил исторический факультет. С 1962 по 1970 год работал в ИМЭМО РАН и первым в СССР



начал изучать социальные аспекты европейской интеграции, став крупнейшим в СССР и одним из лучших в Европе специалистов в этой области. В 1970–1989 годы продолжил исследования европейской интеграции в ИНИОН РАН. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по отделению экономических наук, выпустил несколько влиятельных монографий и множество значительных статей. С 1990 года и по настоящее время трудится в Институте Европы РАН, продолжает много писать и выступать с лекциями. В 1992 году по его инициативе и под его руководством создана Ассоциация европейских исследований в России (АЕВИС), объединившая ученых-европеистов из различных российских научных центров и университетов.

Последние годы Ю.А. Борко работал также над большой книгой воспоминаний, которая вышла недавно в Москве. Эта блестящая книга по своему содержанию значительно больше, чем мемуары. В ней скрупулезно исследована история семьи Борко с XIX века, показаны судьба и настроения российского еврейства на рубеже XIX–XX веков, раскрыты причины, по которым значительная часть евреев империи горячо поддержали партию большевиков и радикальную социальную революцию. Тетя Этель (Елена) активно участвовала в ростовском большевистском подполье и была расстреляна в 1919 году белогвардейцами. Ее личность и судьба оказали большое влияние на всех членов большой семьи Борко. Дядя Иоан — фронтовик, морской пехотинец, защитник города Керчь. Тетя Рита — в Казани управляла движением военных эшелонов. При этом ее жених попал под удар репрессий, Рита осталась бессемейной. Первая часть книги, семейная, по-научному строго и многогранно исследует на примере семьи Борко союз российских евреев с революцией, темы сталинских репрессий, государственного антисемитизма, дорогу которому дал Сталин и который продолжался до последних лет советской власти.

Вторая часть книги — «Моя жизнь» также глубоко многослойна. Детство в Ростове-на Дону, мама, довоенная Москва и военная Казань, самые важные книги детства и юности, друзья всей жизни, семья и дети (у Ю.А. два выдающихся сына — фотограф и правозащитник Дмитрий Борко и политолог Кирилл Рогов, замечательные внуки), туризм в Карелии и на Алтае. И наряду с этим полный и фундаментальный анализ общественно-политической, культурной и идейной истории послесталинского СССР. Юрий Антонович выдвигает и глубоко обосновывает тезис о двух различных эпохах и поколениях, внесших громадный вклад в «размораживание» СССР и заложивших фундамент для будущих горбачевской перестройки и ельцинских реформ. Речь идет о *пятидесятниках* (редко рассматриваемых как отдельное крупное явление, в отличие от популярных шестидесятников). Автор убедительно показывает все этапы рождения и развития очень важного в истории нашей страны движения пятидесятников, положивших начало знаменитой оттепели уже в конце 1953 года. В 50-е годы

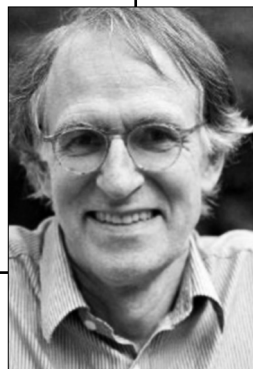
были опубликованы новаторские произведения И. Эренбурга (повесть «Оттепель», 1954), Овечкина, В. Аксенова, А. Гладилина, Е. Евтушенко, О. Берггольц, А. Твардовского, Л. Зорина, Д. Гранина (рассказ «Собственное мнение», 1956), Ф. Абрамова (роман «Братья и сестры», 1956) и другие с их принципиально новыми для СССР темами, искренностью, гуманизмом. Они расходились миллионными тиражами и радикально изменили общественную и культурную атмосферу в стране. Почти все эти авторы относились к тому же поколению, что и автор. Ими двигало общее неприятие чудовищной сталинской системы, стремление к построению более гуманного и демократического социализма, разоблачению репрессий и реабилитации их жертв.

Прорыв, совершенный пятидесятниками, открыл дорогу знаменитому движению *шестидесятников*. Тогда в СССР состоялась первая с 1920-х годов открытая дискуссия об экономических проблемах социализма и экономических реформах; первые публичные протесты против политики властей; появились и начали развиваться правозащитное движение и самиздат; формировалась открытая политическая оппозиция режиму; первые литературные произведения о массовых сталинских репрессиях (прежде всего А. Солженицына); развивалось инакомыслие в сфере культуры и науки. Власти то ослабляли, то усиливали хватку и преследования, но процесс развития свободомыслия в СССР набрал силу и подготовил будущую массовую поддержку и идейную базу для гуманистических и демократических преобразований М.С. Горбачева. Большую ценность представляет исследование Ю.А. подпольных групп и кружков, возникших в СССР после смерти Сталина, в 1950-е годы. Их история почти не известна и не описана. Ю.А. во многом восполняет этот пробел в историографии, особенно в части детального рассказа о группе Л. Краснопевцева, в которую входили его близкие друзья и о которой сам он был отчасти осведомлен. В общей сложности Ю.А. установил существование 21 подпольной группы в 1950-е годы, с самой широкой географией (Москва, Ленинград, Киев, Минск, Алма-Ата, Тбилиси и т.д.). В группу Л. Краснопевцева входили в основном молодые ученые-студенты и преподаватели с блестящими способностями и образованием, всего девять человек. Они получили тюремные сроки от 6 до 10 лет в феврале 1958 года как участники «подпольной антисоветской организации». Ю.А. Борко и ряд его друзей также попали в поле зрения «органов» и получили различного рода взыскания. Общим для всех подпольных групп было осуждение сталинизма, наследником которого большинство участников считали Хрущева. Сталинизму, как правило, противопоставлялся марксизм-коммунизм. Сам примечательный факт появления уже в 1950-е годы самоорганизованных политических групп с самостоятельными программами и требованиями имел историческое значение. Движение свободы возродилось тогда в Советской России.

Третья часть книги «Мой путь в науке» — личная история автора как крупнейшего ученого-обществоведа и одновременно история общественных наук в постсталинском СССР, особенно история исследований «капиталистического мира» и более узко — становления и развития исследований европейской интеграции. Борко рассказывает историю создания важнейших советских научных институций: ИМЭМО и ИНИОН РАН, Института Европы РАН. Есть здесь и рассказ о том, как советское руководство было вынуждено создать научные учреждения, способные к реалистическому научному анализу и экспертному обеспечению высшего руководства страны в вопросах международной политики, экономики и безопасности; как постепенно доктринерство и революционная фраза заменялись серьезным научным анализом высокого уровня, научным реализмом, как формировались сильные научные школы; об основоположниках научной советской европеистики, об освоении советскими учеными достижений западной науки. Ю.А. выделяет этапы развития советской школы европейских исследований и рассказывает о вкладе крупнейших специалистов. О том, что после распада СССР возникла новая и свободная российская европеистика — органическая часть мировых европейских исследований. В наши дни Россия располагает сотнями первоклассных специалистов в этой области, вопросы европейской интеграции изучаются и преподаются в лучших российских вузах, в том числе провинциальных. Огромная личная заслуга в этих успехах принадлежит Ю.А. Борко. Среди других исследовательских интересов Борко, нашедших отражение в книге, — исследование судьбы еврейского народа первой половины XX века; идейные, культурные и политические течения постсталинской эпохи, начавшие неостановимое возвращение России на пути свободы и права; история общественных наук в СССР и подробная история советских и российских европейских исследований. И при этом это глубоко личная книга, полная сердечности, глубины, мудрости и бесконечной любви к родным, близким, друзьям и Родине, а еще прекрасных лирических и философских стихов. Книга Ю.А. Борко важна для историков, обществоведов, европеистов как блестящее исследование XX века, истории общественных течений и науки. Она стоит в этом отношении в одном ряду, например, с замечательно многогранными мемуарами отца-основателя европейской интеграции (книга Ж. Монне «Реальность и политика»). Со своей стороны желаю Ю.А. Борко — моему старшему другу и учителю — продолжения исследований, лекционной деятельности и полной богатой жизни. Его творчество, его судьба, его дети и внуки, судьба его поколения не оставляют сомнений в том, что Россия будет свободной.

Кант был антирасистом*

Михаэль Вольфф,
доктор философии, Билефельдский университет



Философ Иммануил Кант отрицал какое-либо моральное значение эмпирических различий между людьми.

Нужно, несмотря на всю, и притом вполне обоснованную, вражду к дерзким мнениям, решиться создать такую историю природы, которая представляла бы собой отдельную науку и была бы способна постепенно перейти от простых мнений к знаниям (Кант. О различных человеческих расах, 1775).

«Высшее совершенство человечества выражено в белой расе. Желтые индейцы уже более скудны талантом. Негры значительно ниже их, а в самом низу находится некоторая часть американских народностей».

В настоящей статье будем называть оба эти предложения сокращенно «[нашей] цитатой». Они взяты из «Физической географии» [*Physische Geographie*], включенной в том 9 академического издания «Сочинений Канта» [*Kants Schriften*]. Франкфуртский кантовед Маркус Виллашек [*Marcus Willaschek*] использовал при-

веденную в кавычках цитату в статье «Кант был расистом» (*F.A.Z.* от 23 июня с. г.), чтобы обвинить философа в расизме. В этом факте ничего не меняют примечания, высказанные Патриком Банерсом в статье от 19 июня (что Кант «понимал свою теорию о человеческих расах как вклад в текущую научную дискуссию», что он «неоднократно пересматривал свою позицию» и «в итоге отказался от понятия человеческой расы»), во всяком случае, они ничего не меняют тогда, когда (как считает Виллашек) под расистом понимается человек, который огульно принижает людей в силу цвета кожи или схожих признаков.

Виллашек не ограничивается этим обвинением и атакует Канта как философа, который, вместо того чтобы «критически анализировать предрассудки», погряз в «противоречии». Ибо его расизм, продолжает он, не позволил ему «додумать до конца» свой морально-философский универсализм.

Ниже мы постараемся показать, что обвинение Виллашека ошибочно, а его критика философии Канта — беспредметна. Откуда происходит наша цитата?

* *Frankfurter Allgemeine Zeitung (F.A.Z.)* от 9 июля 2020 г.

Наша цитата — не из Канта, и ее точно так же, как «Физическую географию», нельзя относить к его сочинениям. Этот текст, опубликованный в 1802 году, включает три написанные в разное время и утраченные в XIX веке рукописи Канта, которые были скомпилированы не поддающимся на сегодня реконструкции образом их издателем Фридрихом Теодором Ринком. Они содержали записи к лекциям об определенной эмпирической области (естественной истории), которую Кант четко отличал от своей специальности, а именно «чистой философии», и в отношении к которой он, что касалось сбора эмпирических фактов, по большей части не мог произвести самостоятельного исследовательского вклада. Соответственно его подготовительные работы к лекциям должны были в значительной части состоять из конспектов или парафраз из чужих источников.

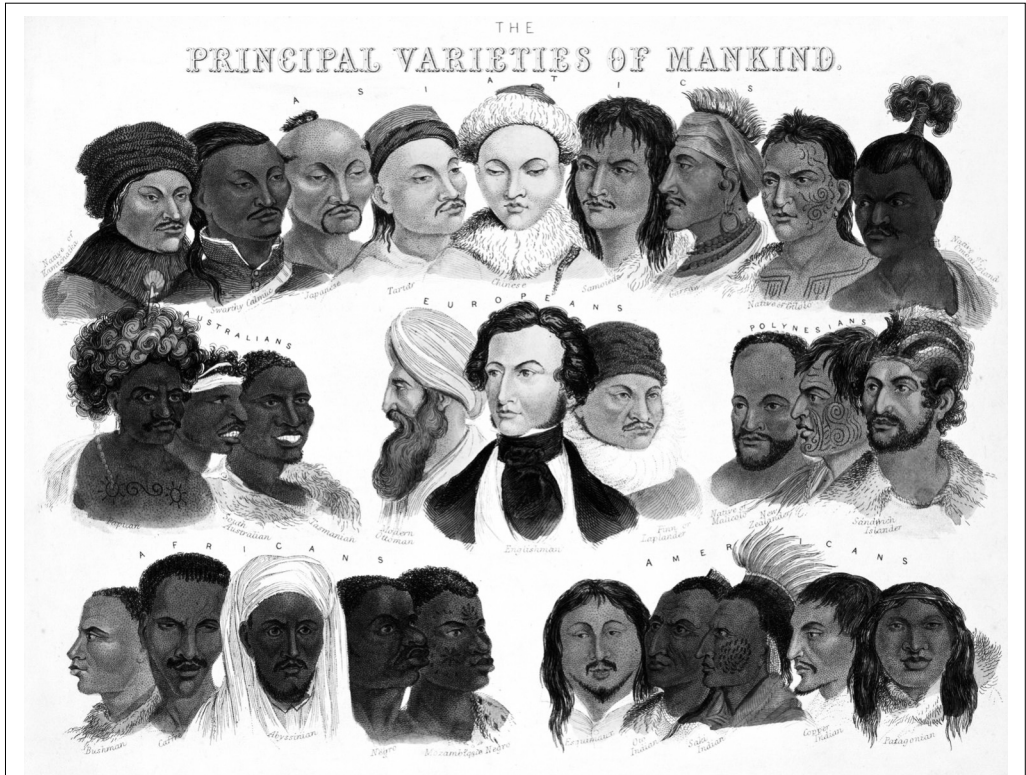
Пауль Гедан выявил целый ряд этих источников и соотнес их в текстологическом аппарате к тому 9 академического издания с некоторыми частями текста, изготовленного Ринком. Соответственно одним из источников, которые Кант использовал для составления конспекта для раздела, который включает нашу цитату, является том 1 части II (1752) «Всеобщей естественной истории» Жоржа-Луи Леклерка де Бюффона. Этот том содержит пространную главу под названием «Различные виды человеческого рода», которая заканчивается описанием четырех основных видов человечества. Сравнительный анализ текстов показывает, что наша цитата резюмирует соответствующие выкладки, причем в обратной последовательности и практически с полностью совпадающей терминологией. Можно полагать, что Кант уже

использовал это резюме в одной из более ранних лекций, которые он читал по физической географии с 1756 года в течение сорока лет.

Очень хотелось бы знать, как Кант комментировал это резюме в ходе лекции. Ни в коем случае нельзя предполагать, что он был согласен со всем тем, что он прочитал в своем источнике. Напротив. Как свидетельствуют дополнительные записи к другим лекциям, он упрекал Бюффона перед своими студентами в том, что тот «часто мыслил дерзко (*avec hardiesse*)»: «Столь многочисленные дерзкие (нередко ошибочные) суждения — не заслуга».

Если рассмотреть нашу цитату более подробно в контексте, то тогда бросается в глаза, что в ней слово «раса» не используется в том смысле, который Кант вложил в него в своих публикациях от 1775, 1785 и 1788 годов, где он формулирует свое определение понятия человеческой расы. Там оно используется таким образом, как будто «род» и «раса» могли означать одно и то же. Например, в этом разделе встречается следующее (почти дословно взятое из немецкого издания Бюффона) предложение: «Житель умеренного региона земли, преимущественно средней части оного, более статен, работающ, шутив, умерен в своих страстях, сообразителен, нежели какой-либо иной человеческий род в мире». Не позднее чем с 1775 года Кант отказался от предположения о существовании более чем одного человеческого рода.

Его труд «О различных человеческих расах» исходит из предположения, что все человеческие жители земного шара принадлежат «к одному и тому же естественному роду, ибо все они при совокуплении порождают детей, способных



Джон Эмсли. Разновидности человечества. Географическая схема. 1850

к продолжению рода» («как бы сильно они вообще ни различались по своему внешнему облику»). Основу используемого здесь понятия физического рода образует принцип, который Кант называл принципом Бюффона. В понимании Канта он, однако, не является эмпирическим правилом, но — эвристическим принципом, то есть предположением, которым надлежит руководствоваться в научных изысканиях. Оно гласит, что живые существа, которые, согласно наблюдениям, относятся к одному и тому же сообществу, целью которого является их размножение, должны причисляться к одному и тому же роду и имеют общий «корень». Между физическим родом и физическим видом не существует различий. Напротив, различия, неизбежно передаваемые по наследству общему по-

томству в рамках одного рода, являются лишь внешними различиями неизменных видов одного и того же рода.

Поэтому для Канта должно было быть целесообразным заменить подразделение родов на виды подразделением на расы, причем в его определении понятия расы должно было учитываться, что расы не являются неизменными, но могут смешиваться, а в случае смешения происходит частичная передача неизбежно передаваемых по наследству признаков с обеих сторон в равных частях. Ибо он предполагал, что неизбежное наследование признаков у живых существ является результатом целесообразного и постепенного приспособления к условиям окружающей среды. Для Канта понятие человеческой расы, равно как и понятие человеческого

рода, являлось не эмпирическим понятием, но «идеей», призванной служить научности естественной истории.

Этой идеей надлежало руководствоваться научным изысканием в поиске и наблюдении, чтобы генерировать «знания» и исправлять традиционные «мнения». Соответственно этот труд Канта от 1775 года одновременно был программным заявлением, посредством которого [студентам] на каждый будущий летний семестр предлагались лекции по физической географии. Он заканчивается [первым] предложением, взятым в качестве эпиграфа к настоящей статье и раскрывающим главную цель, которую Кант как ученый сопрягал с этими лекциями: преодоление «дерзких» мнений.

Виллашек переворачивает вещи с ног на голову, отмахиваясь от сформулированных Банерсом примечаний утверждением, которое он не может доказать/обосновать, и высказывая мнение, что Кант в «Физической географии» отказался от критического анализа предрасудков. Философские публикации лишь крайне редко вызвали столь актуальный и масштабный естественно-научный интерес, как эти три вышеупомянутые работы Канта. Естествоиспытатель Кристоф Гиртаннер (1760–1800), ученик Иоганна Фридриха Блументбаха и друг Георга Кристофа Лихтенберга, опубликовал в 1796 году книгу «О принципе Канта для естественной истории» и вынес вышеупомянутый эпиграф на ее титульный лист.

В этой книге он рекомендовал использовать «принцип Канта», то есть неизбежное наследование в случае смешения рас, как научно-исследовательский принцип, применимый в самом общем смысле к любым организмам, потому что он «годится для эксперимента».

Гиртаннер ссылаясь на эксперименты по скрещиванию цветковых растений, с помощью которых Йозеф Готлиб Кельрёйтер около 1760 года стал доказывать, что путем опыления могут передаваться признаки с одного поколения растений на последующее, в результате чего можно производить гибриды. Но это еще не было доказательством существования правил наследования при смешении «растительных рас» (терминология Гиртаннера). По существу такие правила были открыты лишь в начале 60-х годов XIX века в результате экспериментов Грегора Менделя на цветковых растениях.

В связи с терминологией интересно, что Мендель в труде «Опыты над растительными гибридами» (1865), где он впервые пишет о своих экспериментах, которые являлись непосредственным развитием изысканий Кельрёйтера, называет отобранные для экспериментов растительные «носители» не «расами» (как Гиртаннер), но «коренными видами». Мендель сразу же указывает на то, что «систематическая классификация» отобранных для этих экспериментов сортов гороха носит «сложный и неопределенный» характер. Одновременно он дистанцируется от наивного применения понятия вида: «Если бы использовалось самое строгое определение понятия вида, согласно которому к одному и тому же виду относятся только такие индивидуумы, которые при совершенно одинаковых обстоятельствах также проявляют совершенно одинаковые признаки, то тогда было бы невозможным отнести даже двух из них к одному виду». Мендель отказался от представления об иерархии неизменных видов по-другому, чем это сделал Гиртаннер, создав искусственное понятие «коренной вид».

Остается спросить, в чем же заключается «противоречие», в которое якобы попал Кант. Что же воспрепятствовало Канту «додумать до конца» универсализм своей моральной философии? Кажется, Виллашек не заметил, что кантовское понятие человеческой расы предполагает идею единства человеческого рода, что в кантовской моральной философии различия между чисто эмпирическими признаками людей не играют никакой роли. Согласно антропологии Канта, эти эмпирические признаки, которые образуют «родовой характер» каждого человека, то есть признаки, которые присущи каждому человеку вместе со всеми другими людьми и которые отличают его от нечеловеческих существ, могут быть обозначены только с оговоркой на возможное заблуждение. Кант считает, что о наличии (эмпирически определенного) родового характера в принципе не может быть и речи, если только не предположить, что человеку присущ «характер, который он создает сам для себя».

Универсализм Канта включает принцип, что существует «исконное право, принадлежащее каждому человеку в силу его человечности». Оно заключается в «свободе» каждого человека, поскольку она может сосуществовать со свободой «любого другого человека» в соответствии с «общим законом». Этот принцип исключает расовую дискриминацию. Кант сам извлек из него соответствующие антирасистские выводы. В своем главном морально-философском труде —

«Метафизика нравов» (1797) — он подробно объясняет, почему является противозаконным, если европейцы на чужих континентах с помощью оружия или «путем обманной купли-продажи» лишают целые народы (например, «американские нации», «тунгусов», «готтентотов», «новоголландцев») возможности традиционно использовать землю в качестве основы существования.

Основополагающая для европейского колониализма теория собственности Джона Локка, согласно которой возможно приобрести чужую землю путем того, что человек сам или руками других людей обрабатывает ее, предполагает то, чего в понимании Канта как раз нельзя предполагать: что «право на частное использование земли» может существовать и для того, кто не владеет ею на юридических основаниях.

Следует отметить, что Кант — всего лишь один из целого ряда критиков колониализма. Вместе с тем прошу назвать, если это возможно, других авторов, которые — до или после Канта — исследовали и обозначили ту принципиальную противозаконность, только благодаря которой смог состояться европейский колониализм. Линию Канта можно назвать антирасистской именно потому, что в связи с вопросами законности и противозаконности, в связи со всеми вопросами морали он не признает каких-либо различий между чисто эмпирическими признаками людей.

Перевод с немецкого Александра Королькова

Contents

THEME OF THE ISSUE

Leadership Challenges in Post-COVID19 Recovery <i>Francis M. O'Donnell</i>	5
A New Legal Nihilism <i>Olesya Zakharova</i>	11

CHALLENGES AND THREATS

Building the World We Want to Live In: A Union of Vitality in a World of Fragility <i>Ursula von der Leyen</i>	16
Humanity Needs Democratic Representation <i>Andreas Bummel</i>	31
The Need for a New Social Contract? <i>António Guterres</i>	35

A VIEWPOINT

The American Riots <i>Ivan Kurilla</i>	40
On the Essence of Hybrid Wars <i>Andrei Kurapov</i>	44
On the Constitution <i>Ilya Afanassiev, Maria Potekhina, Galina Filimonova, Alexander Fuks, Dmitrii Moskvina, Alexander Malakhov</i>	49

CIVIL SOCIETY

The Only European <i>Andrei Kolesnikov</i>	70
Leo Tostoy: To Forget the Past: A Work of Fiction or Historical Truth <i>Alexander Sogomonov</i>	74

ANNOUNCEMENT

Yu. P. Senokosov. In Search of the Lost Universalism: On the School of Civic Education	98
---	----

BOOKS

A Mysterious World, or the Wealthy Russians the Way They Are <i>Andrei Zakharov</i>	104
Counterpoint <i>Vladimir Ryzhkov</i>	107

NOTA BENE

Kant Was Anti-Racist <i>Michael Wolff</i>	119
--	-----

Содержание

журнала «Общая тетрадь» за 2020 год

К ЧИТАТЕЛЮ

Юрий Сенокосов
К читателю (№ 2–3)

БЕРЛИНСКИЙ ФОРУМ

Лена Немировская
Вступительное слово (№ 1)
Константин фон Эггерт,
Лайла Бокхари, Елена Панфилова
О ценностях, вокруг которых могли бы объединиться международные организации (№ 1)
Пилар Бонет, Натали Нугайред,
Сильви Кауффман
Проблема доверия к СМИ (№ 1)
Михаил Минаков, Бобо Ло
Почему мы нуждаемся в едином европейском пространстве? (№ 1)

ТЕМА НОМЕРА

Дмитрий Горин
Нужен ли гуманизм в постчеловеческом мире? (№ 1)
Василий Жарков
Новый век начинается в 2020 году (№ 2–3)
Олеся Захарова
«Новый» правовой нигилизм (№ 4)
Иван Крестев
Семь уроков пандемии (№ 2–3)
Обращение Римского клуба к мировым лидерам. Здоровая планета для здоровых людей (№ 2–3)
Фрэнсис М. О’Доннелл
Вызовы для лидерства в эпоху восстановления после кризиса COVID-19 (№ 4)
Марко Полити
О папе Франциске, католической церкви и мировой политике (№ 1)

Юваль Ной Харари
Мир после коронавируса (№ 2–3)
Ютта Шеррер
Советский и российский гуманизм. История понятия (№ 1)

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Андреас Буммель
Человечеству нужно демократическое представительство (№ 4)
Антониу Гутерриш
Зачем миру новый общественный договор? (№ 4)
Кристофер Коукер
«Не думаю, что XXI век станет ‘китайским’» (№ 2–3)
Урсула фон дер Ляйен
Строим мир, в котором хотим жить: союз жизненных сил в мире хрупкости (№ 4)
Константин Эггерт
Почему миру суверенных государств нужны глобальные институты (№ 2–3)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Илья Афанасьев, Мария Потехина,
Галина Филимонова, Александр Фукс,
Дмитрий Москвин, Александр Малахов
О Конституции (№ 2–3)
Софья ду Булей
Секреты долголетия: стратегии легитимации политических режимов в России и Казахстане (№ 1)
Наталья Корченкова
Андрес Веласко: «Между любовью к человечеству и любовью к стране нет конфликта» (№ 2–3)
Андрей Курапов
О сущности гибридных войн (№ 4)
Иван Курилла
Американские беспорядки (№ 4)

Михаил Соколов

Невыученные уроки (№ 2–3)

Френсис Фукуяма: «Ничего нового в политике идентичности» (№ 2–3)

Фредрик Эрикссон

Личная ответственность в современной экономике (№ 2–3)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вадим Карастелев

Вопрошание — путь демократизации (№ 1)

Андрей Колесников

Единственный европеец (№ 4)

Наталья Корченкова

Джон Робертс о гражданском просвещении и судебной системе (№ 1)

Нильс Муйжниец

Фатален ли кризис прав человека (№ 2–3)

Александр Согомонов

Гражданское образование в истории отечественной общественно-политической мысли. Очерк второй. Просвещение и История: контрасты николаевской России (№ 1)

Александр Согомонов

Гражданское образование в истории отечественной общественно-политической мысли. Очерк третий. Просветительская мысль второй половины XIX века между академической наукой, революционным порывом и художественным вымыслом (№ 2–3)

Александр Согомонов

Лев Толстой. Забыть прошлое: художественный вымысел или историческая истина (№ 4)

Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен

Достоинство человека, свобода и ответственность (№ 2–3)

ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ

Андрей Захаров

Алексис де Токвиль: аристократ, очарованный демократией (№ 2–3)

Анатолий Михайлов

Наследие Ханны Арендт (№ 2–3)

ДИСКУССИЯ

Лев Шлосберг

О постсоветском наследии и четырех сценариях развития России (№ 1)

ПРОЕКТЫ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ

Федор Луковцев

Сохранение биоразнообразия Арктики. Возможности реинтродукции

Виктор Мучник, Виктория Мучник

Журналистика ближе к гражданскому активизму

НАШ АНОНС

Сенокосов Ю.П. В поисках утраченного универсализма: О Школе гражданского просвещения (№ 4)

IN MEMORIAM

Ольга Пишикова

Александр Радевич (1964–2019) (№ 1)

КНИГИ

Андрей Захаров

Ленинизм-путинизм и прочие глупости в ассортименте (№ 2–3)

Таинственный мир, или Богатые русские как они есть (№ 4)

Владимир Рыжков

Контрапункт (№ 1–4)

NOTA BENE

Михаэль Вольфф

Кант был антирасистом (№ 4)

Иван де ла Нуэс

Пир последствий (№ 2–3)

Константин Рубахин

Мамонотеизм. От гуманизма к трансгуманизму (№ 1)

Светлана Шмелева

Вместо репортажа (№ 1)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Наши авторы:

Сергей Гуриев

Матьяш Груден

Алексей Гордин

Фарид Захария

Андрей Захаров

Андрей Колесников

Алексей Кара-Мурза

Михаил Минаков

Фрэнсис О'Доннелл

Елена Панфилова

Владимир Рыжков

Лолита Чигане

Николай Эппле

Подписано в печать 15.12.20.

Формат 70×108/16.

Печ. л. 8.

Тираж 300 экз.

Заказ № 1327

Школа гражданского просвещения

107031 Москва,

ул. Петровка, д. 17, стр. 1

www.civiceducation.ru

ISBN 978-5-93895-132-7